ОГОНЁК

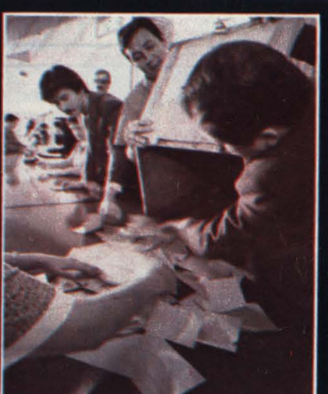
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1988

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ФАНТАЗИИ

РАССКАЗ НИКОЛАЯ ШМЕЛЕВА

МЫ ВЫБИРАЕМ, НАС ВЫБИРАЮТ

ВОЗЬМЕМСЯ ЗА РУКИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 36 (3189)

3 — 10 СЕНТЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Участники советско-американского марша мира в Вашингтоне. (См. в номере материал «Открытые двери Америки».)

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 15.08.88. Подписано к печати 30.08.88. А 10394. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 800 000 экз. Заказ № 2834.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

СО

Как в Алма-Ате

Выбор сделан. А. К. Минибаев — первый заместитель председателя Алма-Атинского горисполкома

Вначале было слово, всколыхнувшее столицу Казахстана. Слово называлось «Положением по выборам первого заместителя председателя исполкома Алма-Атинского городского Совета народных депутатов». Оно было опубликовано в газете «Вечерняя Алма-Ата» для широкого ознакомления и приглашало желающих участвовать в конкурсе на замещение объявленной вакансии.

СТЯЗАНИЕ

выбирали первого заместителя председателя горисполкома

Юрий ЛУШИН, собственный корреспондент «Огонька» по Казахской ССР
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

«Положение» многих лишило сна, оно будило честолюбивые надежды, оно во всю ширь распахивало двери демократии, оно обещало каждому гражданину, не достигшему еще 50 лет, прямой и короткий путь к известности, к успеху. Гражданкам тоже не чинилось препятствий, во всяком случае, «Положение» о таковых молчало. (Скажу, забегая вперед: увы, ни одна женщина так и не осмелилась составить конкуренцию мужчинам.)

В круг должностных обязанностей первого заместителя входят вопросы интенсификации работы промышленного комплекса, экономики, транспорта, связи, энергетики, охраны окружающей среды и развития подсобных хозяйств. Поэтому, не препятствуя любому жителю Алма-Аты участвовать в конкурсе, «Положение» выдвигало перед ним два условия: чтобы соискатель имел высшее техническое образование и какой-то опыт руководящей советской или хозяйственной работы. В остальном — никаких ограничений, милости просим. И не важно, будет ли кандидатуру соискателя выдвигать трудовой коллектив, хорошо его знающий, или заявление в конкурсную комиссию принесет он лично, полагая, что себя-то самого знает гораздо лучше любимого коллектива. Комиссия справедливо рассудила, что краткая автобиография («не был», «не привлекался», «не имеет») каждого кандидата должна быть дополнена его предвыборной программой. И не просто дополнена, но и обоснована, защищена при личном собеседовании каждого с членами городской конкурсной комиссии. В ее состав, кстати, вошли рабочие, ученые, депутаты, партийные, профсоюзные и комсомольские работники, директора крупных предприятий, общественные деятели, журналист, а возглавил ее первый секретарь горкома КПСС Владимир Иванович Романов...

Итак, слово произнесено, наступил второй этап.

ОЖИДАНИЕ

Оно как-то так неприлично затягивалось. Проходили дни, потом недели, а заявлений не поступало...

Приближался крайний срок — 26 июля. И тут словно плотину прорвало, хлынул настоящий поток бумаг от соискателей: рекомендации, автобиографии, характеристики, предвыборные заявления... Сначала объявились трое соискателей, потом стало семеро, потом за десяток перевалило — дюжина набралась. Наконец, совершенно неожиданно, в последний момент к дюжине добавились еще два письма-телеграммы... из Якутии и Бурятии. Итого четырнадцать кандидатов. Теперь пришла пора сказать свое объективное суждение конкурсной комиссии, пришла пора пропустить объявленные достоинства кандидатов через

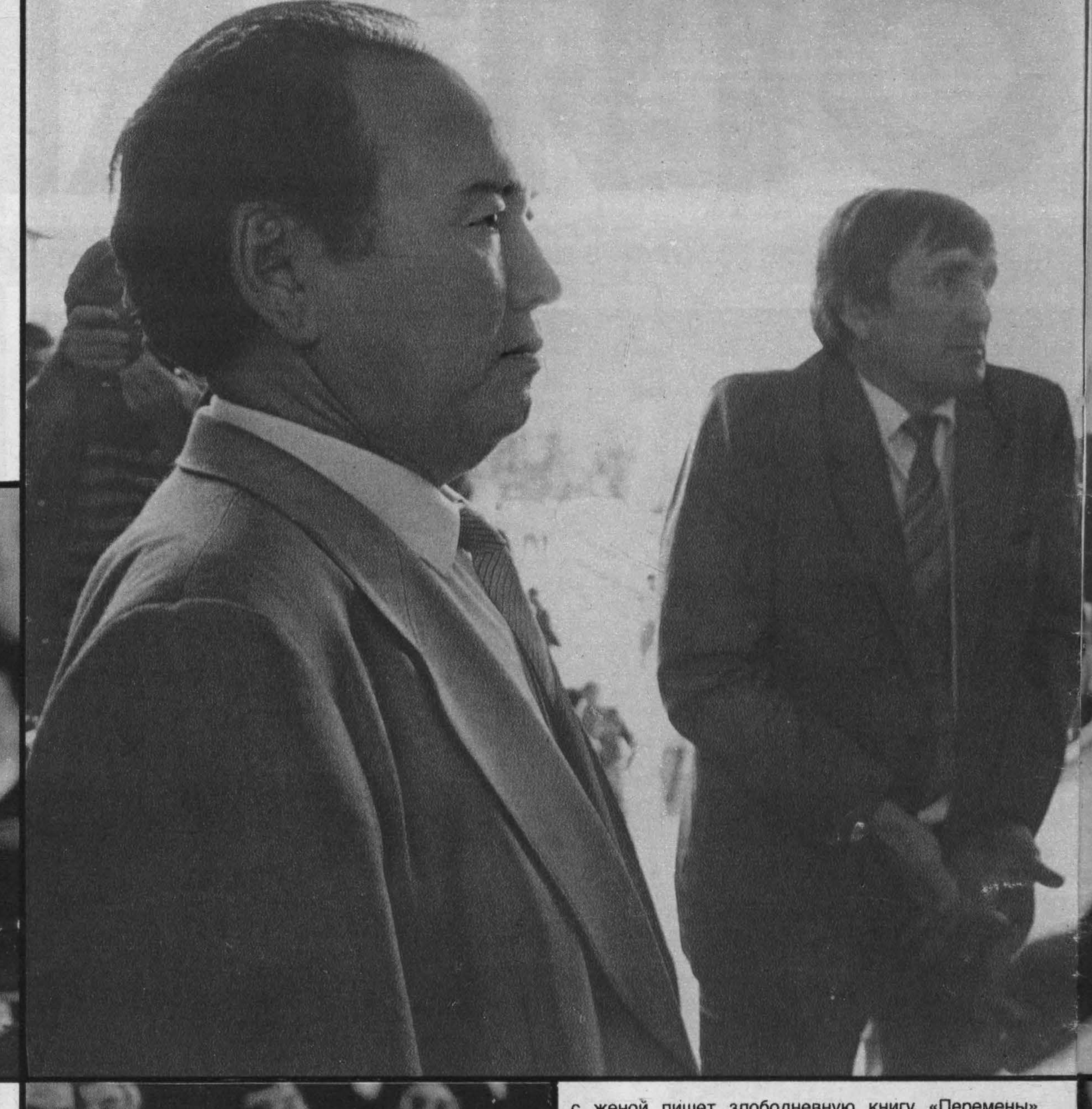
СИТО МНЕНИЙ

В условленный час взошел я на третий этаж здания горкома партии. Перед небольшим залом заседаний толпились мужчины: все, как один, в пиджачных парах и при галстуках, несмотря на тридцатиградусную жару. Ох, уж эта всеобщая пиджачно-галстучная мода совслужащих «от края и до края»... Я не собираюсь навязывать кому-либо свое мнение о том, что в жару удобнее ходить в легкой рубашке с короткими рукавами, а не в пиджаке с подкладкой. К тому же это никак не влияет на деловые качества человека. Хотя... ведь стиль одежды — тоже один из способов самовыражения, и мне, например, рядовому избирателю, интересно знать о будущем зампреде даже такую малость.

Кандидатов заслушивали по одному, в алфавитном порядке. Однако я нарушу здесь этот порядок и скажу сначала о тех, кто не прошел сквозь сито мнений конкурсной комиссии.

Курбеген Досумов, кандидат технических наук, свое выдвижение мотивировал так: «От Досумова К. Б., безработного, проживающего по ул. К. Маркса...» Выяснилось, что этот соискатель в последнее время заведовал кафедрой в Политехническом институте, однако на очередных выборах не выдержал конкурса и, сочтя кровной обидой предложение быть просто преподавателем, предпочел вообще не работать...

Чтобы покончить с «безработными», представлю еще одного. Владимир Григорьевич Козлов, радиоинженер, два года судится из-за личных амбиций с родным коллективом. Решился и предложил себя в зампреды...

Поразил меня и Валерий Михайлович Поротников, секретарь парткома совхоза Узун-Агачский (образование высшее техническое, 38 лет). Из его предвыборной программы я многое узнал о... птицеводстве, о теплицах, о садах, о том, что «перепел — птица космоса» и что одно перепелиное яйцо заменяет по свойствам два куриных. Само по себе это, конечно, интересно, чувствовалось, что Валерий Михайлович знает и любит свою профессию птицевода, но при чем тут городские нужды? Подобные сомнения возникли, очевидно, и у членов комиссии.

— Как вы, сельский житель, представляете себе заботы и проблемы миллионного города?— задали ему в числе прочих вопрос.

— Я часто бывал здесь в командировках.

— Знают ли о вашем решении коммунисты совхоза?

— Нет, не знают. Но дело ведь стоящее...

— В каком смысле стоящее?— изумился председатель горисполкома Заманбек Калабаевич Нуркадилов, наверное, самый заинтересованный в исходе выборов член конкурсной комиссии. И, не услышав ответа, предложил конкретную задачу соискателю.— К вам на прием пришли бывшие воины-афганцы, инвалиды. Они хотели бы заняться спортом, да негде, нет помещения, нет оборудования. И у вас его нет. Что делать? Ваши действия?

Все ждали ответа, но молчал птицевод Поротников. А ведь это не самая сложная задача из тех, которыми будет экзаменовать жизнь будущего первого зампреда...

Абалтай Шайхов, сотрудник КГБ, некогда окончивший институт связи, обосновал выдвижение своей кандидатуры тем, что родился в селе из тридцати дворов, да еще тем, что вот уже седьмой год вдвоем с женой пишет злободневную книгу «Перемены». Когда же члены комиссии стали задавать ему элементарные вопросы, у Шайхова начался нервный тик. Что же будет, когда избиратели, придя на прием, будут задавать ему очень острые вопросы?

Молбай Дюсеков, начальник ремонтно-строительного управления, рекомендован общим собранием коллектива.

— Что заставило вас претендовать на эту должность?— без дипломатии спросили его. На что он тоже без дипломатии, с этакой детской непосредственностью ответил:

— Почитал доклады Колбина и Назарбаева (Первого секретаря ЦК и Предсовмина республики), решил — справлюсь. Считаю, что у строителя соображение большое...

У комиссии, однако, было другое мнение (впрочем, остальных строителей никак не задевающее).

Не меньше изумил конкурсную комиссию учитель средней школы № 110 Владимир Иванович Карачев, в свои 37 лет успевший поработать и фрезеровщиком на заводе имени Лихачева в Москве, и электрокарщиком в Хабаровске, и сантехником в Шевченко, и даже участковым инспектором милиции. Интересно, что почти нигде он не задерживался больше двух лет. Не стала исключением и учительская его карьера. После окончания пединститута, проработав два года в одной школе, он перевелся в другую. Традиция? Тогда какая-то непонятная. Несмотря на отсутствие у него технического образования и навыков руководителя, Карачев был выслушан комиссией, причем даже дважды (повторно по его просьбе), но убедить в своей компетентности не смог. Тогда председатель городского Совета ветеранов войны и труда Рымбек Ильяшев предложил:

— Видно, парень он упорный, может быть, порекомендуем его директором какой-нибудь школы?

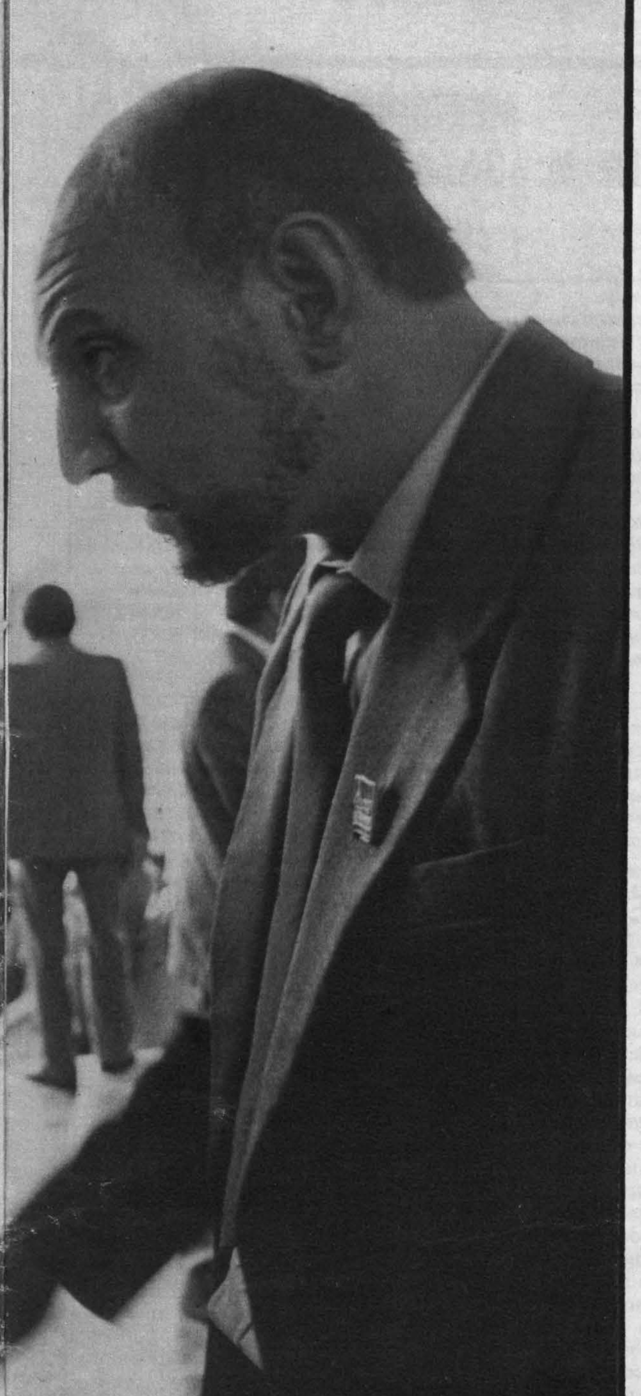
— Не надо,— решительно возразил претендент.

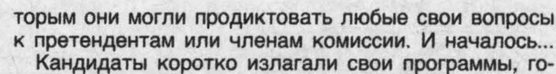
— Почему?

— Не мой уровень,— с достоинством ответил тот.

Ну что же, ему виднее.

Из всех отсеявшихся на первом этапе, пожалуй,

лишь один Юрий Константинович Кельдюшев, инженер-строитель по образованию, заместитель начальника Главалмаатастроя имел шансы попасть в следующий тур предвыборной гонки. Но он сам, честно оценив свои возможности, снял свою кандидатуру... Да, чуть не забыл о претендентах-заочниках из Якутии и Бурятии. Если говорить коротко, то оба были единодушно отвергнуты комиссией. Но я все-таки поясню, почему. Один из них, рабочий с высшим техническим образованием Борис Николаевич Шадрин из якутского городка Удачный, не имеет и дня опыта руководящей работы. Второй, Лолай Цыремпилов, мой коллега по профессии — журналист, написал: «Я знаю жизнь. Логика у меня развита... Для знакомства с городом, его хозяйством прошу дать мне две недели, максимум три. Этого времени мне будет достаточно для того, чтобы определить основные направления деятельности на ближайший период. Через год алмаатинец может судить о том, что достигнуто...». Ах, друг Лолай, трудно поверить, что все это всерьез.

Итак, сквозь сито комиссии пробились на следующий тур пятеро претендентов. Перечислю их в алфавитном порядке.

Вадим Андреевич Агеев, зам. председателя Госкомгаза КазССР.

Самат Жиенбаев, начальник управления автовокзалов.

Александр Касимович Минибаев, первый секретарь Алатауского райкома КПСС.

Куаныш Кабдолович Саликов, заместитель председателя общества слепых по производству.

Сериктес Толембаевич Токкулов, начальник дорожно-эксплуатационного управления Джамбулского района.

Каждый из них имел и опыт работы с людьми, и нужные знания. Каждый предлагал на ближайшее будущее свою программу действий, которая в частностях (что вполне объяснимо) совпадала с другими: в решении, например, проблем экологии, городского транспорта или увеличения производства товаров народного потребления. Четверо из них коммунисты, один беспартийный. Шансы в общем-то равные. Теперь всем предстояло...

ИСПЫТАНИЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕМ

Передача шла в эфир без подготовки и каких-либо репетиций, напрямую. Приглашенный в ней участвовать, я уже в студии узнал, что претендентов осталось четверо, накануне снял свою кандидатуру Агеев. («Почему?»— спросил я его на другой день. «Чтобы не жалеть потом об ошибке»,— коротко ответил он.) Оставшихся сомнения не мучили.

Мы расселись за столами; режиссер дал команду, микрофоны включились. Одновременно телезрителям сообщили десяток студийных телефонов, по которым они могли продиктовать любые свои вопросы к претендентам или членам комиссии. И началось...

Кандидаты коротко излагали свои программы, говорили без шпаргалок и довольно толково. Но создавалось впечатление, что зрители у экранов своих телевизоров не очень-то их понимали. Если, например, Жиенбаев с жаром развивал идею о создании единой диспетчерской службы на базе автоматизированной системы контроля и управления маршрутным автобусным транспортом, то по телефону тут же задавались ему конкретные вопросы: «Почему по субботам и воскресеньям невозможно дождаться автобуса до дачных участков?», «Почему на автовокзале и в автобусах грязно, водители ведут себя грубо?». Когда Токкулов возмущался бесхозяйственностью, с какой под строительство новых городских районов изымаются подчас лучшие земли совхозов и колхозов, ветеран войны Такаметов спрашивал по телефону: «Почему в микрорайонах нет бани, кто из кандидатов мог бы решить эту проблему?» Если Минибаев заговаривал о развитии платных услуг предприятиями, об увеличении производства товаров народного потребления, о развитии кооперативов, то поступал вопрос: «Ходите ли вы в магазины? Если да, то будете ли ходить в них после избрания вас на пост зампреда?» Когда Саликов развивал мысль о создании хозрасчетных специализированных городских фирм (например, по ремонту оборудования, сантехники и т. д.), поступал вопрос от жильцов дома № 165 по ул. Фурманова: «Когда же наконец будет произведен капитальный ремонт, обещанный еще четыре года тому назад?»

Ясно, что люди устали от общих фраз и несбыточных обещаний, они стосковались по конкретным, реальным делам, по которым и оценивают теперь руководителей любого ранга. Конечно, в часовой телепрограмме трудно было прийти к взаимопониманию, но зрители оценили, что наибольшие усилия приложил в этом направлении А. К. Минибаев. Поступило более сотни звонков, отдававших предпочтение ему. Предвыборный марафон приближался к своему финишу. Предстояло последнее испытание — общее собрание депутатов горсовета, прямое и тайное голосование.

ГОЛОСОВАНИЕ

Оно состоялось ровно через месяц, день в день, после объявления открытого конкурса. Мне кажется, что месяц — очень короткий все-таки срок для того, чтобы распознать способности и потенциальные возможности претендента. Не случайно многие из выступавших депутатов горсовета говорили о том, что в процессе конкурса сравнивались и оценивались в основном программы претендентов, а не они сами. Ну что же, мы только учимся демократии, и это лишь один из ее уроков. Я поинтересовался у председателя горисполкома З. Нуркадилова:

— Каким в идеале вы видите своего первого заместителя?

— Если бы я знал идеал, то выборов бы не было,— отшутился он,— а если серьезно, то одно качество просто необходимо: не быть соглашателем, слепым исполнителем воли вышестоящего начальства, быть с председателем на равных, иметь свое мнение и уметь его отстаивать, но не из упрямства, а из внутренней убежденности. И еще, пожалуй, одно — не обойтись нашему брату без чувства юмора. В безвыходных ситуациях только оно и спасает...

Любопытно? Однако ни в одной из предвыборных программ претендентов ничего похожего не было. Кстати, на последнем этапе их осталось только трое: еще один из претендентов, С. Жиенбаев, неожиданно свою кандидатуру снял. Накал борьбы резко снизился, стало очевидно, что с А. Минибаевым соперничать трудно. Он же, словно почувствовав это, в последнем кратком выступлении блеснул и остроумием, и эрудицией, и... юмором. Кто-то из депутатов предложил даже внести в списки для тайного голосования лишь одну его фамилию. Какой же гул неодобрения поднялся в зале, сколько прозвучало страстных слов в защиту демократии! В списки внесли три фамилии, три кандидата на высокий пост: С. Токкулов, К. Саликов, А. Минибаев — ждали результатов голосования. И вот счетная комиссия объявила, что большинством голосов на общем собрании депутатов горсовета избран первым заместителем председателя Алма-Атинского горисполкома Александр Касимович Минибаев. Ему 41 год, женат, имеет двоих детей. Он прошел трудовой путь от электромонтера до генерального директора крупного объединения, а стало быть, знает, как достается хлеб и рабочему, и начальнику. Несколько месяцев назад он был избран первым секретарем райкома партии, теперь вот новый поворот в его судьбе. Что там, за поворотом?

За эти дни горожане услышали много правильных слов и замечательных обещаний. Слышали мы их и раньше, но как часто оставались они пустым звуком! Посмотрим же, как теперь, в эпоху перестройки, гласности и демократии, слово отзовется делом.

МЕМОРИАЛ ПАМЯТИ ●
НАРОДОВЛАСТИЕ И «ЗАБОТА О НАРОДЕ» ●
ЛИМИТ ПОДПИСКИ ●

■

Как-то в телепередаче «120 минут» я изложил идею памятника жертвам культа личности. Она принадлежит настоятелю небольшого прихода на Витебщине, зовут его — отец Виктор Радомыслький. Мы познакомились с ним на съемках документального фильма «Боль» — об афганской трагедии. Много беседовали, и его идея памятника поразила меня простотой, безыскусностью, той силой, которую ощущаешь сразу...

Лобное место на Красной площади. Оно поставлено самой русской историей. Нужна лишь свеча (каменная) посредине — вечный огонь, а по внутреннему кругу написать слова: **От века невинно убиенным.** *По внешнему кольцу за оградой: «Товарищ, верь: взойдет она, звезда пленительного счастья... и на обломках самовластья напишут наши имена». И где-то здесь же:* **Жертвам сталинизма.**

В этом все: тирания, как история, извечное свободолюбие народа, подготовившее революцию, и снова тирания, надругавшаяся не только над социализмом, но и над самой историей народов России...

Надеюсь, что не в одной Москве будут поставлены памятники. И в Глуше — белорусском рабочем поселке, где прошла моя довоенная жизнь, он необходим. Там тоже не надо ничего специально строить. Достаточно на памятнике погибшим в годы войны (102 человека) добавить цифру 82 — столько рабочих-стеклодувов потеряла наша Глуша в годы ежовщины.

И то, и другое — война. А что такое ежовщина, бериевщина, как не война Сталина против народа?

Алесь АДАМОВИЧ

■

Уже не первый год идет в центральной прессе полемика об изменении названий городов, возвращении им прежних названий, о переименовании проспектов, площадей, улиц, городских парков и др....

Решил вам написать с целью еще раз выделить другую сторону этого вопроса.

Многие сегодняшние названия колхозов и совхозов, как бы правильнее выразиться, носят не соответствующие жизненной действительности названия, чем просто-напросто компрометируют саму идею, содержащуюся в названии, дискредитируют наши представления, надежды, стремления...

Я имею в виду колхозы и совхозы, которые многие десятилетия не выполняют государственные задания, колхозы-должники, существующие лишь благодаря дотациям, совхозы — разорители государства, но... в то же время носящие громкие названия: «Путь Ленина», «Пролетарская воля», «Победа», имени 50-летия СССР, имени... партсъезда, имени Октябрьской Революции, «Заветы Ильича» и т. п. Часто доходит до абсурда: крупный щит у главной дороги колхоза с призывным названием — «Путь к коммунизму», а проехать по этому путидороге на центральную усадьбу колхоза возможно лишь на автомобиле-вездеходе с двумя (тремя) ведущими мостами или тракторе...

Подобным колхозам (совхозам) больше подошли бы названия «40 лет без урожая» или «30 лет приписок»... (прошу извинить, если найдете сравнение неудачным или резким).

Предлагаю решительно рассмотреть вопрос об изменении этих, фактически ставших аполитичными названий.

В публикации «Известий» от 7.01.88 г. «Возвращение Набережных Челнов» говорится о том, что «нельзя переименовывать уже именованное историей»... К нашему же случаю, думаю, это выражение не относится...

...А перед решением вопроса о новых названиях и переименованиях в обязательном порядке гласно объявлять конкурс на лучшее название. С тем, чтобы в конкурсе могли принять участие ВСЕ желающие.

Тогда у нас не будет той массы избитоодноообразных, бедных, неудачных, некрасивых, неблагозвучных и жалких названий.

А. МИХНО
Железноводск
Ставропольского края

■

С большим интересом и чувством солидарности прочитал в № 20 «Огонька» письмо профессора В. П. Корниенко из Киева о подлинном народовластии и «наднародной власти», в условиях которой «о народе заботятся партия и государство», причем «это форма благотворительная». В наши дни, да и в предшествующие десятилетия — хотя бы с середины 50-х годов, если не раньше,— любому честному ученому-обществоведу должен был быть виден факт, лежащий на поверхности и не преодоленный по сие время: с конца 20-х годов все более нарастало отчуждение государства от народа, а руководство делами общества (в том числе и после объявления нашего государства общенародным) последовательно осуществлялось от имени народа, а не народом.

Однако апологеты статус-кво, каким бы этот статус общества ни был (прежде всего из числа философов и правоведов), настойчиво запрещали постановку вопроса о возможности отчуждения (личности, труда, государства и т. д.) при социализме, а затем и вовсе стали с подозрением относиться к проблеме отчуждения как таковой. Поскольку же «шила в мешке не утаишь», то проблема отчуждения на фоне благопристойного молчания теоретиков сама стала кричать о себе — и в социальной практике, и в своем идеологически превращенном (и попросту извращенном) проявлении, и во все более открытом и почти всеобщем лицемерии. Одной из таких убедительных, хотя и превращенных, фиксаций отчуждения государства (да и в целом управленческой деятельности) и явилась формула «забота государства» либо «партии и государства» «о благе народа» — формула, по моему глубокому убеждению, не просто немарксистская, но антимарксистская.

Поэтому мне кажется, что уважаемый профессор, искренне борясь с этой формулой, в определенной мере сам оказывается у нее «в плену», не вскрывая ее идеологического покрова и принимая «правила игры» ее создателей. А именно В. П. Корниенко пишет: «Такое «пеленочное» состояние имеет свои прогрессивные пределы, по достижении которых должно начаться торможение развития. Именно это и произошло в нашем обществе». Но в том-то и дело, что не было такого «состояния» — ни в нашей, ни во всей мировой истории, когда политическая партия либо государство было бы способно «заботиться о благе народа» — творца истории, движителя социального развития, носителя общественного суверенитета, который, к счастью, кормит и одевает себя сам, а заодно и государственный, и партийный аппарат, лиц, занятых в сфере духовного производства, и т. д.

Другое дело, что партия, государство могут выдвинуть целью служение народу, отстаивание его интересов и т. п.— но это, конечно, другие слова, и означают они нечто иное, чем пресловутая формула «забота о благе народа».

Г. МЕРЕМИНСКИЙ,
член КПСС с 1965 г.,
научный сотрудник Института
философии АН СССР

■

Много лет назад Андрей Николаевич Туполев писал в центральной прессе, что новые самолеты, разрабатываемые в его КБ, будут сочетать высокую скорость с отличными взлетно-посадочными качествами. Он писал, что за счет применения экономичных двигателей значительно сократится расход горючего и соответственно сократится стоимость полета.

К сожалению, мечта конструктора КБ А. Н. Туполева о снижении стоимости авиабилетов не осуществилась, хотя самолеты они сделали и экономичные, и надежные. Стоимость билетов на все типы самолетов была увеличена почти вдвое. 18 декабря в «Известиях» была опубликована беседа с авиаспециалистами, которые, рассказывая о новом самолете Ту-204, в частности, сказали: «Совершенная аэродинамика и малошумные турбовентиляторные двигатели ПС-90А обеспечивают полет со скоростью 810—850 км в час, расходуя при этом в полтора-два раза меньше топлива, чем нынешние отечественные самолеты этого класса».

Хотелось бы знать: а теперь снизится ли стоимость авиабилета?

23 июня этого года в газете «Советская Россия» генеральный конструктор Илов Г. В. Новожилов, рассказывая о новом самолете Ил-96-300, сообщил следующее: «Если у Ил-62 тратится 47 граммов топлива на пассажиро-километр, то у Ил-96 только 23...» Сократился и экипаж самолета Ил-96 — вместо четырех человек только три. Отпала необходимость в штурмане.

Вопрос у меня в связи с этим тот же: а снизится ли теперь стоимость авиабилета?

Е. М. ФЕДОРОВ,
ветеран войны и труда,
пенсионер
Мурманск

■

Не поддерживаю идею перезахоронения останков тех, кто повинен в преступлениях против советского народа. Предлагаю оставить усопших на своих местах, в том числе и тех, кто похоронен у Кремлевской стены. Но на их надгробьях написать слова: «Повинен в кровавых преступлениях перед нацией и человечеством».

Кроме того, надо переименовать и улицы в Москве. Там достаточно тупиковых улиц. Надо дать им названия: Сталинский тупик, Брежневский тупик. Это память и в то же время звучит символично.

Выкидывая часть отечественной истории из памяти навсегда, можно допустить еще большие ошибки.

А. С. КАРПОВ,
научный работник

■

Все члены нашей семьи — старые коренные москвичи: моя мама Сафонова Елизавета Ивановна 1901 года рождения, родители мамы, ее братья и сестры. В 1960 году я окончила Тимирязевскую академию, вышла замуж за гражданина Польши и в том же году выехала в Варшаву на постоянное место жительства.

В 1982 году меня срочно вызвали в Москву в связи с болезнью моей мамы. Врач районной поликлиники заявила, что ей нужен постоянный уход. С большими трудностями в сентябре 1982 года мне удалось вывезти мою 81-летнюю маму в Польшу. В Варшаве она неоднократно лежала в больнице, чувствовала себя очень плохо. Ее пребывание продлевалось Посольством СССР в Варшаве в связи с тяжелым состоянием.

Но, несмотря на все это, в декабре 1986 года я вынуждена была срочно выехать в Москву, оставив в Варшаве больную маму, так как в 114-е отделение милиции Москвы поступила анонимка, что моя мама умерла. В связи с этим была предпринята попытка выписать ее. Это несмотря на то, что на руках у маминой соседки по коммунальной квартире были все документы из посольства о сроке продления пребывания в Варшаве, она исправно вносила квартплату и постоянно оповещала жэк и отделение милиции об этом. Тогда мне все удалось уладить, и, казалось, это больше не повторится. Однако в июне этого года соседка позвонила нам и сообщила, что маму выписали из Москвы. Причем об этом она узнала не официально, а только тогда, когда в квартиру стали приходить со смотровым ордером на мамину комнату. Случайно узнав о своем выселении, мама потребовала срочно отвезти ее в Москву, хотя находилась по-прежнему в тяжелом состоянии.

Приехав в Москву, я узнала в 114-м отделении милиции Москвы о выписке моей мамы с прежнего адреса и о том, что ее паспорт гражданина СССР ликвидирован! Только после обращения в Городское паспортное управление удалось добиться распоряжения о прописке моей мамы по прежнему адресу.

Сейчас, казалось бы, все уладилось. Но кто гарантирует мне и маме, что подобное не повторится. А ведь эта история — результат профессиональной некомпетентности и халатного отношения к своим обязанностям работников отделения милиции и районного ОВИРа.

Следует добавить, что теперь я вынуждена остаться с мамой в Москве, так как ей необходим уход, и уволиться в Польше с работы. И это за четыре года до пенсии. То, что произошло, трудно будет объ-

яснить и моим польским друзьям, и моему начальству на работе. Хочется верить, что пример подобного отношения к гражданам СССР, проживающим по разным обстоятельствам за рубежом, больше не повторится.

М. Т. ОСТРОВСКАЯ,
гражданка СССР, постоянно проживающая в Польше

■

С первых лет Советской власти и до середины 1930-х годов местные Советы издавали собственные газеты.

В Ленинграде их издавал Ленинградский Совет рабочих и крестьянских (а в 1936 году и красноармейских) депутатов — единый для города и области. Выходили утренняя и вечерняя Красные газеты. Заголовок «Вечерней Красной газеты» от 20 мая 1934 года высылаю вам.

В те же годы «Ленинградская правда» была партийным изданием. Ленинградская «Красная газета» исчезла вместе с тогдашними руководителями Ленинградского Совета. Думаю, что при восстановлении подлинной власти Советов необходимо возвратить им право издания газет. Эта мера хорошо послужит делу перестройки.

Ю. А. ВИНОГРАДОВ,
научный сотрудник
Ленинград

■

Хочу поднять вопрос о заочном обучении. Если плох был заочник и получил «посредственный диплом», то и работа его будет таковой. Трудолюбивый через несколько лет залатает пробелы своих знаний упорной, честной работой на заводе или в колхозе, и на жизни и здоровье трудящихся это не отразится.

Но как же быть с заочниками тех вузов, которые готовят будущих юристов: следователей, адвокатов, прокуроров, народных судей? Ведь их профессия, их профессиональная подготовка связана с работой, касающейся жизни и здоровья людей, с их дальнейшей репутацией и прочими вытекающими отсюда обстоятельствами.

Не раз задавался вопросом: почему в медицинских учебных заведениях нет заочных отделений, а в юридических они так широко представлены? Ведь судьбы и жизни людей подчас находятся в руках и тех и других: один спасает жизнь правильным лечением, профилактической работой, другой ведет следствие или выносит приговор, от которого зависит вся судьба человека.

Я предлагаю законодательным органам нашей страны рассмотреть вопрос об отмене заочного обучения в юридических высших учебных заведениях. Ведь создание подлинно правового государства должно осуществляться на практике специалистами высокой квалификации, образованность и профессионализм которых ни у кого не вызывают сомнений.

М. Т. ПАНКРАТОВ
с. Долиновка
Ставропольского края

■

В 19-м номере «Огонька» опубликована интересная статья Ю. Ф. Карякина «Ждановская жидкость...». В ней высказано пожелание о присвоении Ленинградскому университету имени В. И. Вернадского.

Я с энтузиазмом поддерживаю это предложение. Дело даже не в том, что один из лучших университетов нашей страны носит имя человека, на совести которого многие тысячи и тысячи уничтоженных советских людей, и нам следует подумать о тех людях, которые в нем работают. Значительно важнее другое. В этом году мы отмечаем юбилей В. И. Вернадского — 125 лет со дня его рождения. Он был питомцем Ленинградского — тогда, конечно, Петербургского, университета. Там он защищал магистерскую и докторскую диссертации. Связать имя Ленинградского университета с именем нашего замечательного соотечественника, одного из крупнейших ученых современности,— это отдать дань памяти человеку, имя которого подобно имени Ломоносова будет в веках освещать нашу отечественную науку.

Я думаю, что такая акция будет приветствоваться широкими кругами научной и студенческой общественности и поднимет престиж университета. Университет Ломоносова в Москве — Вернадского в Ленинграде. Это по-настоящему хорошо. Это наглядная связь времен.

Академик Н. Н. МОИСЕЕВ

■

Когда же прекратит существовать допотопная, архаичная, а по сути антидемократическая процедура голосования — поднятие рук?

В наше время, в век чудес техники, давно пора сделать так, чтобы у кресла каждого делегата (как должно быть и у депутатов Верховного Совета тоже) были бы 3 кнопки: «за», «против», «воздержался» — и результаты голосования выносились бы немедленно на табло в зале.

Сделать это технически, по-видимому, несложно. Только надо предусмотреть, чтобы сигнал с каждого конкретного места был бы анонимным.

Пора, давно пора отрешиться от иллюзий полного «единодушия», а по существу, от антидемократической системы подавления воли тех, кто и хотел бы иметь собственное мнение, но не может его выразить в обстановке психологической «стадности», которая существует при так называемом открытом голосовании.

А. КОМШИЛОВ
Ленинград

■

Я прошла через страшные испытания времен культа личности. Не смогла получить образование, как мечтала. Но осталась жива, несмотря на цингу, фурункулез, авитаминоз. Добросовестно заработала пенсию. И сейчас, читая о разоблачениях преступлений того периода, задаю себе вопрос: почему этот чудовищный феномен называют сталинизмом?

Когда я читаю слова «марксизм» или «ленинизм», все ясно. Но мурашки по коже, когда читаю «сталинизм». Такого слова не должно быть — это нонсенс и издевательство.

*Все, что тогда было,— это **сталинщина**, как ежовщина и бериевщина. Я все ждала, что кто-то обратит на это внимание, и только потому, что этого не произошло, написала вам.*

Л. С. ШЕВКОВА-ОСИПОВИЧ
Ростов-на-Дону

■

Возмущены случившимся: на пятитысячный коллектив Калининской атомной электростанции выделили четыре экземпляра журнала «Огонек», 30 экземпляров «Литературной газеты». К сожалению, этот список можно было бы продолжить.

Опять, как и прежде, гласность нам хотят отпускать по талонам. Превращать доступ к средствам массовой информации в дефицит безнравственно.

А. Д. ШИМАРОВ,
Т. С. ЗАРИНОВА
(всего более 300 подписей)
Калинин

Наш адрес:
101456,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

Возвращаясь к напечатанному

«КАНДИДАТ В ПОДСУДИМЫЕ»

Под таким заголовком был опубликован судебный очерк М. Корчагина (№ 20, 1988 г.), где речь шла о бывшем начальнике объединения рынков г. Тбилиси Н. Цикаришвили, осужденной за взятки. Автор не исключал и факта оговора последней. Прокурор ГССР В. Размадзе прислал ответ, где признал верным тот факт, что при обыске действительно не обнаружено денег, а также то, что следствием не могли быть допрошены «свидетели» Саркисян и Керимов, умершие еще до начала следствия. Сразу же после публикации в отношении «взяткодателей» повторно возбуждено уголовное дело, незаконно прекращенное с целью уберечь последних от скамьи подсудимых. Одновременно в Президиум Верховного суда Грузии на обвинительный приговор Н. Цикаришвили был внесен протест прокурором ГССР «на предмет снижения наказания». Из Президиума ответа пока не поступало.

Вместе с тем прокурор считает, что вина Н. Цикаришвили доказана, оговора рыночными работниками не было. В своем ответе прокурор республики пишет, что предварительным расследованием и приговором суда установлено, что Цикаришвили Н. А., работая с апреля 1983 года начальником отдела рынков управления торговли Тбилгорисполкома, которое с 1 июня 1985 года было реорганизовано в объединение, по февраль 1986 года, неоднократно получала взятки, в некоторых случаях сопряженные с вымогательством. Общая сумма взятки составила 92 300 рублей.

Далее в ответе указывается, что автор очерка необъективно создает видимость предвзятости и тенденциозности со стороны правоохранительных и других вышестоящих органов Грузинской ССР, искажая при этом фактические обстоятельства дела. Прокурор отмечает, что не соответствует действительности и то, что Цикаришвили Н. А. не имела права приема и увольнения работников рынка. Пользуясь этим правом, она получала взятки, постоянно на протяжении лет запугивая рыночных работников увольнением.

Из ответа следует, что материалами дела доказана передача сотрудниками рынков через директоров рынков денег в виде взяток Цикаришвили. Директора, в свою очередь, передавая крупные суммы Цикаришвили, не присваивали ни рубля.

В своем ответе прокурор утверждает, что для М. Корчагина «источником при написании данного очерка послужили не материалы уголовного дела...».

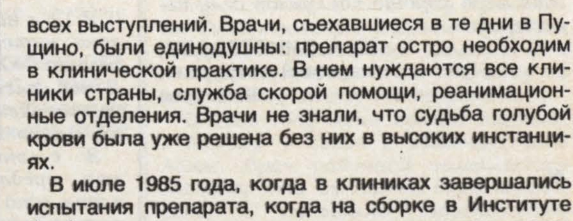
Впрочем, что, как не уголовное дело, могло служить поводом для написания судебного очерка. Поэтому, публикуя изложение ответа В. Размадзе, мы считаем необходимым отчасти прокомментировать его. Что касается очерка, то написан он в строгом соответствии с материалами дела, с которыми автор ознакомился с ведома самого же В. Размадзе, с помощью следователей С. Болквадзе, О. Тортладзе, а позже и ставропольского адвоката С. Петрова, который представил нам документы и иные материалы по данным делам. За что, видимо, он сейчас и отписывается на хлынувший поток «компрометирующих» его писем. Но редакции не вполне ясно, каким «источником» пользовался сам прокурор, составляя ответ на очерк. Если самим текстом очерка, то зачем же понадобилось ему искажать смысл уже опубликованного? В частности, прокурор приписывает автору как ошибочное «утверждение, что Цикаришвили *арестована на основании* ходящих по рынку слухов». Но ведь в очерке этого нет! Есть только фраза из сомнительного приговора: «По базару ходили слухи», необоснованно легшая в основу обвинения.

***«Все* взяткодатели одновременно заявили о случившемся...» — следующая грубая ошибка, приписываемая редакции. Но ведь в тексте то шла речь не о всех, а о *некоторых* заявителях, организованно явившихся в органы из разных концов Тбилиси «в одни и те же дни, часы (!)». Именно этот подозрительный факт в ряду с другими навел автора на мысль об организованном оговоре Цикаришвили, ставшей неугодной рыночным жуликам. А подобных «ошибок» в ответе прокурора более чем достаточно.**

Отнюдь не автор «искажает фактические обстоятельства дела». В ответе, например, пишется, что осужденная «имела право приема и увольнения сотрудников рынков». Злоупотребляя таким правом, она будто бы и брала взятки. Но как раз об обратном свидетельствует приказ Тбилгорисполкома № 1/271, подшитый к делу (т. 5, л. д. 15—22).

Если верить ответу, то ночной кладовщик Чаладзе давал взятки *«с января* 1985 г.». Хотя работать он начал только *с июля* 1985 г. (т. 1, л. д. 70). За что же, интересно, мог он давать взятки, не будучи трудоустроенным?.. Признавая в ответе факт смерти «взяткодателя» Саркисяна, прокурор тут же утверждает, что умерший *в ноябре 1985 г.* вдруг смог давать взятки *«по январь 1986 г.»*. Ведь эфемерная сумма покойного и по сей день вменяется Цикаришвили как *реально* полученная взятка. Это давно ставит под сомнение обвинительный приговор, который только при *тщательном* изучении всего дела подлежит отмене. Не менее голословно — как в приговоре, так и в ответе — звучит утверждение о факте вымогательства взяток осужденной. Об этом в ответе прокурор скромно отмалчивается. Как, впрочем, и о других неопровержимых фактах судебного очерка.

ОТДЕЛ МОРАЛИ И ПИСЕМ

ЦЕНА ГОЛУБОЙ

ПЕРЕЖИТЬ НЕХВАТКУ МОДНОЙ ОБУВИ В МАГАЗИНАХ ИЛИ ОТСУТСТВИЕ НА ПРИЛАВКАХ «ВИДЕО» В ПРИНЦИПЕ МОЖНО. ДЕФИЦИТ НУЖНОГО ЛЕКАРСТВА В АПТЕКЕ ИЛИ В БОЛЬНИЦЕ ИНОЙ БОЛЬНОЙ В БУКВАЛЬНОМ СМЫСЛЕ НЕ ПЕРЕЖИВЕТ. ОЧЕНЬ ЭТО ВРЕДНО ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ: ЗНАТЬ, ЧТО ГДЕ-ТО УЖЕ ПРОИЗВОДИТСЯ, ПРИМЕНЯЕТСЯ, ЕСТЬ НОВОЕ СРЕДСТВО, И НЕ ДОСТАТЬ ЕГО. ОНО, КОНЕЧНО, МОЖЕТ БОЛЬНОМУ И НЕ ПОМОЧЬ. ОТСУТСТВИЕ ЕГО ВСЕГДА ВРЕДНО.

Александр РЫСКИН

Все это я имел в виду, обо всем этом думал, когда ехал в Институт биологической физики АН СССР подмосковного города Пущино. Именно там, в лаборатории медицинской биофизики, под руководством профессора Феликса Федоровича Белоярцева несколько лет назад был создан препарат искусственной крови «Перфторан», превосходивший ко времени создания все зарубежные аналоги.

Едва эмульсию «Перфторана» начали применять в клинике, как хирурги столкнулись со многими поистине чудесными ее свойствами. Больные, по суткам находившиеся без сознания, приходили в себя через час после вливания «искусственной крови». Тяжелейшие поражения рук, ног, пальцев, грозящие ампутацией, нередко полностью исчезали у больных после лечения «Перфтораном». Ни одна страна не имела в середине 80-х годов препарата искусственной крови такого класса.

Он применялся в Афганистане в полевых условиях — там, где сложно было подобрать каждому раненому донорскую кровь нужной группы. Реаниматолог Главного военного госпиталя имени Бурденко полковник медицинской службы Виктор Васильевич Мороз вспоминает: «Наши израненные, истерзанные ребята, многим из которых по всем статьям полагалось недели находиться без сознания, после вливания «Перфторана» оживали буквально на глазах. Многих из них нам не удалось бы спасти, не будь у нас «искусственной крови».

В Институте трансплантологии и искусственных органов доктор наук Нина Андреевна Онищенко показывала мне отчеты о клинических испытаниях 85-го года, когда почки, обработанные искусственной кровью, одна за другой стали приживаться, когда десятки людей, годами прикованные к аппаратам гемодиализа, обреченные на неподвижность, на медленное умирание, были спасены. Из 47 пересаженных почек прижились 39 — огромный успех! И уж совсем фантастика тот факт, что донорская почка, обработанная «искусственной кровью», может жить после этого вне организма несколько дней. Значит, можно доставить ее больному из любого уголка страны. До сих пор это было почти невозможно — донорская почка обычно гибнет за сутки.

Или другая тяжелейшая болезнь — отеки мозга — одна из самых распространенных причин смерти при черепно-мозговых травмах, а это половина всех несчастных случаев. От нее люди умирают в реанимациях, несмотря на блестящую хирургию, на самое современное лечение. И вдруг чудо: больные с отеками мозга вскоре после вливания «Перфторана» приходят в себя, отмечают необыкновенную ясность сознания, резкое улучшение самочувствия. Это была победа над болезнью почти неизлечимой. Таких удачных применений не одно, не два — сотни. В Киевском институте нейрохирургии, в Днепропетровской клинике, в Москве: в госпитале имени Бурденко, в Институте трансплантологии и искусственных органов, в Центре детской хирургии, в Институте имени Вишневского, где «Перфторан» позволил хирургам вести многочасовые операции на сухом отключенном сердце.

Эти результаты клинических испытаний осенью 1985 года были доложены в Пущино на двух ученых советах.

Я был в Институте биофизики, читал стенограммы

всех выступлений. Врачи, съехавшиеся в те дни в Пущино, были единодушны: препарат остро необходим в клинической практике. В нем нуждаются все клиники страны, служба скорой помощи, реанимационные отделения. Врачи не знали, что судьба голубой крови была уже решена без них в высоких инстанциях.

В июле 1985 года, когда в клиниках завершались испытания препарата, когда на сборке в Институте биофизики стояло уже опытное производство, с вводом которого все клиники Москвы смогли бы уже через год удовлетворить свои потребности в «искусственной крови», в Минздрав СССР пришло письмо, где было сказано, что у «компетентных органов» имеются материалы, свидетельствующие об отрицательном действии на организм человека перфторированных углеродов, входящих в состав эмульсии «Перфторана».

Можно понять растерянность бывшего министра здравоохранения Буренкова, на имя которого пришло это письмо. Результаты испытания «Перфторана» блестящие, врачи требуют его производства, а тут какие-то страшноватые материалы, пахнущие чуть ли не уголовщиной. Но делать нечего, и отправляется в Пущино комиссия Минздрава СССР. Вскоре она выносит заключение: «Комиссия, созданная Минздравом СССР, установила... экспериментальные исследования препарата «Перфторан» проведены не в полном объеме — недостаточно изучено канцерогенное, мутагенное, тератогенное и эмбриотоксическое действие препарата, его влияние на иммунную систему организма...»

На этом основании в октябре 1985 года приказом по Министерству здравоохранения СССР за № 1380, подписанным заместителем министра Сафоновым, клинические испытания «Перфторана» были прекращены, остановлено его производство.

Что тут можно сказать? Я узнавал: к январю 1984 года, перед тем как было дано разрешение Фармкомитета на клинические испытания, в лаборатории Белоярцева было сделано более четырех тысяч экспериментов, и все требуемые Фармкомитетом исследования были выполнены. Но к октябрю 1985 года, когда клинические испытания уже завершились в клиниках, внезапно произошло изменение правил Фармкомитета. По новому уставу для большинства лекарств, разрешаемых к испытаниям, нужно было иметь подробные данные по канцерогенности, тератогенности, эмбриотоксии. Ранее этого не требовалось, Так что Белоярцев никаких инструкций тут не нарушал, все было сделано как надо, и качество препарата Минздрав в те дни не ставил под сомнение. Просто надо было соблюсти новую, может быть, и необходимую формальность. Соблюли. На это потребовалось три года. И сегодня все исследования, перечисленные в приказе, выполнены. Из всех учреждений, делавших дополнительную экспертизу, пришли хорошие отзывы о препарате. Так что все сомнения «компетентных органов» относительно безопасности «Перфторана» сегодня естественным образом отпали. Безопасность «искусственной крови» доказана. И что же?

Запрет трехлетней давности по-прежнему остается в силе. Выпуск искусственной крови, в которой нуждаются все больницы и клиники страны, похоже, откладывается на неопределенный срок. Стоит в Пущино готовое опытное производство, способное уже сегодня снабжать медицину «искусственной кро-

вью». Ждут врачи, готовые с ней работать. Все ждут. А между тем в реанимациях продолжают умирать люди, которых можно было бы спасать. И это в то время, когда донорской крови в клиниках хронически не хватает. Не хватает даже в мирное время, не говоря уже об огромной потребности в крови в экстремальных условиях войны или при авариях типа чернобыльской. И это после открытия вируса СПИД, когда многие страны начали ликвидировать созданные ранее банки донорской крови и ускорять разработку искусственной, когда в Японии, США, Швеции воспроизводят наши результаты трехлетней давности и двигаются дальше. Дошло до того, что одна из шведских фармакологических фирм объявила о своей готовности продавать в СССР свои компоненты для фторуглеродного заменителя крови. Продавать за большие деньги, за валюту. Неужели будем покупать то, что можем иметь сами и гораздо дешевле?

Но мало того, что запрещение трехлетней давности, стоившее нашей стране потери приоритета в работах по искусственной крови, по-прежнему остается в силе — недавно я узнал и другое: все дополнительные исследования, которые столь тщательно велись эти три года в разных медицинских НИИ страны, велись зря.

В том же самом новом уставе Фармкомитета, оказывается, было оговорено, что для препаратов, применяемых в реанимации по жизненным показаниям, проведение отдельных исследований по мутагенности, канцерогенности, эмбриотоксии не обязательно.

Просто уважаемые эксперты Минздрава три года назад «забыли» заглянуть в этот уточняющий пункт их же собственных правил.

Тут самое время будет взглянуть на проблему под другим углом зрения. Посмотрим глазами бывшего замминистра Сафонова, подписавшего этот «исторический» приказ. Была своя логика и у него. Прежде всего подобная кровь (такого же назначения и класса) уже создавалась в нашей стране. Создавалась по ведомству Минздрава СССР в крупном Институте гематологии и переливания крови в Москве, и люди там собрались солидные, и было их намного больше, чем в лаборатории у Белоярцева, и тема эта первого дня все пятнадцать лет стояла у них в плане. А Белоярцев, работавший по ведомству Академии наук СССР, свою «кровь» сделал и довел до клиники всего за пять лет. Таким образом, его лаборатория оказалась в положении «конкурирующей фирмы». Оказалась бельмом в глазу, внезапно, незапланированно.

Вот теперь поставьте себя в положение замминистра, у которого перед глазами вся медицинская отрасль, у которого голова пухнет от дел и который внезапно узнает, что «Перфукол» — так называлась искусственная эмульсия в Институте гематологии — оказался токсичным, давал тяжелые осложнения — все клиницисты были единодушны в своих оценках, отказывались испытывать такую «недоделанную» искусственную кровь. А ведь это препарат, выращенный, можно сказать, в оранжерее Минздрава, на него миллионы были потрачены, делали его специалисты-гематологи, делали пятнадцать лет. Как прикажете себя вести замминистру, если такой препарат оказался плох? Ответ один: скрепя сердце запретить на время его испытания, отправить на доработку. Так и сделали. Но в эти же самые дни препарат Белоярцева после удачных испытаний в клиниках был заявлен на соискание Государственной премии и успешно прошел отборочную комиссию.

Могли это пережить разработчики «Перфукола»? Нет, не могли они этого пережить. Николай Иванович Афонин, начальник лаборатории в Институте гематологии, ведущий темы, лично написал письма в Комитет по Ленинским и Государственным премиям — требовал: «включите и нас в список представленных к награде». Не включили. И тогда новое письмо — вице-президенту АН СССР Ю. А. Овчинникову. Юрий Анатольевич лично взялся восстановить «справедливость». И... фактически наложил вето на «Перфторан», написав резкую записку в Комитет по Ленинским и Государственным премиям. А вскоре тот же Овчинников по просьбе Минздрава сформировал первую комиссию, которая отправилась в Пущино за уликами.

Приказ № 1380 о прекращении всех работ с искусственной кровью был издан в Минздраве на основании заключения этой комиссии.

Что же тут произошло? — спросит читатель. То произошло, что праведные понятия, забота о гуманности, о здоровье людей, понятия, которые всем нам дороги, послужили завесой для неправедных дел, для сведения ведомственных и личных счетов.

Предоставим слово ученым оппонентам Белоярцева. Вот что сказал один из них, академик, известный биохимик, в интервью, данном газете «Советская Россия» 19 августа 1987 года:

«...А то ведь до чего дошло: сразу два академических института не нашли ничего лучшего, чем заниматься «голубой кровью». Это ведь просто перфторуглероды, которые в крайних ситуациях, при ранении могут быть и полезны. Но ведь не кровь же! Зачем же широкому кругу читателей внушать, что это кровезаменитель, причем без всяких оговорок?»

Что же, критика вещь полезная, мнения в науке могут быть различными, можно спорить и о терминах, и о существе дела. Ничего худого нет в том, что один ученый покритиковал работу другого ученого, отметил недостатки, имеющиеся в организации научной работы.

Беда в другом. Беда в том, что мнение критика разделял все эти годы вице-президент Академии наук СССР, полностью согласен был с ним председатель секции химико-технологических и биологических наук АН СССР, в ведении которого находятся финансирование (рубли, валюта), кадры, премии, загранпоездки сотрудников всех биологических институтов академии. На той же позиции стоял куратор Центра биологических исследований в Пущино. А говоря попросту, на всех этих ответственных постах пребывал все эти годы один и тот же человек, академик Ю. А. Овчинников. Он же — тот маститый критик, интервью с которым я только что процитировал. Юрий Анатольевич почти с самого создания программы «искусственная кровь» был против работ Белоярцева. Почти с самого начала он поддерживал работы Института гематологии.

Родится ли истина в таком споре?

Судите сами.

В 80-м и 81-м годах Ю. А. Овчинников активно содействовал подготовке государственной научно-технической программы «искусственная кровь». На то были свои веские причины. Еще в 80-м году на организационном совещании в Пущино академику Овчинникову было предложено возглавить эту многообещающую программу. С тех пор в качестве руководителя он участвовал во всех заседаниях, связанных с «искусственной кровью». Потом последовал внезапный поворот на 180 градусов — отношение академика Овчинникова к программе меняется. Что же случилось?

Случилась — ОБИДА.

В 1982 году президент академии Александров, все взвесив, пришел к выводу, что академик Овчинников не может руководить программой «искусственная кровь». Причины? Они были, и веские. Во-первых, Юрий Анатольевич занимал к тому времени несколько ответственных постов в Академии. Он был завален работой как вице-президент, председатель секции, член многих комиссий, редактор многих журналов, куратор научного центра в Пущино, директор Института биоорганической химии. Кроме того, Юрий Анатольевич уже возглавлял тогда одну государственную научно-техническую программу. Не много ли на одного человека? Программу «искусственная кровь» он может физически не потянуть. Так рассудил академик Александров, исключив фамилию Овчинникова из списка руководителей научно-технической программы. Занять этот пост было предложено директору Института биофизики в Пущино чл.-корр. АН СССР Г. Р. Иваницкому. Но тот отказался, предложив кандидатуру академика И. Л. Кнунянца, крупнейшего специалиста по химии фторуглеродов, согласившись быть его заместителем и возглавить вместе с профессором Белоярцевым биофизическую часть работ. 17 сентября 1982 года постановлением ГКНТ СССР, Госплана СССР, Президиума АН СССР была утверждена кандидатура Кнунянца, принято предложение Иваницкого. С этого дня и начались в Институте биофизики все беды. Мог ли академик Овчинников простить судьбе такую «несправедливость»? Не знаю. Может быть, и мог. Но не простил.

Я не стану утомлять читателя описанием того, как с каждым успехом создателей «голубой крови» ухудшались отношения между Ю. А. Овчинниковым и Г. Р. Иваницким, как на протяжении нескольких лет все просьбы и предложения разработчиков «Перфторана» наталкивались на откровенный бойкот в лице вице-президента АН СССР. Как постепенно перерастал этот бойкот в кампанию травли, инициаторы которой не брезговали никакими средствами от организации доносов и анонимок в следственные органы до распускания слухов, порочащих честь и доброе имя людей, имевших касательство к работам по «Перфторану».

Нет, я не утверждаю, что все, что произошло в дальнейшем с «искусственной кровью» и ее авторами, было инспирировано лично академиком Овчинниковым. Сыграли тут, конечно, свою роль и ведомственные амбиции Минздрава СССР, и тенденциозные письма в самые высокие инстанции, составленные «конкурентами» из Института гематологии.

Вклад академика Овчинникова в отечественную науку неоспорим и признан не только в нашей стране, но и за рубежом. Юрий Анатольевич Овчинников был почетным членом и почетным доктором ряда академий наук и университетов мира, председателем федерации европейских биохимических обществ, возглавлял межотраслевой научно-технический комплекс «Биоген». По его инициативе и под его руководством выполнены работы по созданию генно-инженерных интерферонов, инсулина. Ведя большую научно-организаторскую деятельность, он являлся председателем межведомственного научно-технического совета по проблемам физико-химической биологии и биотехнологии Государственного комитета СССР по науке и технике и Академии наук СССР, научным руководителем биотехнологического направления комплексной программы научно-технического прогресса стран—членов СЭВ. С 1974 года по 1988 год он являлся вице-президентом Академии наук СССР.

Даже этот краткий послужной перечень характеризует широту его интересов и масштаб личности.

Однако авторитет академика Овчинникова не исключает возможности честного, справедливого разговора, который определенным образом затрагивает и его имя.

Чем больше я «влезал» в это «дело», тем очевидней становилось, что в действиях почти всех комиссий, которые с лета 1985 года одна за другой сыпались из Минздрава и Президиума АН СССР на головы разработчиков «Перфторана», в действиях «компетентных органов» было какое-то странное, будто продуманное единообразие. И в том, как легко давали ход анонимным письмам, и в том, с каким упорством следствие и комиссии разыскивали внутри института людей, когда-либо имевших конфликты с разработчиком «искусственной крови» профессором Белоярцевым. И в том, с каким постоянством игнорировались материалы двух ученых советов по «Перфторану», отбрасывались отзывы лучших медиков страны, проводивших клинические испытания препарата. Как вообще чинились препятствия любым попыткам обсудить проблему на представительной научной дискуссии.

За всем этим чувствовалась чья-то невидимая, но властная рука, которая если впрямую и не направляла действия следователей и комиссий, то, во всяком случае, давала и комиссиям, и следствию векселя на произвол и полную безнаказанность.

В душной, сгустившейся атмосфере Белоярцев и его коллеги еще пытались работать, но это становилось почти невозможно. Надо было защищаться.

Страшноватое досье скопилось на моем рабочем столе за последние полгода. Есть здесь и протоколы обысков, и постановление Серпуховской межрайонной прокуратуры об отстранении обвиняемого Белоярцева от должности, и материалы нескольких ревизий, работавших в Институте биофизики, отчаянные письма коллег и сослуживцев Белоярцева. Есть здесь и служебная записка, составленная самим Феликсом Федоровичем. Приведу лишь выдержки из нее:

«— Довожу до Вашего сведения, что в руководимой мной лаборатории медицинской биофизики и вокруг нее сложилась нездоровая обстановка.

...Так, начиная с сентября с.г. сотрудники моей лаборатории время от времени вызываются для бесед (причем некоторые по нескольку раз). Вызовы эти происходят в рабочее время и без согласования с руководством лаборатории и института. Беседы длятся по нескольку часов. Эти обстоятельства, а также тон бесед, в ходе которых выдвигаются некомпетентные, но страшные обвинения в проведении опытов на людях (!!!), держат моих сотрудников в состоянии страха и паники!..» И так далее на нескольких страницах.

Вот конец этого письма и начало трагедии: «Сегодня любой житель Пущино уверенно скажет Вам: «Белоярцев? Это тот, на которого в прокуратуре заведено уголовное дело и по которому тюрьма плачет». Я нисколько не преувеличу, если скажу, что все перечисленное мною не просто осложнило нашу научную работу. На нас смотрят, как на преступников. В этих условиях я вынужден приостановить работу и просить Вашей помощи.

Руководитель лаборатории
медицинской биофизики,
профессор Белоярцев Ф. Ф.»

Откуда же могли возникнуть столь тяжкие обвинения? Полгода потребовалось мне, чтобы из трясины умолчаний и глубокой секретности выудить разгадку этого ребуса и понять на примере Белоярцева, как создаются вообще такого рода «дела». Главная их особенность заключается в том, что тянутся они, как правило, очень долго — иногда по нескольку лет. Вот и с делом Белоярцева следствие явно не торопилось. Поводом к нему, как известно, послужили материалы (доносы, анонимки), ставящие под сомнение безопасность препарата. На экспертизу, доказавшую обратное, ушло три года. Все это время гиря обвинения висела на шее людей, причастных к созданию «Перфторана». Ведь если допустить (все «дело» строится из таких допущений), что препарат небезопасен, то можно клинические испытания, разрешенные Фармкомитетом, объявить «проведением опытов на людях». При такой постановке вопроса всякое

лыко шьется в строку. Появляется на свет целая серия обвинений и предположений, каждое из которых в отдельности ничего не стоит, но, оказавшись в компании с «опытами на людях», все эти «нарушения отчетности по расходу спирта», «злоупотребления служебным положением» (?!), «тяга к саморекламе» создают некий зловещий фон, подкрепляя друг друга своим соседством. С течением времени в орбиту следствия втягивается все больше людей, причем показания каждого рассматриваются все в ту же кривую лупу главного обвинения, которое как «первородный грех» тяготеет над всеми допрашиваемыми свидетелями. Так создается атмосфера всеобщей подозрительности, в мутной водице «дела» разбегаются круги всеобщей виновности. И каждый заброс следственного бредня вытягивает нового барахтающегося «преступника». Проверяются все люди, имевшие касательство к «делу». Авось что-нибудь удастся наскрести. Один работает со спиртом. Поднимаются журналы расхода спирта за пять лет. Другой с наркотиками. Это уже совсем горячо, а нет ли злоупотреблений? Докажи, что ты невиновен. Не знаю, читатель, кто и кому тут должен доказывать? Принцип презумпции невиновности до сих пор никто не отменял.

Между тем Белоярцев был снят с должности начальника лаборатории по письму Серпуховской межрайонной прокуратуры еще в самом начале следствия. Ни одно из обвинений даже косвенно не было доказано, а человека уже припугнули, мол, смотри, не то еще будет. И поползли по всему институту слухи о «преступном» профессоре. Даже среди коллег Белоярцева появились люди, которые начали его сторониться. А следствие «рыло землю». И нашлотаки «криминал». История была давняя, но нашумевшая. Писали о ней и в газетах, рассказывали по телевидению, никто не делал из происшедшего никаких тайн. «Открытие», сделанное следственной группой, заключалось в следующем. За несколько лет до всей этой следственной карусели, когда Белоярцев еще только собирался заявлять препарат на клинические испытания, произошел трагический случай, задавший создателям «Перфторана» нелегкую нравственную задачку. Во Всесоюзный центр детской хирургии привезли девочку пяти лет, покалеченную в автокатастрофе. Девочка была без сознания. Выяснилось: в районной больнице перепутали группу крови и вызвали шок, усугубивший и без того серьезное положение больной. Скальпированная рана бедра, несколько переломов при массивной кровопотере — это называется «травма, несовместимая с жизнью». У нее оказалась редкая группа крови — в институте этой крови не было. Нужен индивидуальный донор — но когда его удастся найти? Как снять шок? Как продержать ребенка до поступления крови нужной группы? Собрался консилиум. Испробовали все средства. И тогда решили: терять уже нечего — надо звонить в Институт биофизики профессору Белоярцеву. На дворе стоял 83-й год. О новом кровезаменителе еще мало кто знал — препарат испытывался на животных. Никаких решений Фармкомитета не было и в помине. Как быть? Инструкция гласит: нельзя вливать больному препарат, не разрешенный Фармкомитетом. Но есть и другой закон в медицине: ради спасения жизни больного, если все разрешенные средства исчерпаны, консилиум имеет право взять всю ответственность на себя и применить препарат из новейших, еще не опробованных. Такую ответственность взяли на себя врачи Центра детской хирургии, замминистра здравоохранения академик Исаков и доктор Михельсон. Такую ответственность взял на себя разработчик Феликс Федорович Белоярцев. Сам врач по профессии и призванию, сын и внук врача — на машине из Пущино он примчался в Москву, затормозил у дверей клиники. Девочка была еще жива. Двое суток ребенка продержали на «Перфторане», потом подобрали донора — и в итоге спасли. А два года спустя, вспомнив этот случай, врачей обвинили в нарушении инструкции Фармкомитета, а самого Белоярцева в «проведении опытов на людях». К хирургам, применявшим «Перфторан», зачастили сотрудники следственных органов.

Я узнавал: для врачей было одно оправдание — консилиум. Во всех случаях препарат вводился по жизненным показаниям. У Феликса Белоярцева этого оправдания не было. Он, разработчик, не имел права давать препарат хирургам... Вина была доказана, но признаюсь: от этих сведений мне стало не по себе. Дело юридических инстанций определять степень вины обвиняемого. Но по-человечески я не могу себе представить, чтобы Феликс Федорович поступил как-нибудь иначе.

Гонители Белоярцева были бы правы, если бы оказались правы. Если бы больные, получавшие «Перфторан», действительно пострадали. Если бы девочка, попавшая в орбиту этой истории, впрямь умерла, если бы «искусственная кровь» оказалась ядом. А девочка выжила, а больные вернулись к жизни, а «кровь» стала спасать людей.

Феликс Федорович Белоярцев уже не может, никогда не сможет вступиться за свою честь и доброе имя. Сдали нервы, сказалось нечеловеческое напряжение последних в его жизни декабрьских дней 85-го года. 18 декабря, не выдержав пяти унизительных допросов и обысков, он повесился у себя на даче вскоре после отъезда сотрудников следственных органов.

Вновь и вновь я вчитываюсь в скупые строки некролога, пытаясь разглядеть за ними человека, знать которого живым мне не довелось. Были в этой судьбе крутые изломы и неожиданные повороты, в которых угадывается характер решительный и незаурядный. Таким поворотным годом был для Феликса Федоровича семьдесят девятый, когда он, молодой талантливый анестезиолог Института сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева, вдруг увлекся проблемой «искусственной крови» и навсегда ушел из практической медицины. Что значил для него уход в науку? Это значило расстаться с анестезиологией — делом, которое он знал в совершенстве. Делом, которое давало ему славу, деньги, прочное положение в обществе. Он был в числе бригады хирургов, которым доверили оперировать академика Келдыша, участвовал в сложнейших операциях на сосудах головного мозга. Он мог продолжать свою блестящую, головокружительную карьеру в практической медицине — все у него было для этого, сам из рода медиков,— гордость Астраханского мединститута, студент, еще на четвертом курсе бравшийся за операции, доступные лишь врачам экстра-класса. Доктор наук в 34 года — случай для медицины редчайший. В 35 лет заведующий отделением в одной из лучших клиник страны. Все дороги были открыты ему. Но он все-таки ушел из Института имени Бакулева. Ушел в науку, в которой все приходилось начинать с нуля. Его авторитет хирурга-анестезиолога, его клинический опыт, его имя для биофизики, для фундаментальной академической науки значили не слишком много.

Встречаясь в эти месяцы с десятками людей, знавших Феликса Федоровича, я множество раз слышал поразительно противоречивые суждения о нем. В одном лишь сходились все, кого я расспрашивал: да, Белоярцев не был лишен честолюбия, но корысть, стяжательство, купеческое выламывание благ — этого в нем совершенно не было.

Зачем я все это рассказываю? Затем, что подозрительное следствие с самого начала взялось искать «корыстные мотивы».

Улики? Пожалуйста. И дача вот у него была, и машина, и гараж — много тут неясного было для следствия. Но именно тут наши криминалисты ясности никакой не внесли.

Дома во время обыска у него нашли бутылочку спирта — 150 мл, которая фигурировала в протоколе в качестве улики. Чего уж там говорить — криминалистика!

В день похорон в Институт биофизики пришло письмо: «Я не могу больше жить в атмосфере клеветы и предательства...» и подпись: Ф. Ф. Белоярцев.

Человека довели до смерти. Погубили дело, которому он отдал несколько лет напряженного труда. И вроде бы нет виноватых. Неужели не нашлось никого, кто смог бы вступиться и оградить от клеветы и наветов невиновного, по существу, человека?

И тогда в страшные осенние дни 85-го, и потом два года подряд и сегодня были, остались и множатся люди, для которых мужество, честность перед самим собой, высота духа при любых испытаниях, стойкость и презрение к злодейству, откуда бы оно ни исходило,— все эти лучшие качества русского интеллигента не пустой звук. Таков бывший директор Института биофизики, бывший руководитель Пущинского центра, член-корреспондент АН СССР Генрих Романович Иваницкий, вступившийся за честь и доброе имя Феликса Федоровича и поплатившийся любимой работой, здоровьем, своей безупречной репутацией. Таков зав. лабораторией Института биофизики доктор наук Симон Эльевич Шноль, с первых же дней поднявший голос на защиту Белоярцева. Таковы десятки других сотрудников, поставивших свои подписи под коллективным письмом в Прокуратуру СССР с просьбой разобраться и наказать виновных в смерти Феликса Федоровича.

Что ж, они «добились» своего. Вновь залихорадило институт, новые удары посыпались теперь уже на голову Иваницкого, его заместителя Бориса Федоровича Третьяка, допросы сотрудников в рабочее время, лавина проверяющих комиссий, ОБХСС, народный контроль — все эти несокрушимые аргументы власти не замедлили явиться в начатом три года назад неравном споре. Что ж, следственные органы еще раз доказали, что никому, никогда нельзя безнаказанно жаловаться на сотрудников их системы.

Что же было дальше? А дальше разгром. Генрих Романович Иваницкий, один из руководителей программы «искусственная кровь», был снят с поста директора Института биофизики. Перенес сердечный приступ. И в самом разгаре следствия — новый удар: исключен из партии решением бюро Серпуховского ГК КПСС — протокол заседания опубликован в местной городской газете «Коммунист».

Вот, собственно, и печальный конец этой истории. Тайная деятельность победила открытую. Сложные перипетии этого дела многими уже забыты, остались грязные слухи, захолустные пересуды, недостойные одного из лучших академических институтов. Остались зависть, чванство, карьерные дрязги. Профессора Белоярцева убила вся эта атмосфера. Сложный, противоречивый, талантливый и целеустремленный человек Феликс Федорович Белоярцев погиб. Погиб, достигнув выдающихся результатов. Белоярцева больше нет. И тут самое время написать расхожее: «но дело его живет». Увы, это тоже правда. Да, «дело» его живет, пухнут том за томом стенограммы допросов в следственных органах. Их сотрудники продолжают свои регулярные наезды на Институт биофизики.

Стоит в Пущино опытное производство, достроенное уже после смерти Феликса Федоровича. Производство, которое уже сегодня может снабжать военную и гражданскую медицину уникальной искусственной кровью. Деморализован живой коллектив, сложившийся во время многолетней работы. Боится принимать решения новое руководство института. А где-то продолжают погибать люди от ишемии почек и сердца, от тромбов сосудов и отеков головного мозга, от острой массивной кровопотери. Люди, которых сегодня можно было бы спасать.

До пяти литров донорской крови расходуется сегодня при операции на сердце с искусственным кровообращением. Литр ее стоит больше 300 рублей. Литр искусственной, сделанной в лаборатории Белоярцева,— 70 рублей. Цифра эта условная. Пока «Перфторан» цены не имеет, как не имеет цены каждый экспериментальный препарат. Если начнется когда-нибудь серийный выпуск «голубой крови», она будет стоить много меньше. Но о цене ли говорить, когда речь идет о жизни? Есть и другие подсчеты. «Голубая кровь» стоила жизни одному из ее создателей — профессору Белоярцеву. Она стоила доброго имени многим честным и доселе уважаемым врачам и ученым.

Опасны ли нам иностранные разведки? Возможно. Но такая ситуация очень им помогает: получен важнейший, в том числе и оборонный результат. Один руководитель доведен до смерти, другого доводят. А все результаты, в сущности, опубликованы. В газете сообщается о фактическом прекращении нами работ. И вот уже свежие данные: уже не только Япония, США, Швеция, но и Англия заканчивает создание «искусственной крови», которая, судя по всему, уже лучше нашей. Англичане дважды сообщили о клинических результатах, несколько лет назад полученных в СССР. Они идут дальше — создают препарат, превосходящий по стабильности все существующие ныне. Что ж, такова судьба многих советских открытий. Скоро, очень скоро мы будем догонять — опыт имеется.

Нет уже на посту министра Буренкова и его зама Сафонова, умер недавно академик Овчинников, сменятся, может, и сотрудники следственных органов, приложившие руку к запрещению разработки «Перфторана». И не с кого будет спросить за ущерб, причиненный стране.

Но есть еще смысл добивать Иваницкого — если удастся протянуть следствие еще несколько лет, тормозя выпуск «Перфторана», то два-три года спустя заинтересованные лица в Институте гематологии Минздрава смогут приписать себе заслугу его разработки. Дело большое — слава и награды будут большими! Пройдет время, и в историю нашей науки войдет описание одного из самых крупных успехов АН СССР в прикладной области — создание фторуглеродных заменителей крови за рекордно короткий срок, превосходивших ко времени создания все зарубежные аналоги.

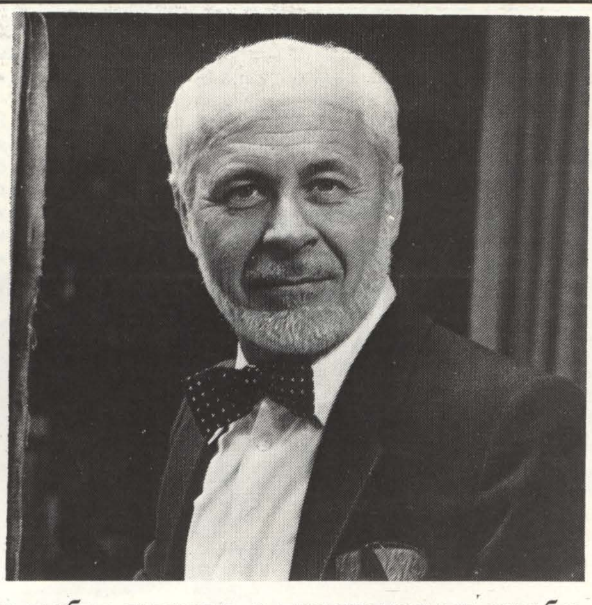
Пройдет время — мы часто говорим об успехах нашей науки в прошедшем времени, похоронив ее героев,— и будут представлены лакированные портреты создателей и упрощенные ситуации.

А нам нужно извлекать уроки немедленно: все происшедшее и происходящее — ущерб для нашей страны. Он должен быть возмещен, он должен стать невозможным в близком будущем — именно в этом один из смыслов понятия «перестройка».

А Белоярцев? Что же, о нем будут еще много писать. Я уверен: обязательно будут. Ибо таковы наши традиции — традиции посмертной славы...

●

В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ

Он не любит говорить о превратностях судьбы, предпочитает не вспоминать, кто или что мешало ему когда-то добиться признания. Попробуйте завести об этом речь — он посмотрит на вас с некоторым недоумением и даже сожалением, потому что всегда был искренне убежден: ему помогали только его труд, его руки, кисть и краски.

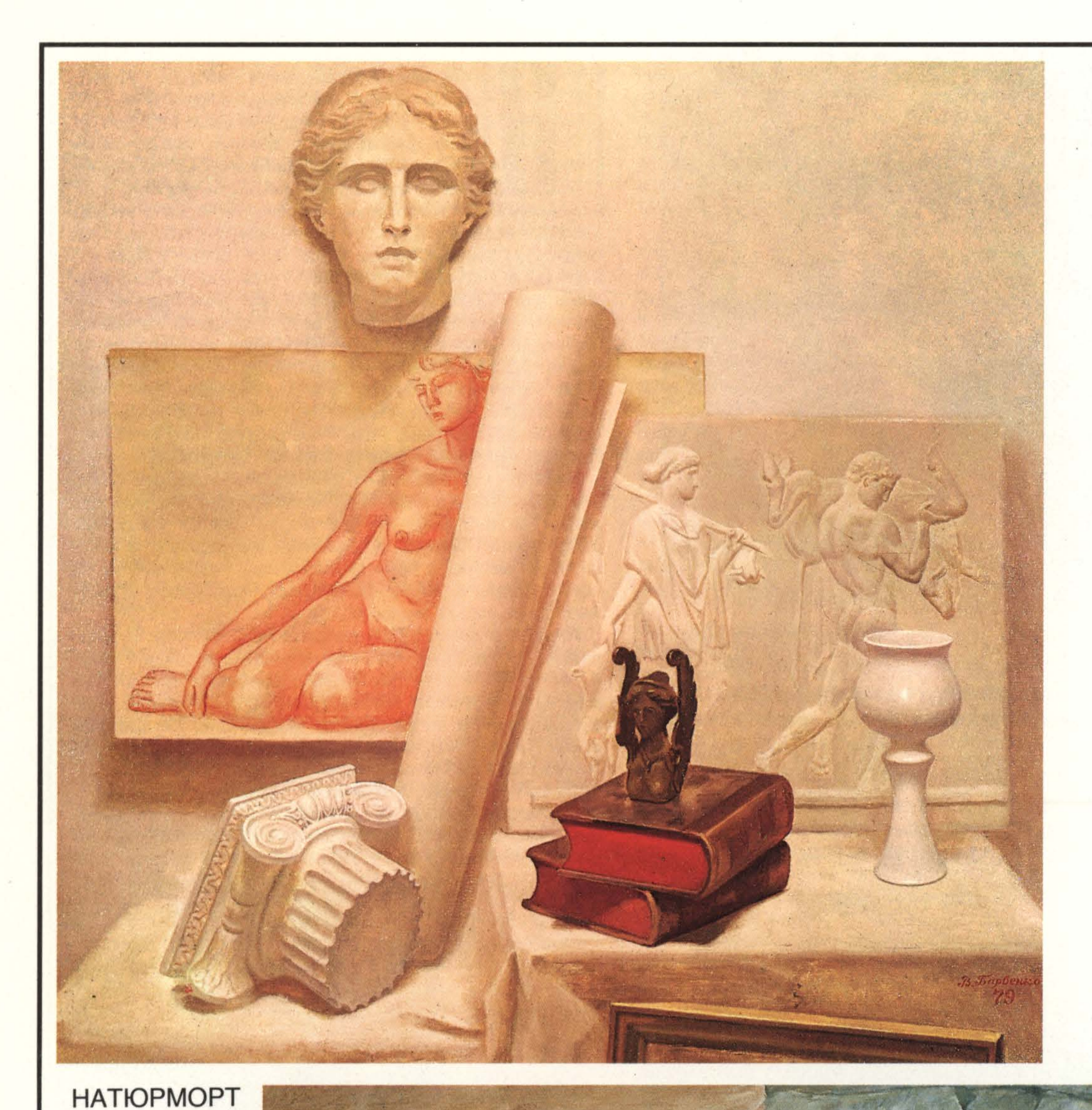
На нашей вкладке читатель видит живописные произведения Виктора Барвенко, и потому мы только вскользь упомянем о том, что художник является автором многих значительных, ярких монументально-декоративных работ — мозаик, витражей, рельефов зданий.

Как монументалист он и заканчивал МВХПУ, бывшее Строгановское, где его педагогами были Г. Коржев, С. Герасимов, В. Егоров. Художник полушутя говорит, что прошел как бы две школы живописи. Дело в том, что его друг детства Виктор Попков, вместе с которым они просидели за одной партой, от звонка до звонка, в мытищинской школе, после ее окончания пошел учиться в Суриковский институт. А так как пути двух друзей постоянно пересекались, происходил «обмен информацией». Барвенко знал все, что говорил своему ученику Попкову, скажем, педагог Кибрик, и наоборот.

Виктор Попков стал знаменитым художником, правда, только после того, как безвременно ушел из жизни сорока двух лет от роду. Виктор Барвенко свято хранит память о товарище, передавая ее и землякам: весной в той самой мытищинской школе он помог открыть музей В. Попкова, где сразу появились свои юные экскурсоводы.

Память о друге... Ему посвящена и картина В. Барвенко «Юность», первоначально она называлась «Тишина». Тишина после того рокового выстрела... Как будто из мира выкачали воздух. Это было первое ощущение потрясенного художника. Но прошло время, и уже нахлынули воспоминания об их неразлучном безоблачном детстве, когда все кажется прекрасным, впереди вся жизнь. Тревожная тишина — предвестник грозы; безмятежность юности — предчувствие счастья... Удивительное сочетание, сплетение неуловимого, так удавшееся в этой работе Бар-

В. П. БАРВЕНКО.
Род. 1933.
ЮНОСТЬ. 1978.

венко, было оценено по достоинству: оба варианта картины приобретены Русским музеем и Третьяковской галереей.

Надо вообще отметить, что творчество Виктора Петровича Барвенко привлекает как работников музеев, так и частных коллекционеров, наших и зарубежных. Одна из причин этого видится в светлой поэтичности, возвышенной духовности его искусства, идущего не от внешнего, а от внутреннего в человеке, то есть приглашающего к раздумью, самоуглублению. И чувствуется это в любой его работе, будь то портрет, сюжетная картина или натюрморт. В последнем ему тоже успешно удается решать проблемы философского характера. Присутствующий во многих натюрмортах старинный реквизит, атрибуты искусства, композиционно выстроенные в некие символические ряды, завораживают красотой, совершенством пластики, способностью художника вдохнуть поэзию в мертвую вещь, тем самым заставляя ее жить новой жизнью...

О Барвенко писали в связи с натюрмортами, что он, очевидно, сознательно уклоняется от простоты и естественности окружающего мира и полностью уходит в ассоциации мира изящных искусств. Думается, тут надо говорить о другом: о вечной мечте художника запечатлеть прекрасное, о поиске высокой гармонии. Известно, что на разных этапах жизни человеческие представления меняются. Так и душа художника неожиданно открывает для себя новую красоту, новую гармонию, которой он стремится поделиться с миром.

И вот сегодня московский художник Виктор Барвенко «вернулся на грешную землю», его бесконечно увлекли волжские дали, лес, небо, облака... «Каждый раз, когда я приезжаю в «свою», полюбившуюся деревню Устье,— рассказывает художник,— у меня возникает здесь ощущение сцены, театра, где даже в отсутствие человека происходит действие — смена дня и ночи, разговор деревьев, словом, обнажается все то, что стирается за суетой в городе...»

Значит, нас ждет еще одна встреча с Виктором Петровичем Барвенко — прежним и новым. Но всегда понятным тому, кто способен на неустанный душевный поиск.

Наталья АНИСИМОВА

НАТЮРМОРТ С МАСКОЙ АФРОДИТЫ. 1979.

БАЛХАРСКИЕ МАСТЕРА. 1961.

Отто ЛАЦИС

ИНТЕРЕС

С точки зрения традиционных догматических представлений лозунг «Больше социализма!» вызывает немало вопросов.

Уровень нашего развития долгие годы оценивался многими обществоведами по охвату народного хозяйства формами общественной собственности, желательно прежде всего государственной. Да и статистические справочники уже лет сорок показывают такую степень обобществления, что, кажется, большего социализма и быть не может!.. Стопроцентное огосударствление — это обстоятельство принято было считать наиболее важным по меньшей мере с 1933 года, когда Сталин, докладывая об итогах первой пятилетки, сообщил о перевыполнении плана по проценту коллективизации, но ни слова не сказал о развитии сельскохозяйственного производства, которое в те же самые годы сократилось. Тем самым был полностью отброшен выдвинутый Лениным в 1918 году критерий обобществления на деле; отброшено ленинское требование увязки акта национализации с реальным овладением производством.

Сталинский подход оказался живучим. Даже через тридцать лет после XX съезда партии некоторые философы и политэкономы связывали коммунистическую перспективу только с огосударствлением последней из сохранявшихся (да и то лишь по форме) кооперативных форм производства — колхозной. С таких позиций практика перестройки вызывает даже недоумение: социализма становится вроде бы не только не больше, но даже меньше. Более того, законом допущено развитие индивидуальной трудовой деятельности. Множатся формы и производственной кооперации, появились арендные отношения предприятий с трудящимися. В народном хозяйстве шире используются товарно-денежные отношения, внимательнее учитываются законы рынка. Права и обязанности в области планирования все чаще передаются от центральных государственных органов к предприятиям. Возрастает дифференциация оплаты по труду. Намечаемая реформа цен и ценообразования ставит под сомнение принцип стабильности цен, долгое время целиком ассоциировавшийся с самим социализмом. Закон о государственном предприятии (объединении) предусматривает возможность банкротства, ликвидации хронически нерентабельных предприятий.

Так что же дает основания утверждать, что социализма становится больше?

Перечитывая Маркса, Энгельса, Ленина, убеждаешься, что укоренившиеся при Сталине представления о том, **что** обязательно при социализме, были навязаны искусственно. Вспомним, как мало обязательных требований к производству, которое можно считать социалистическим, предъявлял Ленин при обсуждении проекта первой программы партии. Он считал социалистической планомерную организацию общественного производительного процесса за счет всего общества для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества. Для принципиального научного и политического определения — только это и ничего более. Все прочие требования, которые в разные годы выдвигались или снимались, могут меняться и развиваться. Могут и должны.

Но развитие, конечно, нельзя определять произвольно. Для выработки его направлений существует строгая научная, методологическая основа — та, которой пользовался Ленин. Центральный пункт этой методологии — ленинское разграничение реального и формального обобществления. Является ли данное социалистическое производство обобществленным на деле, в реальных отношениях людей? Или только по юридической форме? Если взглянуть с такой точки зрения, то реальный уровень обобществления производства, достигнутый у нас до начала перестройки, окажется не таким высоким, как это изображала пропаганда. И ясной становится установка партии на развитие социализма, а не на строительство коммунизма, как провозглашалось некоторое время назад.

Да, индивидуальное производство было практически вытеснено из нашей хозяйственной жизни. И это можно было бы считать доказательством стопроцентного обобществления отраслей народного хозяйства! Если бы на основе государственных или кооперативных форм удовлетворялись потребности населения страны. Но в том-то и беда, что **в торговле и общественном питании, промышленности и сельском хозяйстве, в строительстве, на транспорте, особенно в сфере услуг давно уже спрос не удовлетворяется.** Стопроцентный охват социалистическими формами достигался не реальным обобществлением всего производства, а отсечением тех его участков, где обобществление по тем или иным объективным причинам невозможно. Но люди не смиряются с неудовлетворенным спросом, тем более на первостепенные жизненные услуги или товары. То, что нельзя получить законно, приобретается незаконно. При нелегальном индивидуальном производстве сохраняется в неприкосновенности статистическое благополучие; но все прочие стороны дела проигрывают по сравнению с открытым и узаконенным удовлетворением потребностей населения. Нелегальная форма во всех отношениях менее выгодна и для государства, и для покупателя, а во многих случаях — и для самого производителя услуг или товаров. Индивидуальное производство, загнанное в подполье, несомненно, означает меньшую степень реального обобществления, чем признанное и контролируемое государством открыто.

Однако перестройка индивидуального производства — не главная сфера, где требуется больше социализма. Основные задачи решаются на государственных и кооперативных социалистических предприятиях. Как понимать главный лозунг перестройки применительно к этим предприятиям? Вполне очевидно, что он актуален там, где требуется устранить деформации, возникшие в застойное время. Например, реальное функционирование Папского агропромышленного объединения в Узбекистане во главе с преступником Адыловым хоть и числилось по государственному социалистическому сектору, не вяжется с представлениями не только о социализме, но даже и о капитализме — оно ближе к практике раннего феодализма! Могут возразить: то был крайний случай. Резонно. Хотя, с другой стороны, не такой уж редкий для того времени. Я имею в виду сущность экономических отношений, выражавшуюся в **присвоении руководителем** того или иного предприятия или государственного и партийного органа **части национального дохода,** созданного в государственном и колхозно-кооперативном секторах. О размерах подобного присвоения говорят миллиардные суммы награбленного! И должности расхитителей, в число которых входили, например, бывший руководитель партийной организации Узбекистана, бывший министр внутренних дел СССР и тысячи ответственных руководителей, в том числе из правоохранительных, партийных, советских, хозяйственных органов. Если смотреть в глаза этим фактам **контрреволюционного перерождения** части кадров, то нельзя не отнестись внимательно к концепции Л. Карпинского, видящего в этом «частную собственность, вставшую на дыбы», попытку частнособственнической реализации самой функции управления.

Но и это еще не самый сложный из вопросов, на которые предстоит найти ответ. Марксисты и раньше знали, что государственная собственность необязательно социалистическая. Они знали, что надо еще посмотреть, кому принадлежит само государство. При постановке этого вопроса становится особенно очевидной обоснованность центрального лозунга нашей перестройки, поставившей знак равенства между демократией и социализмом: «Больше демократии, больше социализма». Утверждения одной лишь демократии было бы недостаточно, с точки зрения трудящихся, в буржуазном государстве, где средства производства в руках эксплуататоров. В нашем государстве обобществление средств производства уже состоялось, остается гарантировать надежное «обобществление» самого государства. Задача чрезвычайно трудная. Известны практические шаги, намеченные XIX Всесоюзной партконференцией для перестройки политической системы социализма. Но глубинная проблема качественного развития социализма не исчерпывается и этим.

Представим себе обычное среднее предприятие, где никто не ворует и все честно работают, но — в старой системе. Реализуются ли здесь преимущества и цели социалистического производства? Каков механизм этой реализации? Прежде чем отвечать на эти вопросы, проследим, как развивалась марксистская мысль по этому вопросу после Октября.

«Широкое, поистине массовое создание возможности проявлять предприимчивость, соревнование, смелый почин является только теперь». И дальше: **«Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность *работы на себя*...»** Это писал В. И. Ленин спустя два месяца после Октября в статье «Как организовать соревнование?» (она впервые напечатана после смерти автора). Преимущество социализма уже определено, но путь его реализации еще не был ясен.

Чтобы упрочить социализм, пролетариат должен, во-первых, увлечь всю массу трудящихся и эксплуатируемых для свержения буржуазии и подавления ее сопротивления, во-вторых, повести за собой всю массу «на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда... **Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и *будничной* работы».** Ленин написал это в 1919 году в самый разгар «военного коммунизма» в статье «Великий почин». Механизм все еще не ясен, но есть указание на длительный, упорный и трудный героизм массовой и будничной работы.

«Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму...» Это — Ленин. Шел 1921 год. Первые месяцы новой экономической политики (статья «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции»). Здесь уже определен механизм — пусть общий принцип, но вполне ясный и по сей день работоспособный: на хозяйственном расчете!

Так родилась главная идея: между личным интересом и интересом государственным у работника ново-

* Глава из книги экономических очерков. Книга готовится к выпуску в Политиздате.

го социалистического общества должна быть связь — это заинтересованность работника в результатах деятельности предприятия, живущего на хозрасчете. Чувство хозяина страны, постижимое как политическая истина, конкретизируется в чувстве хозяина предприятия, ощутимом в повседневной жизни, в том числе и в прямой зависимости материальных условий жизни от результатов труда и работника, и всего коллектива. Детальная разработка механизма реализации этой общей идеи заняла всю первую половину двадцатых годов. Особенно важным и нелегким достижением в построении нового механизма было отыскание инструментов связи личного и коллективного интересов с общегосударственным — как прямой связи через план, так и обратной через рынок. Среди этих инструментов одним из главных был синдикат, точнее, система синдикатов, добровольных паевых объединений предприятий, связывавших их с рынком.

Но в 1927 году прозвучали слова, которые означали, по существу, шаг назад в понимании сути проблемы, возврат к уровню 1917 года. На встрече со Сталиным 9 сентября 1927 года члены американской рабочей делегации спросили, чем заменяется в СССР такой стимул развития производства, каким в капиталистическом обществе служит надежда извлечь прибыль? Сталин ответил: да, извлечение прибыли не является ни целью, ни двигателем нашей социалистической промышленности. Ее двигателем служит, оказывается, то обстоятельство, что фабрики и заводы принадлежат всему народу, что ими управляют «представители рабочего класса». Сознание того, что люди работают на свое государство,— вот двигательная сила промышленности, по Сталину. Он пояснил, на чем держится это сознание: большинство директоров составляют рабочие, назначаемые Высшим Советом Народного Хозяйства по соглашению с профсоюзами; на предприятиях имеются заводские комитеты и производственные совещания. Другим двигателем является, по Сталину, то, что доходы от промышленности идут не на обогащение отдельных лиц, а на расширение промышленности, на улучшение материального и культурного положения рабочего класса. И третье, что он отметил,— факт национализации промышленности облегчает плановое ведение хозяйства...

В этом рассуждении поражает не только странное фактическое противоречие: еще не был отменен нэп! Ведь он законодательно утверждал извлечение прибыли как цель деятельности предприятия. Бросается в глаза и другое: о хозрасчете у Сталина ни слова. Ни слова об интересах предприятия, его коллектива. Такое толкование «чувства хозяина» **на деле полностью исключало реальную роль конкретного рабочего на предприятии.** Оно исключало и общественную проверку эффективности действий тех, кого Сталин назвал «представителями рабочего класса». Забвение хозрасчетных стимулов неизбежно отключало и такой незаменимый механизм обратной связи в экономике, как рынок. **Только он, рынок, может показать необходимость и доброкачественность товара, его истинную цену.** Сталин мыслил на уровне времен «военного коммунизма», хотя и не признался в этом. Его шаг назад имел далеко идущие последствия. Хотя на практике приходилось то и дело прибегать к рычагам материального стимулирования, идеологически оно всегда находилось под подозрением. Это не могло не вести к постоянным ограничениям и деформациям. Сталинский подход был законом для тогдашних политэкономов, неизбежные отклонения от него объявлялись следствиями недостаточной зрелости коммунистических отношений. **На деле изживались «предприимчивость, соревнование, смелый почин», в которых видел силу социализма Ленин.**

Первой попыткой отступить от сталинских взглядов в этом вопросе были решения о хозяйственной реформе, принятые в 1965 году. Созданные тогда экономические фонды предприятий (фонд развития, фонд материального поощрения, фонд социально-культурных мероприятий) должны были в большей или меньшей степени зависеть от результатов деятельности трудового коллектива. Но попытка эта была ограниченной, главное в экономических отношениях не менялось. Из них не устранялась фигура, которую Чернышевский столь метко назвал «сторонним ценовщиком». По-прежнему ведомственный чиновник определял план, оценивал успешность его выполнения и в зависимости от этой оценки выплачивал вознаграждение. Усовершенствования шли главным образом по линии более точного составления планов. Но не по линии коренного изменения отношений между основными действующими лицами, каковыми являются предприятие-производитель и предприятие-покупатель, отдельный трудящийся и государственные органы, общество в целом. Второго шага тогда не последовало — напротив, даже принятые решения не выполнялись, постепенно были выхолощены или отменены. Сказалась слабость реформы шестидесятых годов: она не сопровождалась реформой политической системы.

Решения июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, Закон СССР о государственном предприятии (объединении), Закон о кооперации в СССР создали теперь правовую основу для коренных изменений. В жизнь входят новые понятия — либо вообще не существовавшие еще недавно, либо известные лишь в теории, не применявшиеся на практике, а порой даже объявлявшиеся несовместимыми с социализмом! Я говорю о хозрасчетном доходе трудового коллектива, самоуправлении и хозяйственном договоре как основе плана, а также об экономической соревновательности и договорных ценах. Ставится задача повысить роль потребителя, то есть рынка.

Из всего названного особенно важен хозрасчетный доход трудового коллектива. В нем суммируется плата за все полезные эффекты, произведенные коллективом в интересах общества; из него вычитаются все затраты и платежи за любой ущерб, причиненный коллективом другим предприятиям, а также природе и общественным интересам. От размеров хозрасчетного дохода решающим образом зависят доходы работников предприятия. С другой стороны, хозрасчетный доход зависит от их усилий. Вот она, та система экономических отношений, которая делает работника предприятия (а не «стороннего ценовщика») подлинным хозяином! Чувство хозяина, столь часто поминавшееся всеми, постепенно материализуется. Основное (по Ленину) преимущество социализма — **работа на себя** — из пропагандистской фразы превращается в реальность. Точнее, превратится, если названные решения будут выполнены.

Резолюция XIX партконференции констатирует, что оздоровление экономики началось, но процессы перестройки идут противоречиво, сложно, трудно. Хотя налицо позитивные тенденции и есть первые результаты, не произошло коренного перелома в экономическом, социальном и культурном развитии. Не изменилось отношение к труду, делу. Есть в резолюции такие слова: «В целях преодоления бюрократических методов управления, характерных для административно-командной системы, конференция решительно поддерживает курс на преобразование функций и стиля работы министерств и других центральных ведомств, ликвидацию излишних звеньев и передачу их прав на места, существенное сокращение аппарата и повышение квалификации занятых в нем кадров». Эти оценки отразили общественную дискуссию, происходившую перед конференцией. Некоторые мысли и факты, высказанные в ходе этой дискуссии, заслуживают более подробного рассказа.

Участники дискуссии отталкивались от некоторых общепризнанных оценок и выводов, подкрепляемых сотнями публикаций в печати, а главное — собственными впечатлениями, жизненным опытом миллионов людей. Один из таких выводов — и очень важный — заключается в том, что народное хозяйство работает напряженнее, в целом лучше, чем три года назад. Многие недостатки постепенно начинают исправляться. Но на повседневной жизни это мало сказалось. Жизнь не изменилась хоть сколько-нибудь заметно к лучшему. Об этом говорилось и с трибуны партконференции. Так, нижнетагильский металлург В. А. Ярин привел слова рабочих: «Где перестройка? Например, в магазинах как было с продуктами плохо, так и осталось. Да еще на сахар талоны ввели. Мяса не было и нет. Промышленные товары вообще куда-то провалились». Другой важный вывод связан с наметившимся разрывом в осуществлении перестройки на предприятиях и в вышестоящих звеньях управления. Предприятия с 1 января 1988 года начали переходить на полный хозрасчет — с этого времени предприятия начинают все более подвергаться давлению экономических рычагов и изменяют свое поведение к лучшему: экономят оборотные средства, сокращают запасы материальных ценностей. Расчетливее расходуют и капиталовложения, то и дело отказываются от излишних строек, от ненужного оборудования — раньше подобных фактов почти не встречалось. Причина перемен к лучшему понятна: деньги теперь расходуются не за счет государства, они теперь не «ничьи», а свои. Выбросить деньги без пользы — все равно что вынуть их из собственного кармана.

А вот в поведении министерств и ведомств подобных отрадных перемен не заметно. Они по-прежнему без счета и расчета тратят общественные средства, как ничьи. На этом этаже реформа еще не проявляет себя сколько-нибудь заметно. И такой разрыв все сильнее мешает предприятиям.

Только сейчас стало ясно, что экономическое положение страны в годы застоя было хуже, чем представлялось три года назад. Только сейчас мы начинаем понимать, насколько сильно был подорван запас прочности нашей экономики в годы, когда для экстенсивного роста уже не было возможностей, но он вопреки здравому смыслу продолжался по воле чиновников. Мы проедали будущее, разбазаривали природные богатства страны, привлекали такие «ресурсы», которые подрывали физическое и нравственное здоровье народа,— прежде всего доходы от продажи водки.

В последние годы использование водочных доходов государственного бюджета резко сокращено. Подломилась и другая шаткая опора экономики застойного времени: упали мировые цены на нефть, которая служит важнейшим источником нашей экспортной выручки. Пришлось экономить валюту, в том числе и путем сокращения импорта товаров народного потребления. Вот так и вышло, что промышленность и сельское хозяйство производят товаров больше, чем три года назад, а сумма денег, не обеспеченных товарами, не уменьшилась, а возросла. Следовательно, возрос и товарный дефицит, ухудшилось положение в торговле. Бьют тревогу специалисты по конъюнктуре внутреннего рынка: стали чаще и резче волны ажиотажного спроса! **Люди покупают товары не потому, что они нужны, а потому, что утрачено доверие к надежности торговли, к обеспеченности денег товарами.** Признаком усиления такой ненадежности покупатели сочли введение талонов на сахар, после чего в ряде мест начали хватать ящиками вовсе не дефицитные соль, мыло, спички... Тревожный сигнал.

Все это дополнительные трудности, которые нельзя было предвидеть заранее. Логично появление предложений в печати о том, чтобы найти и дополнительные, сверх предусмотренных пятилетним планом источники экономического роста. В пользу пересмотра пятилетнего плана выдвигался и другой аргумент: план разрабатывался до реформы. Он не рассчитан на новую экономическую ситуацию, на перестройку. Некоторые известные экономисты утверждают, что нам вообще не нужно предусмотренное пятилеткой ускорение роста объемных показателей. Они высказываются в пользу замедления темпов роста — и чем скорее, тем лучше.

Первым эту мысль высказал В. Селюнин. Его решительно поддержали Н. Шмелев и некоторые другие авторы. Наконец Л. Абалкин сказал с трибуны XIX Всесоюзной партийной конференции: «Начать следует хотя бы с того, что при разработке двенадцатого пятилетнего плана была принята концепция одновременного обеспечения количественного роста и качественных преобразований. С точки зрения науки эти задачи несовместимы. Если у кого-то еще оставались сомнения определенное время, то прошедшая половина пятилетки подтверждает правильность этого вывода. Надо было выбирать: или количество, или качество. С учетом наших традиций и опыта очевидно, чему было отдано предпочтение».

Вероятно, в подобных суждениях при желании можно найти чрезмерную категоричность. Конечно, количественный рост и улучшение качества совместить трудно. Но и утверждать, что совместить совсем невозможно, вряд ли верно. В Китае эти задачи удалось совместить. Реформа — сложный процесс, в котором сливаются разные силы. Впрочем, не беда, если бы и в самом деле количественный рост у нас замедлился из-за структурной перестройки. К сожалению, есть основания опасаться, что положение хуже: количественный рост не получается именно потому, что структурная перестройка не происходит либо происходит слишком медленно. А без нее реальный рост невозможен.

Между тем необходимые нам качественные изменения должны быть весьма значительными. Потому что вплоть до перестройки сохранялась та модель экономики, которая была заложена десятки лет назад. Модель, нацеленная на развитие так называемых базовых отраслей промышленности. Она была эффективной до войны, когда страна должна была пройти путь первоначальной механизации труда. Это не оправдывает грубых ошибок, допущенных в годы первой пятилетки, когда произвольный пересмотр показателей пятилетнего плана в сторону ускорения сопровождался ликвидацией хозрасчетных отношений, но тогда действительно было нужно больше металла, угля, нефти, электроэнергии... Но после войны обстановка была другой. Жизнь требовала побольше товаров для народа, развития предприятий высоких технологий, наукоемких отраслей, а также укрепления сельского хозяйства, отдавшего немало жизней и материальных ресурсов и делу индустриализации, и победе над фашизмом. Но Сталин в предвыборной речи 9 февраля 1946 года воспроизвел те же задачи, какие он ставил без малого двадцать лет назад: еще больше чугуна, стали, угля, нефти! И только... То была стратегическая ошибка, ошибка выбора не методов, а самих целей экономического развития.

Один пример. Долгое время считалось, что у нас не хватает зерноуборочных комбайнов, поскольку уборка длится чрезмерно долго и потери хлеба от этого велики. Между тем мы собираем зерна почти в полтора раза меньше, чем США, а комбайнов делаем в шестнадцать раз больше! Неисправных комбайнов у нас в хозяйствах столько, что американцам удалось бы наделать такое их количество лишь за... семьдесят лет. С одной стороны, у нас чудовищное перепроизводство комбайнов, а с другой — уборка

растягивается до снега. При отсутствии хозрасчета совхозы получали технику за счет государства, а колхозы — за счет периодически списываемого кредита. А главное, такую технику, какую предлагают наши заводы, селяне приобретали не по своей воле. Да и то зачастую на запчасти ввиду их постоянного дефицита. Как только чуть-чуть проявил свою силу хозрасчет, хозяйства сократили заявки на сельхозтехнику — на треть!. А завод особенно плохих комбайнов — Красноярский — оказался, по существу, банкротом. Из-за полного отсутствия сбыта. И это при продолжающейся нехватке запчастей и при монополии отечественного комбайна на нашем рынке, при государственной дотации, делающей даже «Дон» полубесплатным: за полную цену его бы никто не покупал.

Этот пример помогает понять устойчивость устаревшей структуры народного хозяйства. **Старый административный механизм управления упорно воспроизводит сложившуюся структуру вопреки общественным интересам. Он реализует ведомственные интересы.** Нет как нет контроля рынка за целесообразностью планов, за их выполнением. Рынок помог бы быстрее понять, например, что вопрос о том, сколько комбайнов нужно стране, неотделим от вопроса о том, какие это будут комбайны. Следовательно, мы не можем определить, что и как планировать. Сначала надо решить: кто планирует? И в каких экономических условиях? Колхоз на свои кровные деньги закажет одно, а министерство на «ничьи» — государственные — совсем другое...

Отсутствие рынка имеет еще одно печальное последствие: предприятия и плановые органы перестали считаться с реальной ценой тех или иных производственных достижений. «Любой ценой!» — это возводилось в добродетель. Натурально-вещественный результат хозяйственной деятельности становился самодовлеющим. Экономическая наука и хозяйственная практика долгое время фактически игнорировали ленинскую характеристику акта купли-продажи как общественного учета в качественном и в количественном отношениях.

Ленин понимал прогрессивную роль рыночного общественного учета и, конечно, не мог мыслить построение социалистических производственных отношений как шаг назад от капиталистического рынка, к «оторванности одичалого земледельца от всего остального мира». Он искал пути движения вперед. А это значило сохранять в интересах социализма высшие достижения экономической культуры капитализма. В первые годы после Октября эти пути были понятны лишь в самых общих чертах. В октябре 1921 года Ленин писал, вспоминая 1918 год: «Мы знали, видели, говорили: нужен «урок» у «немца», организованность, дисциплина, повышение производительности труда. Чего не знали? Общественно-экономическая *почва* этой работы? *На почве* рынка, торговли или *против* этой почвы?» Но даже тогда, в 1918-м, Ленин отвечал рабочим делегациям, приходившим с требованиями конфискации предприятий: «Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки и вы подсчитали, что вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком?»

Значит, уже тогда — за три с лишним года до признания необходимости торговли, товарно-денежных отношений — Ленин ставил в один ряд такие понятия, как умение взять производство в свои руки, учет и связь с рынком! Тем более очевидна эта взаимозависимость нам сегодня. Отвергая «рыночный социализм», мы не собираемся игнорировать социалистический рынок. Мы не признаем рыночные критерии господствующими. Не они определяют цели социалистического производства. Но попытки отрицать их **как средство, как инструмент общественного учета и контроля** обошлись и обходятся нашему обществу непомерно дорого.

Никаких сомнений, что нам нужен и очень нужен рывок в развитии машиностроения. Вполне логичным представляется решение дать в связи с этим повышенные капиталовложения для отрасли. Но в сочетании со старым механизмом планирования этот пункт плана становится самоцелью. Для определенных звеньев государственного аппарата, наделенных немалой властью, задача сводится к этому: затратить такие-то суммы. И тратят. Потрясающий факт сообщил в «Огоньке» директор Ивановского станкостроительного объединения В. Кабаидзе: ему для расширения производства не нужны дополнительные площади! А министерство навязывает сто миллионов рублей и велит строить новый корпус. Гораздо меньшие затраты, прежде всего на новое оборудование для действующих корпусов, директор осуществить не может.

Еще замечательнее эффект строек Минводхоза. Они давно стали притчей во языцех. Из-за огромного ущерба, наносимого природе и памятникам культуры. Но еще не оценены по достоинству с точки зрения экономической. Принятый у нас нормативный срок окупаемости капиталовложений — достаточно вольготный — восемь лет. Фактический срок окупаемости капиталовложений Минводхоза в одиннадцатой пятилетке, по оценкам самого ведомства, превысил двадцать пять лет! Одного этого вполне достаточно, чтобы немедленно отказаться от подобных работ. Но, по оценкам независимых от ведомства ученых, реальный срок окупаемости затрат превысил сто лет — величина, можно сказать, иррациональная. Она, по сути, равнозначна признанию, что эти затраты не окупятся... никогда. А многие объекты орошения имеют еще и отрицательную «рентабельность»: затраты ради производства убытков!.. От такого орошения плодородие земель не возрастает, а уменьшается либо уничтожается полностью. **Деятельность Минводхоза как всенародное бедствие, но не стихийное, а плановое бедствие. А все потому, что оплата объектов орошения идет за счет государства.** Будь она за деньги хозрасчетного дохода колхозов и даже совхозов — никогда ни копейки не получил бы Минводхоз на большинство проектов!

Нехозрасчетные по своей природе звенья вроде министерств, главков, бывших ВПО или новейших ГПО, не создающие никаких ресурсов, не должны и распоряжаться ресурсами. Коли станкостроение заработало в свои фонды сто миллионов рублей, приходящихся на долю Ивановского объединения, все они и должны достаться коллективу этого объединения во главе с В. Кабаидзе.

Не поможет делу и попытка установить материальную ответственность министерства перед предприятием за ущерб, причиненный ошибочными либо неправомерными действиями министерства. Ибо министерство своего хозрасчетного дохода иметь не может — оно расплачивается лишь деньгами, отнятыми у предприятий! Оно само же и устанавливает нормативы централизованных отчислений. Жалоб на произвол сколько угодно. И если министерству придется расплачиваться из централизованного фонда за бюрократическое головотяпство, его не убудет. А предприятие успокоится. Перестанет жаловаться. Пострадавшими останутся отрасль в целом и... государство.

Заметим, что сами по себе централизованные фонды для групп предприятий нужны. Остается вопрос о целесообразной централизации: как быть, когда нужно объединить средства для сооружения крупного объекта в интересах многих предприятий? О создании для такого случая акционерных обществ умели договариваться капиталисты еще в прошлом веке! У нас же добровольное объединение ресурсов можно организовать гораздо проще.

Бывает необходимым и финансирование строек за счет государственного бюджета. Но сфера, где оно необходимо и полезно, во много раз меньше той, которая сейчас им охвачена. Такими централизованными в общегосударственном масштабе ресурсами мог бы распорядиться Госплан.

Зачем нам столько министерств в промышленности и строительстве? Большая часть из них не нужна. И упразднение их как раз и может стать самым простым и надежным способом избавления от производства ненужного. **Сфера управления должна все больше превращаться в сферу услуг.**

Сегодня все это — уже не только предложения научных работников или публицистов. Громко и настойчиво прозвучали эти идеи с трибуны XIX Всесоюзной партконференции, в речах делегатов — руководителей предприятий. В. Кабаидзе: «Если честно говорить, мне министерство не нужно. Мы вполне без него можем обойтись. Корм мы теперь добываем сами, валюту добываем сами. Что нам может дать министр? Да ничего! Но это не значит, что не нужны координирующие центры. Нужны. Но они должны работать, кормиться от нас, а не от бюджета. Вот будет министр «мышей ловить» — будем кормить, не будет — не надо». Несмотря на просторечную форму, концепция управления изложена здесь со строго научной точностью за исключением разве что одного слова «министерство». Такой орган будет уже не министерством, а тем, что в двадцатые годы именовалось синдикатом. Но В. Кабаидзе и сказал, что министерства не нужны! На следующий день к этой теме обратился генеральный директор производственного бройлерного объединения «Ставропольское» В. Постников: «Вчера товарищ Кабаидзе сказал, что если переходить на хозрасчет, а он перешел, то их объединению министерство не нужно. Звучит это, конечно, вызывающе и непривычно. Но я поддерживаю эту идею». И дальше: «В настоящее время создана ассоциация, куда входят комбинаты «Кубань», «Раменское» и наше объединение. Мы считаем, что эти предприятия будут решать все вопросы гораздо легче, чем каждое из них в отдельности. Мы будем приглашать в нашу ассоциацию и другие предприятия».

И, наконец, нельзя не привести слова председателя колхоза «Ленинская искра» Ядринского района Чувашской АССР А. Айдака. Рассказав о фактах вопиющей бесхозяйственности в мелиоративном строительстве, он предложил: «Чтобы впредь для подобного не было условий,— а при самофинансировании это и необходимо,— целесообразно впредь прекратить бюджетное финансирование мелиоративного строительства. Это станет преградой затратному принципу мелиорации. Мелиоративные работы впредь должны производиться только по договорам с хозяйствами на их деньги в соответствии со схемой внутрихозяйственного землеустройства. При этом, думается, выделяемые Минводхозу СССР деньги следует передать районным организациям агропрома. Там безошибочно определят, куда их употребить, чтобы была лучшая отдача — на строительство дорог, соцкультбыт или на мелиорацию. А передвижные механизированные колонны и проектные организации Минводхоза СССР должны быть переведены на подряд без целевого финансирования их деятельности». Оратор не счел нужным уточнять, но ясно и так: **и это министерство оказалось ненужным.**

Бригадный, семейный подряды, арендные отношения... Здесь человек-исполнитель, человек-творец и человек-управляющий соединяются в одном лице. Особенно это важно в сельском хозяйстве, где разумное соединение технологии с силами природы просто невозможно без личного творческого отношения к делу. Человек социалистического общества получает возможность вернуть себе положение не формального, а реального хозяина на рабочем месте, на предприятии, в своем селе или городе. В своей стране. Он начинает **преодолевать отчуждение от собственности и продукта труда, отчуждение от гласности и власти. Успех всего этого и будет означать — больше социализма!** А неуспех перестройки нанес бы непоправимый ущерб делу социализма...

Уже первые шаги в преодолении отчуждения дают порой удивительные результаты. На поставленный крупнейшими экономистами и публицистами вопрос о самых сложных проблемах пятилетки едва ли не самый глубокий ответ дал на XIX Всесоюзной партконференции газовщик Орско-Халиловского металлургического комбината В. Нижельский:

— Мы прослушали выступления большого числа ораторов. Министр здравоохранения сказал, например, что нужны средства. Представители науки тоже говорили, что нужны средства. А решить сразу все проблемы мы не можем. Может быть, есть смысл поджаться, сконцентрировать усилия на какой-то одной программе. И у нас предложение: сконцентрировать эти усилия именно на решении Продовольственной программы с тем, чтобы в ближайшее время народ увидел реальную отдачу.

Горбачев: — Правильно, Вадим Юрьевич.

Есть в этой речи ключевое слово: **«поджаться».** Оно заключает в себе ответ и на ту проблему, которую поставил другой рабочий-делегат, В. Ярин. И для успешного противостояния дополнительным трудностям, с которыми столкнулась пятилетка, и для быстрого улучшения положения на потребительском рынке, о котором с тревогой говорил тот же В. Ярин, нужно одно: поджаться! Сократить нерациональные расходы. Можно и нужно **воздействовать на рыночное равновесие не с одной, а с двух сторон: не только наращивать производство товаров и услуг, но и уменьшить количество необеспеченных денег.** Речь не о том, чтобы снизить уровень доходов населения — у трудовых людей избытка денег нет. Речь о том, чтобы сократить неэффективные или чрезмерные расходы ведомств! Сегодня это вопрос жизненной важности для судеб перестройки.

Засилье ведомственного затратного подхода привело к тому, что **наше государство живет не по средствам.** Долгое время это маскировалось нехитрыми приемами. На конференции сказана правда: доходы государственного бюджета меньше, чем изображалось. И у нас существует дефицит. На нижнем этаже хозяйственной пирамиды, на предприятиях по мере введения полного хозрасчета коллективы начинают лучше считать деньги, которые они тратят. Но министерства хозрасчету неподвластны по своей природе... Для них деньги остаются по-прежнему ничьими, если говорить о реальных интересах. Отсюда бесчисленное количество проектов, полезных для ведомств, но неэффективных с точки зрения общества. А строители тех неэффективных объектов несут в магазины честно заработанные рубли. Они, как все, хотят приобрести товары, но откуда же взяться товарам, если сами они сооружают такие объекты, которые их не дадут?

XIX партконференция дополнила ранее принятые решения об экономической реформе решениями о реформе политической системы: «Больше демократии, больше социализма». Завершен важный этап научной работы партии, созданы лучшие условия для практической работы. Перестройка сделала уже очень много, но детальный и полный анализ опыта перестройки нам еще предстоит. Отказ от сталинской антиэкономики, от догматических установок и привычек не означает ни малейшего отхода от принципов социализма; напротив — **перемены в стране возвращают ее на путь социалистического развития, на ленинский путь.**

БРАТСТВО РЫЖИХ

Юрий РОСТ

Даже на черно-белой фотографии видно, что все четыре брата рыжие. И, не общаясь с ними, ясно, что поведение у них — примерно. Примерно.., как у Гекльберри Финна и вождя краснокожих, вместе взятых. Правда, сейчас их умыли и приодели для красоты. Они эту самую красоту перетерпят. Что делать! А потом начнется...

Когда-то у меня были знакомые — братья Седменовы. Были они рыжие, как огонь, да еще и близнецы. Соревнования по плаванию тогда проходили в Матвеевском заливе. Прыгнет со старта один Седменов, доплывет до щита, и пока соперник поворачивает, поднырнет под него. Оттуда вынырнет другой, а под следующим щитом ждет третий брат. Так бы они, наверное, до олимпийских чемпионов дошли, если бы пловцы не перебрались в крытые бассейны с гладкими стенками и прозрачной водой.

Награды они делили на троих, а если кто из них нашкодит, наказывали того, кто оказывался под рукой, полагая, что они сами разберутся...

Я смотрю на конопатую четверку и думаю, что и здесь без системы не обойтись. Но этих хоть отличать легко, пока они стоят, изнывая от бездействия.

СВЕТОТЕНЬ

НОЧНЫЕ ГОЛОСА

РАССКАЗ

Николай ШМЕЛЕВ

А ллло! Ты?.. Прости. В самом деле, глупость сказала. Кто же еще может подойти, кроме тебя... Я тебя разбудила? Сколько сейчас? Три? Боже мой — три. Ну, не сердись. Не сердишься, да? Поговори со мной... О чем? Ни о чем. О чем получится... Да, вот что я хотела спросить: почему ты ушел так рано? Не сказал ничего, не попрощался... Заснула? Ну и что? Разбудил бы... У тебя утром лекция? Да, ты говорил. Прости, забыла... Пьяна? Нет, что ты, я не пьяна. Твой коньяк как стоял на столе, так и стоит, я его не трогала. Глоток только глотнула, во рту было нехорошо, а больше не пила. Проснулась — тебя нет. Я сначала даже испугалась: подумала, ты обиделся на что-нибудь, а я не помню, на что. Я вчера плохо вела себя? Шумела? С другими танцевала? Да? Но ты же не ревнивый. Ты у меня совсем не ревнивый. Даже обидно иногда... Сережа, я ведь не дрянь, правда? Я только тебя люблю. А больше никого не люблю... Прости, я знаю, ты этих слов не любишь. Я тебя, наверное, за то и люблю, что ты не любишь слов. Слова-то все затерты, это правда... Но ты их все равно говори мне иногда, женщина совсем без слов не может... Любишь? Правда? Ну, вот, мне опять хорошо. А то... Проснулась, думаю: все не то, не то! Господи, как же все не то! Один ты — то. А тебя нет... Да ладно, не обращай на меня внимания! Баба я — баба и есть. Я же понимаю: лекция, студенты, ассистенты... Во сколько ты ушел? В двенадцать? Это значит, я спала всего три часа? Надо же... Сережа, прости, можно я еще один глоток сделаю? Меня колотит, сама не знаю, почему. Можно? Сейчас. Я только до стола дотянусь. Слушай, а знаешь, под конец я вчера все-таки не удержалась — врезала этому типу. От души врезала, все ему высказала, у него даже челюсть отвисла... Кому? Как кому? Ты что, не помнишь? Ну, за соседним столом сидел, он все меня танцевать приглашал — Виталька Тепляков, фельетонист, с ним еще этот реставратор был, известный, говорят, богатый человек, на иконах большие деньги зарабатывает. И еще третий с ними был — не то лошадник, не то фарцовщик, ну, неважно кто, мошенник, одним словом. Виталька мне говорит: поедем, брось ты его, чего ты с ним связалась. Боже мой, Сереженька, ну зачем я это тебе говорю? Я же знаю, с тобой нельзя так. Ты не думай, это я не для того, чтобы тебя подразнить. Я дура: несу черт знает что, а потом сама же жалею, плачу... Хочешь, я у тебя раз навсегда за все прощения попрошу? На коленях попрошу?.. За что? Ни за что. За то, что я и тебя, и себя мучаю... Сережа, ты мне веришь? Веришь? Честное слово, я тебе ни разу не изменила. И не изменю. Только ты не бросай меня. Я без тебя пропаду... Сколько мы с тобой уже прожили? Полгода? Господи, а кажется — полжизни... Знаешь, девчонки наши в доме моделей мне в открытую завидуют: ишь, профессора себе нашла. А я тебя не нашла. Ты сам нашелся. Помнишь, ведь и ты про меня сначала ничего не знал, не знал, что я манекенщица. Помнишь, тогда в театре, в антракте, я еще была с Милкой Разумовской... У, шкура продажная! Ненавижу... ты у автомата стоял, а я у тебя двушку попросила. Ты покраснел, растерялся, и лицо у тебя стало такое, я думала — сейчас убежишь. А потом ты стал ходить на все наши сеансы. Я помню, ты всегда во втором ряду садился, я иду по «языку» и всегда первым делом тебя глазами отыскиваю: здесь ты? Здесь? Ну, значит, все будет хорошо... Сережа, меня теперь целиком на вечерние платья переводят, открытые... Правда ведь, у меня красивые плечи, да? И грудь?.. Не споришь? Ну, хорошо, что хоть с этим не споришь... А с чем еще? Не знаю. Мне все время кажется, что ты со мной все о чем-то споришь, споришь. Только вот о чем, и сама не знаю... Начальница велит теперь гладкую прическу носить: говорят, так я совсем дама. Ну, леди, понимаешь? Я как-то Милкины колье и серьги надела, бриллианты, ей любовник подарил, какой-то директор из кожгалантереи. А здорово мне шло, если бы ты только видел! Сразу и спина прямее стала, и пошла я как-то по-другому, уверенно пошла, будто кто передо мной ковровую дорожку катил, а я шла... Это ничего, что я такие высокие каблуки ношу, десять сантиметров? Когда я на них, мы с тобой вровень ростом. Ничего? А то я иногда думала, может, тебе неприятно... Сережа, милый, может, приедешь, а?.. Когда? Сейчас. Я ужасно хочу тебя видеть. Сейчас хочу. Ну, приезжай, что тебе стоит? Возьми такси и приезжай. Я кофе сварю, коньяк есть... Лекция? Ох, как я иногда ненавижу все эти твои лекции. Студенты, ассистенты, какие-то книжки, черт бы их побрал! Ну, при чем тут они, скажи мне, при чем? Разве в них дело? Ведь ты же мой. Мой! Что они все хотят от тебя? Что им нужно?.. Уехать бы нам с тобой куда-нибудь к черту на рога, и чтобы никого вокруг не было, ни души, только ты и я, я бы целовала тебя, гладила. Поедем, а, Сережа?.. Куда? Да куда хочешь. Поедем к морю? Комнату снимем, прямо на берегу, чтобы и не одеваться, а так, в купальниках, и ходить. Представляешь? Целый день в купальниках, солнце, песок, и никого знакомых вокруг, лежали бы целый день. Хочешь читать свои книжки? Читай, ради бога, я бы не мешала тебе, голову только положила бы тебе на живот и глаза закрыла. Поедем?.. Ты мне обещаешь? В каникулы? А это сколько ждать?.. Два месяца? Господи — два месяца, это сколько ж еще ждать... Сережа, женись на мне, а? Чем мы с тобой не пара? Я красивая, ты умный. Представляешь, как бы на нас вместе смотрели? Познакомьтесь: мой муж, университетский профессор, тридцать три года. А я? Я его жена. И еще его личный секретарь. Правда, Сережа, возьми меня личным секретарем, а? Я на машинке печатать умею, и я не бестолковая, ты же знаешь. Я бы все твои дела в порядок привела, а то ты задыхаешься... из-под бумаг выбраться не можешь, я же вижу... Ты мне как-то сказал, что я слишком красива. Но красивая — это ж не обязательно дура? А, профессор? В каких таких книжках ты это вычитал?.. Ты так не считаешь? Правда, нет? Господи, спасибо тебе, хороший мой. А то я иногда совсем крылышки вниз... Сережа, а я знаю, почему ты на мне не женишься. Я напиваюсь иногда, могу до утра прогулять, со мной трудно, да? Но я изменюсь, честное слово, изменюсь. Мне ведь это все не нужно, это все просто так, от скуки, ты же знаешь... Сережа, я тебя люблю, я буду такой, какой ты скажешь, ты даже не знаешь, какой я могу быть. Все эти студентки твои — что они знают? Что они видели, вертихвостки? Для них ты видный мужик, с положением — и больше ничего. Перед девками похвастаться, в люди куда-нибудь с тобой выйти. Я знаю, сама такая была. А для меня ты — все... Да нет, я знаю, что ты не бабник. Но у вас там столько этих красоток — того и гляди, вцепится какая-нибудь... Сережа, меня тоска замучила. Иногда прямо выть хочется: лезет всякая сволочь, пристают, за руки хватают. Ну и что, что у меня любовники были? А у кого их не было? Мне ведь двадцать шесть, я не ребенок. Ты-то умный, ты меня знаешь, и тебе на все это наплевать, а другие не знают, думают: манекенщица?! Значит, общая. А я не общая! Я твоя и ничья больше не буду... Ненавижу! Ух, как я их всех ненавижу... Сережа, приезжай. Приезжай, хороший мой — ну, хоть на час, а?.. Нет. Не надо. Не приезжай — не слушай меня, дуру. Я сама, если приедешь, проклинать себя буду завтра... Сережа, меня все время колотит, прямо зуб на зуб не попадает. И плед не спасает. Что со мной, не знаешь? Можно, я еще глоток выпью? Последний, честное слово, последний. Ты не думай, потом накапаю себе валерьянки и лягу спать... Подожди. Поговори со мной еще немного... Сережа, хочешь, я тебе признаюсь? Только ты пойми меня, не подумай чего плохого... Мне иногда до слез жалко этого аборта. Прямо до слез. И как я тогда влипла? Дура пьяная... Сережа, не спи со мной больше никогда, когда я пьяна, обещаешь? Привезешь меня домой и уходи, даже если я цепляться буду, просить тебя. Ну, дай мне в крайнем случае подзатыльник, когда я просплюсь, пойму... А представляешь? Была бы я сейчас с пузом, ты бы мне цветы дарил, ходил бы со мной везде — я же тебя знаю, ты ведь только вид делаешь, что ты такой серьезный, а на самом-то деле ты весь в соплях, еще хуже меня... Нет, ты не прав, я, наверное, была бы неплохая мать, я знаю... Сережа, я никогда тебе не рассказывала? Ведь когда мы с тобой встретились, за мной один драматург ухаживал, замуж звал, богатый. Как бульдог: важный такой, весь в медалях, ступает тяжело, медленно. Он известный драматург, только я тебе его фамилии не скажу, не сердись... А, сам знаешь? Откуда? Впрочем, какая разница откуда. Все мы в Москве, как черти хвостами, переплелись. Старый? Ну, не такой уж старый. Сережа, ну что я несу?! Какой драматург? При чем тут этот старый козел? Я тебя люблю! Тебя! Милый мой, ну, хочешь, я к тебе приеду? Вот накину сейчас пальто — и приеду... Ну, пожалуйста, разреши. Я только посмотрю на тебя — и назад... Прости меня, я больше не буду, совсем голову потеряла. Мне нельзя с тобой по ночам разговаривать, ночью все так страшно... Хочешь, я тебе новый анекдот расскажу? Забавный! Слушай. Качается на рейде большой белый пароход. Вдруг, откуда ни возьмись, крохотный буксирчик — черненький, грязненький, дым из трубы: чух-чух-чух...

— Эй, на судне! Хлебушка нет?

— Д-да па-шел ты...

— По-ол-лный вперед!

Не смешно? А мне почему-то смешно... Представляешь? Белый, пузатый, важный, а этот черненький, махонький: хлебушка нет? Нет? Ну, и пес с вами! Полный вперед, шуруй машина!.. Мне иногда тоже хочется так: вперед — и прямо! По лужам, на шпиль-

ках, чтоб брызги в разные стороны!.. А, так и хожу? Ну вот, видишь... Сережа, во сколько у тебя завтра лекция? В девять? К одиннадцати кончится? Вот хорошо! Слушай, а давай в одиннадцать встретимся у «Националя» и позавтракаем вдвоем? Тебе же от МГУ два шага. Только пойдем на второй этаж, там в это время еще пусто. Сядем у большого стекла и будем смотреть вниз, на Манеж. Люди внизу куда-то спешат, суетятся. А мы с тобой за белой скатертью, и в зале пусто. И шампанское возьмем. И долго будем сидеть, долго, чтоб никто не подсаживался. Хорошо, а? Достанешь денег? Если нет, не беспокойся, я достану. Бедный мой, я, наверное, уже все спустила с тебя, ведь это ужас просто, сколько мы с тобой тратим! Когда я выйду за тебя замуж, я ни за что не позволю тебе столько тратить на женщин. Мы не будем никуда ходить, будем сидеть дома и копить деньги. Впрочем, нет. Не будем копить. Ты на это не годишься. Ну, а про меня и говорить нечего. И в кого я такая шальная? Мама была тихая, отец тихий... Сережа, а может, я все-таки приеду?.. Не надо? Ну, не надо. Правда, так будет лучше... Спи. До завтра. Я тебя люблю...

* * *

Алло! Сергей? Здравствуй! Узнал? А я, признаться, боялась, не узнаешь... Тебе можно со мной разговаривать? Ворчать не будут?.. А ты скажи, что я безобидная, уж меня-то ей бояться нечего... Она все воюет со мной? Зря. Я теперь так — дым, воспоминание. Меня и не было-то никогда на самом деле... Я разбудила тебя?.. Ну, конечно, как всегда. Три часа ночи, профессор спит, завтра лекция. Нужна свежая голова, иначе аплодисментов не будет, а мы привыкли к ним, нам без них нельзя... Прости, не хотела тебя обидеть. Просто я, наверное, злая стала. Старею, замуж никто не берет. Иногда сама себя ловлю: ну, чего я злобствую? Чего?.. Пьяна? Конечно, пьяна. Разве трезвая я решилась бы тебе позвонить?.. Где гуляли? А черт его знает, где. Не помню. Люстра была какая-то огромная, и все рыла кругом, рыла... Как твоя дочка? Мне кто-то говорил, у тебя чудесная дочь. Сколько ей?.. Пять? А тебе, наверное, уже сорок?.. Господи, как время летит! Ты тоже постарел, профессор. Я тебя с месяц назад в театре видела, ты-то меня не видел, а я тебя видела. Ты был с женой? Она хорошо одевается, это я профессионально говорю, можешь ей передать. Небось, фыркнет. Но в душе-то будет рада, я знаю, все они такие... Сережа, милый, прости. Можешь секундочку подождать? Фары по стеклу полохнули. Это Виталька Тепляков, больше некому, его манера. Он всегда так — как напьется, так ко мне. Говорят, его жена бьет... Подожди секундочку, я и бра погашу, чтоб совсем темно было. Так и есть, его машина. Сейчас в окно стучать начнет. Я же на первом этаже живу. У меня теперь кооперативная квартира, в киношном доме. В подъезде одни звезды живут. Такое количество звезд — прямо выть хочется! Ненавижу! Все, как одна, шлюхи, а туда же... Версаль, Трианон... Ну чего стучишь, болван? Чего? Ведь ясно же, не открою. Тоже мне — разлетелся! Тут, можно сказать, единственная любовь, в первый раз за семь лет, а ты... Смотри-ка: уехал! Или вправду поверил, что меня нет, или не очень пьян был. Ох, какой он тут однажды скандал устроил! Весь дом поднял: «Выходи! С кем заперлась, так твою разэтак?! Открывай! Убью!» А я ни с кем и не была... У, как его иногда ненавижу, если бы ты только знал... Сережа, ну какая я дура! Ну, зачем я тебе это, зачем? Какое тебе до всего этого дело? Ты всегда такой чистенький, такой ученый. Прости... Ты по-прежнему в университете? Доволен? Впрочем, чего я спрашиваю, конечно же, доволен, тебя всегда студенты любили. Твоя жена — тоже, кажется, твоя студентка?.. Аспирантка? Какая разница... И как я все-таки, дура, тогда тебя прохлопала? Ума не приложу. В дыму все было, слишком, наверное, любила тебя. Э, да что теперь вспоминать... Ты-то как? Счастлив?.. Не знаешь? Как же так — не знаешь? А я думала, что ты единственный счастливый, кого я знаю... Милку Разумовскую помнишь? В сумасшедшем доме, третий год пошел. Вот уж, казалось, кремень баба, удавится — своего не упустит. А на поверку видишь, как вышло... Что я делаю? Да все то же. По «языку» больше не хожу, стара стала, в бедрах раздалась. Откуда-то чудовищная грудь выросла, сама не знаю, что с ней делать. Я теперь в конструкторском бюро, на меня новые тряпки примеряют. Модельеры что-нибудь придумают, ну, а потом: «Майя, повернись, Майя, вы неловко встали, Майечка, пожалуйста, шевельните задом, кажется, не очень удачно получилось»... Пробовала кино, ничего, конечно, из этого не вышло — так, ерунда, и говорить не о чем. Светских дам, сам знаешь, теперь не очень-то снимают, ну а на горничных я не тяну, для этого высшее образование нужно, у меня его нет... Замуж? А как ты думаешь, профессор, после тебя легко выйти замуж? Ты об этом никогда не думал?.. Нет? Да после тебя ни лечь ни с кем, ни говорить ни с кем не хочется — все убожество, все дерьмо! Останови меня, а то я сейчас материться начну... Был один мозгляк, год целый промучилась с ним, все меня жить учил. Не представляешь, какая сволочь! Он, видите ли, осчастливил меня, он, видите ли, знает, как надо, он, видите ли, руку помощи мне подал! А сам меня на трамвае из загса домой привез: дело, говорит, не в деньгах, дело — в принципе, новую жизнь начинать надо! Радовался, крыса несчастная, когда его начальником сделали, целых двух баб в подчинение дали... Сережа, прости. Все равно уж я тебе ночь испортила. Подожди секундочку. Я налью себе немного. Меня колотит, сама не знаю, почему. Где-то тут портвейн был, Виталька, подонок, в прошлый раз оставил... Ну, твое здоровье, милый. Ты-то хоть вспоминаешь меня иногда? Вспоминаешь?.. Ты что, с ума сошел? Да разве можно пьяной бабе такие слова говорить?! Я и так на ниточке вишу, сейчас разрыдаюсь, а ты мне... Не надо, милый, не надо. Замолчи. Сейчас же замолчи!.. Приедешь? Куда приедешь? Ко мне? Сейчас? И думать не смей! Никуда ты не приедешь... Почему? Непонятно, почему? Что с тобой, профессор? Ты ведь когда-то умный был?.. Приедешь? Значит, приедешь? А потом уедешь? А я потом вешайся, да? Нет, Сережа, было, и это уже было. Вены-то я уже себе вскрывала, хватит, знаю, что это такое. Да сама же, дура, и испугалась тогда, сама и «скорую» вызвала... Из-за чего? Думаешь, из-за тебя? Нет, Сережа, не из-за тебя. Во всяком случае, не только из-за тебя. Не знаю, в общем, из-за чего. Из-за всего... Пить перестать? А зачем? Можешь ты мне объяснить — зачем?.. Ах, здоровье? А кому оно нужно — мое здоровье?.. Тебе? Тебе нужно? Да ладно, Сережа, брось ты ерунду молоть. Уже кем-кем, а пошляком ты не был никогда... Делом заняться? Каким делом? Моим, что ли? Было, Сережа, было. И это было. Я когда квартиру себе строила, по двенадцать часов вкалывала, с утра до вечера, с сеанса на сеанс, из ателье в ателье, с ног валилась, высохла вся, как щепка. Ну, набила себе квартиру всем, чем хотела: мебель с вы-

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

ставки, ковер, ванну разноцветной плиткой обложила. А потом как-то проснулась ночью, думаю: зачем? Ради чего? Да пропади ты все пропадом! Ради чего надрываться-то? Чтобы этот подонок, Виталька, пришел и здесь разлегся? Не все ли равно ему, куда блевать — в голубой унитаз или в помойное ведро?.. Выгнать? Его выгнать? А зачем? Ну, выгоню его — другой будет, еще хуже. С этим-то мы хоть как-то притерлись друг к другу, сколько лет уже. Он хоть не злой, не жадный. Иногда мне его, обормота, даже больше, чем себя, жалко... Эх, Сережа, дело, дело... Какое дело?! Да разве это мне нужно?! Я баба, понимаешь? Баба! Мне бы рожать одного за одним... На мужика орать, кастрюльками греметь, по очередям мыкаться — это бабье счастье! И другого никто не выдумал. Куда меня, Сережа, занесло, куда? И как все так получилось? Можешь ты мне сказать? Да нет, ничего и ты не можешь. И никто не может... Прости... Вот не знала, что такая мука будет с тобой разговаривать. Думала, помурлычу, порадуюсь за тебя, старое чуть-чуть вспомним... Погоди-ка... Бутылка-то, оказывается, только начатая. А я в темноте и не поняла. Ну, живем! Теперь мне до утра хватит... Да перестань ты! Чего ты вмешиваешься не в свое дело? Я, может, в последний раз тебе звоню, может, я этот разговор потом годы буду помнить, вертеть его туда-сюда, голос твой вспоминать... Не надо? Лучше не надо? А о чем еще мне с тобой разговаривать? Хочешь, анекдот расскажу?.. Нет? Тогда о чем же? О том, как я тебя люблю? Так ты этих слов не любишь, я помню... А, теперь не так? Теперь по-другому? Теперь, оказывается, и слова стали нужны? Долго же тебе понадобилось, профессор... Дурак ты, Сережка, дурак. Женился бы тогда на мне, знаешь, как бы мы с тобой жили!.. Телефон? Какой? Мой телефон? Не надо, хороший мой. Я баба слабая, увижу тебя — ножки подкосятся. Лучше я сама тебе как-нибудь позвоню... Скоро позвоню, скоро... Спи, у тебя завтра лекция. Я тебя люблю...

* * *

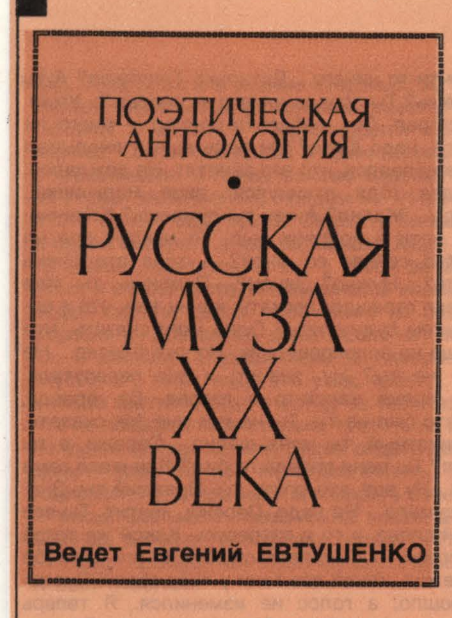
Простите, я могу попросить Сергея Александровича? Извините, что так поздно. То есть рано... Конечно, я все понимаю. Но это нужно... Хорошо, я подожду... Сергей? Здравствуй... Ну конечно, я. Сережа, поздравляю тебя с сорокапятилетием, желаю тебе всего, что ты хочешь, всего самого лучшего, чтобы все у тебя было хорошо, чтобы ты не болел... чтобы дочка у тебя выросла счастливая, умная... Помню? Я многое, Сережа, помню. Я все помню. Помню, например, что ты родился на рассвете, ты мне когда-то говорил... Хочешь, я тебе признаюсь? У меня план был: думаю, позвоню ночью, ведь не обматерят же меня в профессорской семье в конце-то концов, зато я первая тебя поздравляю. Еще с вечера вышла в магазин, потом уселась в кресло, сидела вот, ждала, пока светать начнет. В общем, праздную твой день рождения... Одна? Конечно, одна... К телефону подходила жена? Тебе можно со мной разговаривать?.. А ты унеси телефон в большую комнату... Унес? Вот и хорошо. Я ненадолго, поговорю с тобой чуть-чуть, и хватит. У тебя завтра лекция?.. Нет? Странно — как это нет?.. Просто реже стал читать?.. Кафедра?.. Слушай, слушай: я тут как-то книжку твою купила, толстую... Какую? Ну, эту, про восстание во Франции, XVIII век. Надо же, сколько написал! И хорошо написал, Сережа, даже я почти все поняла. Только одного не поняла, за что их жалеешь? Сначала они резали, потом их вешали — чего уж тут теорию разводить? Сами напросились... Да ты что, Сережа? Ты в самом деле серьезно? Не надо, милый, не трать силы. Нашел с кем про великие дела говорить. С годами все-таки поглупел немножко, профессор, да?.. Не без этого? Ну, вот как хорошо,— ты опять смеешься. А то я ляпнула и сама испугалась — вдруг ты трубку повесишь... Со мной что? Да ничего. И рассказывать-то нечего. Работаю теперь машинисткой в одной конторе, в основном беру работу на дом, так лучше, так хоть рожи эти поменьше видишь. Я стала совсем домоседкой, Сережа, не поверишь... Кха-кха-кха-кха!!.. Прости, закашлялась. Паршивые сигареты. «Дымок», черт бы их побрал. И кто мне их вчера в карман сунул?! Не помню. Наверное, этот дурак усатый, больше некому. Еще домой ко мне просился. Как же! Так я и пустила, держи карман. Господи, какие же все-таки мужики дураки... Наврала? Я тебе наврала?! Да я, Сережа, в жизни тебе ни одного лживого слова не сказала! С чего ты взял?.. Так это ж днем было, днем! А вечером я, знаешь, какой тут Версаль развела? Цветы на столе стоят, шампанское, платье на мне — ты бы поглядел! Только оно тесное стало, растолстела я, как корова, самой противно. И чего меня разносит? Не могу понять. Вроде и не ем почти-то ничего... Виталька Тепляков? А ты что, не знаешь? Ты правда ничего не знаешь?.. Умер. От водки сгорел. Два инфаркта подряд — много ли ему, бедняге, надо было? Он ведь еще и вкалывал дай бог, все надеялся, что его заметят. Не дождался. В сорок два года откинулся: двое мальчишек, жена — дура... Жалко? А как ты думаешь? Конечно, жалко. Он хоть и подонок был, но никому зла не сделал... Кто сейчас со мной? А тебе это очень нужно знать?.. Нужно? Зачем?.. Помнишь, ты еще когда-то меня стращал: дескать, кончу тем, что с водопроводчиком буду спать? Одно могу сказать, что пока это еще не водопроводчик. Но уже близко... Не ты? Разве не ты? Ну, значит, я все перепутала. Туман все время какой-то в голове. Да, правда, наверное, это был не ты. Ты не мог мне так сказать, ты же деликатный, ты меня любил... Сережа, а ты меня любил? Ты меня правда любил? Или я все сама выдумала?.. Ну вот, это опять ты. Прежний ты. Значит, не выдумала... Не надо, Сережа, хватит. Ты все же выбирай слова, а то я разревусь. Какой же тогда это будет праздник? Нареветься всласть я и без тебя могу... Сережка, какой все-таки у тебя голос! Сколько лет прошло, а голос не изменился. Я теперь понимаю, за что я тебя любила: за голос... Да нет, чепуху, конечно, говорю. Если бы только за голос... Больно ты не похож был на всю эту шушеру, что тогда вокруг нас колготилась. Милку Разумовскую помнишь?.. Помнишь? И ее уже нет. Так в сумасшедшем доме и умерла. Я ее хоронила. Одна. Представляешь? Надрывалась девка, надрывалась — а похоронить, оказалось, некому. Постояла над могилой, вспомнила, какая она была когда-то. «Я жду тебя, Робеспьер!» — помнишь, ты мне рассказывал? Не помнишь, конечно. Да не важно... Ну? Ну, говори, что ты мнешься? Кому-кому, а нам-то с тобой вроде бы не пристало церемонии разводить... Спиваюсь? Страшно?.. Нет, Сережа, не страшно... Да ладно, перестань ты... Майя, Майя... Что Майя? Была Майя! Что ты мне лекции читаешь, профессор? А где ты был двенадцать лет назад?.. Прости, Сереженька, не хотела тебя обидеть, не за этим позвонила. Думаешь, я сама не знаю, во что я превратилась? Да я теперь к зеркалу боюсь подходить — неужели это я? Эта толстая старая баба с оплывшими глазами — я, Майя? Ну, а что делать? Прикажешь удавиться?.. А помнишь, какая я была? Не было мужика, чтобы на меня не обернулся. А как мы с тобой дымили? И откуда только силы брались? Театр, ресторан, ночь до утра, наша ночь, а утром опять все по новой, опять дым, колесо, и так не день, не два — жизнь, вечность! Ты, профессор, был великолепный любовник, должна тебе признаться. Ни у кого из наших девок такого не было. Умный, щедрый, как принц, ласковый. Красивый даже, если хочешь знать. Я очень твои очки любила, ты это знал?.. Нет? Стеснялся их? Дурак... Брось, Сережа, все, что ты мне скажешь, я сама себе уже говорила тыщу раз... Слушай, что я за гадость пью? Кислятина какая-то, одно название, что шампанское. Где-то тут у меня была еще емкость. Подожди секундочку, я поднимусь, достану... Ну, вот, все в порядке... Ну что, друг ты мой единственный? Твое здоровье? Я тебя люблю, Сережа, до сих пор люблю. Да только теперь это уже не имеет никакого значения... Имеет? Ты думаешь, имеет? Может быть, и имеет, не знаю. Ничего я, Сережа, не знаю. Так ничего я в жизни и не поняла. Хоть бы ты мне, профессор, объяснил, как все так получилось... А, ладно. Все это ерунда, наплевать... Хочешь, я тебе новый анекдот расскажу? Слушай. Качается на рейде большой белый пароход. Вдруг, откуда ни возьмись, буксирчик, черненький, грязный, ободранный весь, краска облупилась, дым из трубы: чух-чух-чух...

— Эй, на судне! Хлебушка нет?

— Д-да пашел ты...

— По-ол-л-лный вперед!

Не смешно?.. Другие смеются. А мне почему-то тоже не смешно. Хлебушка, видите ли, ему надо! Тоже мне, разлетелся. Да па-шел ты!.. И зачем я тебе это рассказала? Сама не знаю... Сережа, а ты был ли на самом-то деле! Был? Или это все во сне было? Вдруг я проснусь, а тебя на самом-то деле и не было никогда?.. Приедешь? Ко мне приедешь? Когда?.. Завтра? А ты не боишься? Ты хоть представляешь себе, что ты увидишь?.. Без разницы? Ну, приезжай, раз без разницы. Пиши адрес... Правда, чего это я на самом-то деле? Ну, приедешь. Приедешь и уедешь. Что от этого изменится?.. Мне, Сережа, теперь все равно. Если бы ты только знал, как мне теперь все равно. Иногда одно только желание — сдохнуть бы поскорее, чтобы и следа от меня не осталось. Эх, не так все вышло, хороший мой, не так! Все не так... Спи. Утро уже. Воробьи вон, слышишь, как расчирикались. Спи...

Ольга БЕРГГОЛЬЦ
(1910—1975)

Окончив филфак ЛГУ, работала в комсомольских газетах. Была женой Бориса Корнилова. Когда в связи с его арестом ее, беременную, вызывали на допросы, ей выбили сапогами ребенка из живота. Несмотря на свою личную трагедию, Берггольц нашла в себе мужество стать радиоглашатаем осажденного фашистами Ленинграда, призывая к мужеству измученных, голодающих сограждан. Родина для Берггольц не абстракция, а Дарья Власьевна, соседка по квартире. Бессмертные слова «Никто не забыт, ничто не забыто», сказанные Ольгой Берггольц, относятся, для меня, не только к Великой Отечественной, но и к другой, подлой войне против собственного народа, выбивавшей детей из животов и веру в прижизненную справедливость. Для многих справедливость оказалась действительно только посмертной. После XX съезда наконец-то вышли многие стихи Берггольц о ее личной трагедии и о трагедии всего народа, но кое-что напечатали только посмертно. Уважая гражданское имя Берггольц, я тем не менее относился к ее мастерству снисходительно, замечая небрежную рифмовку, затянутость неудачных крупных произведений. Однако, перечитав при составлении этой антологии все наследие Берггольц, я был неожиданно для себя поражен тем, как много стихов я в результате выбрал. В «Огоньке» печатается лишь третья часть из них, а все остальное войдет в антологию, готовящуюся издательством «Книга». Берггольц выдержала испытание и как гражданский поэт, и как лирик, а это удел только крупных личностей. В одном из своих стихов я написал так: «У Победы лицо настрадавшейся Ольги Федоровны Берггольц».

БОРИСУ КОРНИЛОВУ

...И все не так, и ты теперь иная,
поешь другое, плачешь о другом...
Б. Корнилов

1.

О да, я иная, совсем уж иная!
Как быстро кончается жизнь...
Я так постарела, что ты не узнаешь.
А может, узнаешь? Скажи!
Не стану прощенья просить я,
ни клятвы —
напрасной — не стану давать.
Но если — я верю — вернешься
обратно,
но если сумеешь узнать,—
давай о взаимных обидах забудем,
побродим, как раньше, вдвоем,—
и плакать, и плакать, и плакать
мы будем,
мы знаем с тобою — о чем.

1939

2.

Перебирая в памяти былое,
я вспомню песни первые свои:
«Звезда горит над розовой Невою,
заставские бормочут соловьи...»

...Но годы шли все горестней и
слаще,
земля необозримая кругом.
Теперь — ты прав,
мой первый и пропащий,—
пою другое,
плачу о другом...
А юные девчонки и мальчишки,
они — о том же: сумерки, Нева...
И та же нега в этих песнях дышит,
и молодость по-прежнему права.

1940

РАЗГОВОР С СОСЕДКОЙ

Дарья Власьевна, соседка
по квартире,
сядем, побеседуем вдвоем.
Знаешь, будем говорить о мире,
о желанном мире, о своем.

Вот мы прожили почти полгода,
полтораста суток длится бой.
Тяжелы страдания народа:
наши, Дарья Власьевна, с тобой.

О, ночное воющее небо,
дрожь земли, обвал невдалеке,
бедный ленинградский
ломтик хлеба —
он почти не весит на руке...

Для того чтоб жить в кольце
блокады,
ежедневно смертный слышать
свист,—
сколько силы нам, соседка, надо,
сколько ненависти и любви...

Столько, что минутами в смятенье
ты сама себя не узнаешь:
«Вынесу ли? Хватит ли терпенья?»
«Вынесешь, дотерпишь, доживешь».

Дарья Власьевна, еще немного,
день придет — над нашей головой
пролетит последняя тревога
и последний прозвучит отбой.

И какой далекой, давней-давней
нам с тобой покажется война
в миг, когда толкнем рукою
ставни,
сдернем шторы черные с окна.

Пусть жилище светится и дышит,
полнится покоем и весной...
Плачьте тише, смейтесь тише,
тише,
будем наслаждаться тишиной.

Будем свежий хлеб ломать руками,
темно-золотистый и ржаной.
Медленными, крупными глотками
будем пить румяное вино.

А тебе — да ведь тебе ж поставят
памятник на площади большой.
Нержавеющей, бессмертной сталью
облик твой запечатлят простой.

Вот такой же: исхудавшей, смелой,
в наскоро повязанном платке,
вот такой, когда под артобстрелом
ты идешь с кошелкою в руке.

Дарья Власьевна, твоею силой
будет вся земля обновлена.
Этой силе имя есть — Россия.
Стой же и мужайся, как она!

5 дек. 1941 г.

ИЗМЕНА

Не наяву, но во сне, во сне
я увидала тебя: ты жив.
Ты вынес все и пришел ко мне,
пересек последние рубежи.

Ты был землею уже, золой,
славой и казнью моею был.
Но, смерти назло
и жизни назло,
ты встал из тысяч
своих могил.

Ты шел сквозь битвы, Майданек,
ад,
сквозь печи, пьяные от огня,
сквозь смерть свою ты шел
в Ленинград,
дошел, потому что любил меня.

Ты дом нашел мой, а я живу
не в нашем доме теперь, в другом,
и новый муж у меня — наяву...
О, как ты не догадался о нем?!

Хозяином переступил порог,
гордым и радостным встал, любя.
А я бормочу: «Да воскреснет бог»,
а я закрещиваю тебя
крестом неверующих, крестом
отчаянья, где не видать ни зги,
которым закрещен был каждый дом
в ту зиму, в ту зиму,
как ты погиб...

О друг,— прости мне невольный
стон:
давно не знаю, где явь,
где сон...

1946

* * *

Я никогда не напишу такого.
В той потрясенной, вещей немоте
ко мне тогда само являлось слово
в нагой и неподкупной чистоте.

Уже готов позорить нашу славу,
уже готов на мертвых клеветать
герой прописки
и стандартных справок...
Но на асфальте нашем —
след кровавый,
не вышаркать его, не затоптать...

1946

* * *

О, не оглядывайтесь назад,
на этот лед,
на эту тьму;
там жадно ждет вас
чей-то взгляд,
не сможете вы не ответить ему.

Вот я оглянулась сегодня... Вдруг
вижу: глядит на меня изо льда
живыми глазами живой мой друг,
единственный мой — навсегда,
навсегда.

А я и не знала, что это так.
Я думала, что дышу иным.
Но, казнь моя, радость моя,
мечта,
жива я только под взглядом твоим!

Я только ему еще верна,
я только этим еще права:
для всех живущих — его жена,
для нас с тобою — твоя вдова.

1947

СТИХИ О ЛЮБВИ

* * *

Взял неласковую, угрюмую,
с бредом каторжным,
с темной думою,
с незажившей тоскою вдовьей,
с непрошедшей старой любовью,
не на радость взял за себя,
не по воле взял, а любя.

* * *

Ни до серебряной и ни до золотой,
всем ясно, я не доживу с тобой.
Зато у нас железная была —
по кромке смерти на войне прошла.
Всем золотым ее не уступлю:
все так же, как в железную,
люблю...

1949

К ПЕСНЕ

Очнись, как хочешь,
но очнись во мне,—
в холодной, онемевшей глубине.

Я не мечтаю — вымолить слова.
Но дай мне знак, что ты еще жива.

Я не прошу надолго,— хоть на миг.
Хотя б не стих, а только вздох
и крик.

Хотя бы шепот только или стон.
Хотя б цепей твоих негромкий звон.
1951

В СТАЛИНГРАДЕ

Здесь даже давний пепел так горяч,
что опалит — вдохни,
припомни,
тронь ли...
Но ты, ступая по нему, не плачь
и перед пеплом будущим
не дрогни...

1952

* * *

А я вам говорю, что нет
напрасно прожитых мной лет,
ненужно пройденных путей,
впустую слышанных вестей.
Нет невоспринятых миров,
нет мимо розданных даров,
любви напрасной тоже нет,
любви обманутой, больной,—
ее нетленно-чистый свет
всегда во мне,
всегда со мной.
И никогда не поздно снова
начать всю жизнь,
начать весь путь,
и так, чтоб в прошлом бы —
ни слова,
ни стона бы не зачеркнуть.

1952, 1960

ОТКРЫТЫЕ ДВЕРИ АМЕРИКИ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ, специальный корреспондент «Огонька», фото автора

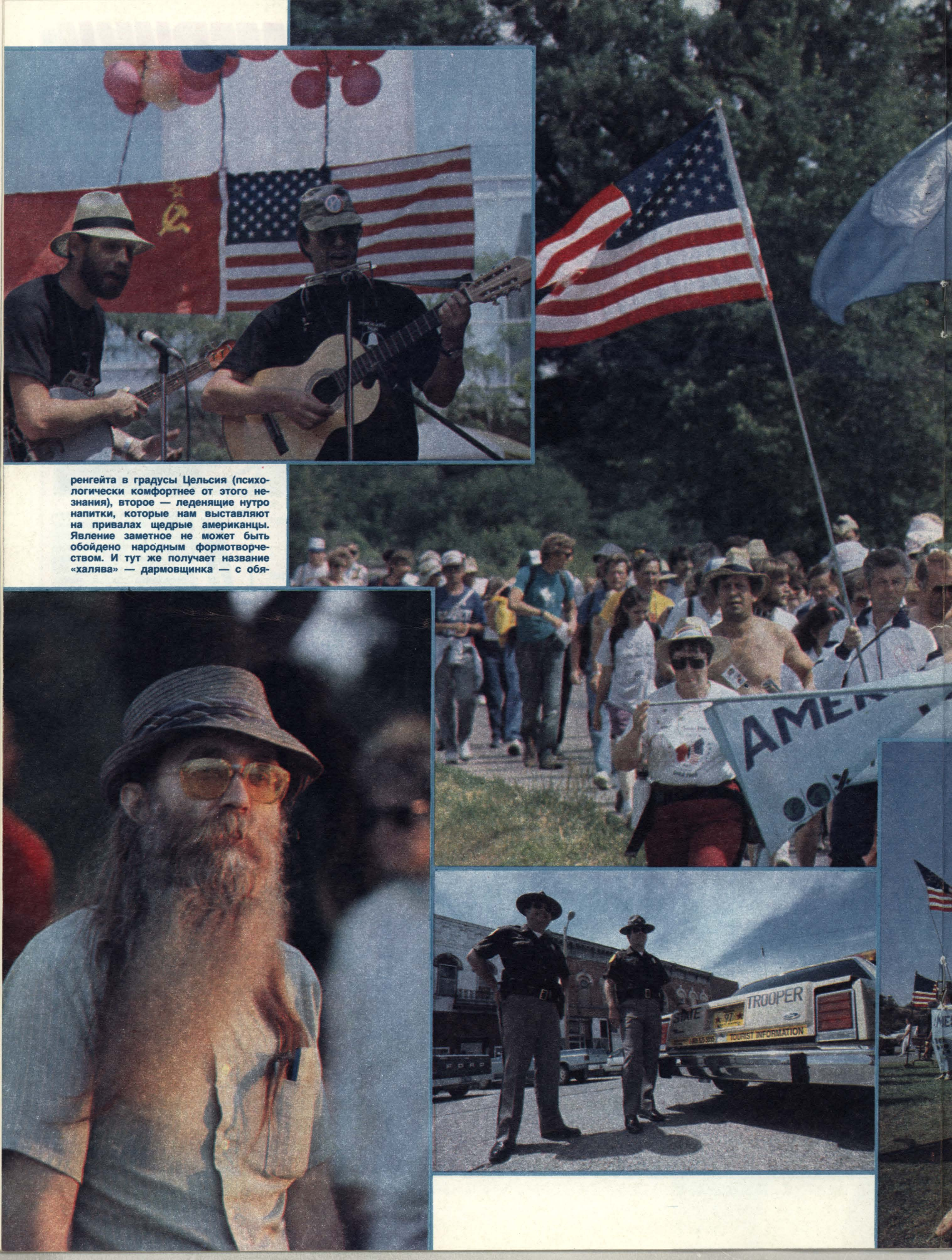
Никогда прежде у американцев не было возможности рассмотреть вблизи такое количество — 220 советских людей — в самых будничных обстоятельствах, и никогда у нас не было столь широкого права видеть Америку изнутри...

Жара... Сумасшедшая стоит жара. Наша кожа трещит от солнца. Обожженная, потертая, задубевшая до ременной прочности. Двадцать четыре часа на воздухе, из которых 17—18 на солнце,— это что-то значит... Спасают от жары две вещи. Первая: незнание точности перевода шкалы Фа-

ТЫСЯЧИ МИЛЬ ОТ ВАШИНГТОНА ДО САН-ФРАНЦИСКО БЫЛИ ПРЕОДОЛЕНЫ ЗА ТРИДЦАТЬ ДВА ДНЯ ПЕШКОМ, НА АВТОБУСАХ, НА САМОЛЕТАХ. МАРШРУТ ПЕРЕСЕК СТРАНУ ОТ ОКЕАНА ДО ОКЕАНА. ЭТОТ ГИГАНТСКИЙ БРОСОК, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ ЗАЩИТЫ МИРА СОВМЕСТНО С АМЕРИКАНСКИМИ ДРУЗЬЯМИ — АНТИВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ «МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАРШ МИРА»,— ЯВЛЕНИЕ НОВОЕ.

ренгейта в градусы Цельсия (психологически комфортнее от этого незнания), второе — леденящие нутро напитки, которые нам выставляют на привалах щедрые американцы. Явление заметное не может быть обойдено народным формотворчеством. И тут же получает название «халява» — дармовщинка — с обя-

зательным добавлением (учитывая специфику страны) смягчающего «плиз». Сочетание этих двух слов, произнесенных кем-то даже негромко, производит на участников движения то же действие, что звук трубы на боевых коней... Вольная жизнь под солнцем на травке хочешь не хочешь сближает нас с жизнью наших братьев меньших. Попить, укрыться в прохладу — это делается инстинктивно.

У столика Лори Граф — худенькой (как большинство уважающих себя американок), в меру строгой (как большинство вполне эмансипированных женщин) и безмерно обаятельной (как все привлекательные дамы) — уже черной змейкой вьется очередь. Это не походники (таким немножко неуклюжим словом зовут нас — участников похода), это американцы. Они терпеливо выстаивают минуты (бывает, и часы), чтобы заполучить в свой дом гостя. Наконец, Лори записывает и нас в чей-то дом.

...Вскоре машина тормозит у невы-

Мили, города, люди, знакомства — сотни, тысячи встреч. Приветственные речи и добрые пожелания, вопросы. Ну и, конечно,— музыка, песни, танцы... Так на протяжении всего пути по Америке — от океана до океана...

IPW
STAFF

сокой виллы. Праздничный стол накрыт хрустящей скатертью. Но вот ужин закончен, а сбор гостей, кажется, только начинается: подходят соседи, знакомые, знакомые знакомых. За одной из дверей в кухне скрывается широкая лестница, ведущая вниз. Там нижний этаж дома. За пятнадцать — двадцать минут обширная зала заполняется людьми. Сколько их уже собралось? Тридцать человек, пятьдесят? Гости идут и идут. В центре стола, украшенного многочисленными флажками, среди которых заметно выделяются флажок СССР и флажок США, огромный торт и снимок, вырезанный из свежего журнала: Горбачев и Рейган поднимают бокалы.

Это Америка-то неизвестна нам? — может спросить иной читатель. Ты что-то путаешь, дорогой журналист, скорее мы неизвестны Америке. Это о нас у них превратные представления! А уж мы-то их, слава богу, изучили! И образ жизни нам их известен, и хваленая демократия тоже. И не ты, журналист, первый, кто попадается на удочку красивого фасада! Ты забыл, сколько у них проблем? Забыл, где негров линчуют? А безработица? А СПИД? А постоянная угроза разорения? А стрессы? Да там же человек человеку — волк, а не товарищ и брат! И ты клюнул...

Каюсь, клюнул. Чуть-чуть, совсем чуть-чуть. Некритично подошел, не с диалектической позиции. Просто увидел, поговорил. Сделал (возможно, ошибочный) для себя вывод: Америка лучше того образа, который нам десятилетиями являла пропаганда.

Случилось так, что мы в этой семье остались и на второй день гостевания. Лагерь наш перебрался с одного берега Миссисипи на другой, но не ушел далеко от Ист-Молина — городка, в котором и обосновалась семья Джона Кинга.

Итак, знакомьтесь: Джон Кинг. Он простой чертежник. Точнее — чертежник-дизайнер. У него нет высшего образования, но большой опыт. Сейчас Джону 57, у него жена, двое дочерей. Карла еще живет с родителями, а Еланда, уже вышедшая замуж,— своим домом, своей семьей. Зарабатывает Джон 30 тысяч долларов в год, да 35 тысяч получает Шелва, работающая фармацевтом в аптеке.

Вам понравился дом? Да, дом неплохой. Его построил отец Шелвы двадцать лет назад. Расходы тогда составили 40 тысяч долларов. Теперь дом стóит, конечно, много дороже: тысяч сто или даже больше. Но Кинги за дом уже давно ничего не должны, всю ссуду выплатили в первые десять лет. Вас интересуют налоги? Кинг так говорит: до мая работаешь на дядю, остальное время — на себя. Из 65 тысяч годовых после всех выплат реальных денег остается 45 тысяч долларов. Деньги у родителей общие. У Карлы еще есть свои: на ее личном счету 6 тысяч долларов. Это ей на будущее. Возможно, на дом. Конечно, так не у всех. Есть люди, у которых глаза больше, чем живот. Они кладут на тарелку больше, чем в состоянии съесть. Один наш сотрудник, говорит Кинг, обзавелся домом ценой в 250 тысяч долларов. Сейчас он не в состоянии даже налоги платить. А стоит чуть ухудшиться его материальному положению — ему не свести концы с концами. Вот это и означает — жить не по возможностям... Нет, мы, конечно, не роскошествуем, но и не отказываем себе в самом необходимом. Понятно, одним автомобилем в доме не обойдешься. Купить его можно тысяч за 10—12. Вам понравился этот орга́н? Да, Карла неплохо играет. Она все-таки 10 лет училась. Ну, в общем, это не самая дешевая вещь — орган. 35 тысяч. Но знаете, это такое удовольствие, да и у Карлы — вторая профессия. Нет, нет, профессиональным музыкантом она быть не собирается. Ей математика нравится, физика. Поступит в университет: хочет работать в области космических исследований. А свои первые двести долларов она заработала, когда ей было четыре года,— играла на орга́не. Знаете, сейчас быть просто музыкантом не престижно — не те заработки. Хорошие деньги имеют только музыканты мирового класса. Но свои двести долларов за музыкальный вечер Карла будет иметь. У нее есть приглашения, и она может рассчитывать на них в дальнейшем...

В горах Западного побережья живет одинокая сельская учительница Джейн Лизем с четырехлетним сыном и собакой. Доход ее скромен — около 20 тысяч в год, как, впрочем, скромен и дом. Правда, этот дом в горах, на чистом воздухе. Дом, разумеется, со всеми коммунальными удобствами — горячей водой, канализацией, телефоном (пишу, и мне это перечисление кажется таким же странным, как если бы я писал, что в доме есть окна и двери). Понятно, в доме два или три туалета, каждый с душем или ванной, и площадь дома солидная. Но роскошью дом не подавляет. Не забит он хрусталем, коврами, не уставлен сплошь стеллажами с золочеными корешками книг. И в кухне нет посудомоечной машины. Зато в холодильник слона можно запихнуть, печка УВЧ, мойка, плита — ну, об этом лучше нашим хозяйкам не рассказывать... Дом прост — чистое дерево, воздух.

Из пятнадцати увиденных нами домов лишь два или три можно было назвать типично городскими — расположенными на привычных улицах, а не в благоухающих пригородах. В Филадельфии мы попали в такой квартал, оказавшись гостями школьного учителя Скотта Стикети и его жены — страхового агента Нан. Нет, этот городской район не был районом небоскребов. Стояли мрачноватые домишки, негры играли в мяч на площадке неподалеку. Не внушал доверия и автомобиль хозяина с поношенной обшивкой сидений и огромным ржавым пятном на капоте. Автомобиль был, правда, не так уж и мал: много меньше «Икаруса», но явно больше популярного у нас РАФа. Первая просьба была — принять душ! Нан гостеприимно ввела нас в дом. Мы поднялись по одной лестнице. По другой. «Вот ваша спальня. Вот ваш душ. А здесь остановится ваш приятель, а душ его будет этажом выше». «На крыше, что ли?» — не удержавшись, съязвил один из нас. «Нет, там еще этаж — четвертый».

Среди наших походников были люди опытные. Не напрямую, но намекали: надувательство, мол. Это «мидлкласс», а не какой-нибудь бродяга из-под моста. Но если этот мидлкласс — учителя и квалифицированные рабочие, если это мелкие чиновники и инженеры, если это фермеры и продавцы, то все они — лицо страны. И это не реклама, не надувательство, а факт.

Америка своим благополучием всегда нам колола глаза. Было выгодно, мягко говоря, сгущать краски тамошнего неблагополучия, дабы оправдать неблагополучие собственное. Не стану огульно охаивать всех своих коллег — журналистов. Но и не много смогу выделить имен тех, кто видел в качестве своей главной задачи не поиск несовершенств закордонного мира, но извлечение полезных уроков из опыта умелого хозяйствования и продуманной организации дела. Конечно, в Америке полно экономических проблем и неурядиц. Ясно и то, что держать высоко марку своей страны — это долг каждого патриота. Но смешивать понятия во имя престижа марки — занятие пустое...

В хлебосольной Айове мы долго шли по полям. Шли мимо фермеров, шли вместе с фермерами. Заглянули на одну из ферм. Тысяча свиней на откорме, а за год, говорят, их три тысячи проходит — а всего два работника. А у этих работников еще вдобавок и кукуруза, и соя — сотни акров!

Да, производительность труда в нашем сельском хозяйстве значительно ниже производительности труда в сельском хозяйстве США. Но речь не только о катастрофически низкой производительности труда на нашей ферме или на заводе, но и о чудовищно раздутом бюрократическом аппарате — великом пожирателе и великом тормозе.

В разговоре с одним преуспевающим дельцом (до тридцати лет был простым учителем, в тридцать стал предпринимателем) возник риторический вопрос о счастье. Что такое счастье? Это возможность заниматься любимым делом. Так ответил джентльмен, всем своим видом являющий символ полного благополучия. Если бы мне как фотографу было предложено снять человека — символ преуспеяния,— я бы сфотографировал именно его. Но ответы, подобные этому, мы получали от многих, которым задавали такой вопрос. Работа должна быть любимой. Если она любима — это счастье. Если она тебе безразлична, хотя ты и относишься к ней добросовестно, значит, ты человек, обездоленный в главном. Кажется, у Нагибина есть рассказ «Луковый суп». О Париже. Там, дескать, каждый настолько уважает свой труд, свое занятие, что даже чуть-чуть играет самого себя. Полицейский играет полицейского, официант — официанта. Даже проститутка — и та чуть играет, изображает проститутку... Так это не о Париже. Это об Америке! Точнее: и об Америке — тоже. Вот водитель нашего автобуса. Кто — шофер? Нет. Драйвер по-тамошнему. У него белоснежная, всегда свежая рубашка. Начищенные до блеска штиблеты. Отутюженные брюки. Он драйвер! Водитель! Вы видите, чего он достиг, видите, что ему доверено? Это вам не фунт изюму. А полицейские? Их вид, их мотоциклы, их машины безупречны настолько, насколько это только можно представить. Кажется, пылинка даже не посмеет на них сесть. Не великаны, не под два метра ростом. Но любой — это олицетворение власти. Кстати, если бы нас в отдельных городах не сопровождали полицейские, обеспечивая безопасность нашего движения, я бы не имел случая их увидеть вообще. Ни в одном городе, ни на одной дороге, ни в одном учреждении мне не попался бдительный страж порядка, бесцельно проминающий асфальт или караулящий входные двери.

Не мое наблюдение — многих: есть страны, где на работе принято работать. Работать, даже если делать нечего. Делать нечего, по моим представлениям, в большинстве магазинов. Нет, совсем не потому, что товаров не завезли, а как раз потому, что товары успели завезти абсолютно во все лавки. Ну, естественно, покупателей на все лавки сразу не хватает. Но ни владельцы, ни продавцы магазинов не впадают в черную меланхолию, не устраивают «забеседки» с чаями часа на три-четыре где-нибудь в подсобке. Может, и подсобки у них нет. А может, просто нет лишних ставок для собеседников?

Среднего размера автомобильный магазин. Машинами забиты холл, площадка перед магазином. Машины все разные. Но никто их не берет. Мы-то соображаем: не берут, значит, рекламный образец. А то так бы они и стояли!.. Ну, рекламный не рекламный, а действительно — ни очереди никакой, ни вздувшихся жил на шеях покупателей: «Мне бы вон ту, беленькую, у которой легкая царапинка на крыле!» А продавцы ходят. Может, и не все они продавцы, может, и начальники даже есть среди них. Но вот что странно: лето, а почему-то не все они в отпуске... Едва дверь перед нами раскрылась — те, которые не в отпуске, все к нам — вмиг, как говорится, обслужим! Мы же только загадочно ухмыльнулись. А Карла (да, наша старая знакомая Карла) тут же уселась за руль одной машины, потом другой. Все трогает, вертит, нажимает. Не понимает, дуреха, сейчас кто-нибудь это увидит, и тогда уж... Нет, все нормально, нам улыбаются — рады, мол, вам, заходите еще. Я не удержался от вопроса Шелве. «Чего, мол, они улыбаются, так рады нам? Ведь ясно, что не собираемся мы ничего покупать...» «Сегодня не собираетесь — завтра соберетесь. Мы завтрашние потенциальные покупатели. Как они могут об этом забыть?»

Ну вот, подходят мои заметки к концу, а я все гоню «позитив» (термин этот я узнал в походе. «Позитив» — это когда добрые слова об Америке). Грешен, перебрал по этой части. Но прошу снять часть вины с меня: описал то, что видел. Другого увидеть не удалось: краток, видимо, был срок. Краток, но спала с глаз часть пелены. Чтобы навсегда истаял образ врага в нашем представлении друг о друге, надо просто разглядеть друг друга, увидеть такими, какие мы есть. Надо быть готовыми к тому, что придется расстаться с частью предвзятых взглядов. Это трудно. Для этого нужно изгнать из себя недоверие к собственным глазам, собственным ушам. Глаза и уши, конечно, могут ошибаться. Но если верить не им, то чему же? Мы прошли по Америке. Зачем? Себя показать, людей посмотреть. Может быть, этого мало? Нет. Это очень и очень много. Если мы прикоснулись к лицу чужой страны и почувствовали, что оно привлекательно. Если американцы увидели нас такими, какие мы есть — без неискренности, без желания хитрить, без желания казаться,— это здорово. Значит, народная дипломатия сработала!

...Наши блокноты заполнились адресами. Это не просто строчки в блокноте: это конкретные люди, наши новые знакомые, друзья — наши соседи по планете, а не абстрактные «враги» из далекого и чуждого мира.

ВАШИНГТОН —
САН-ФРАНЦИСКО —
МОСКВА

Добровольные пожертвования в кассу похода.

В семье Джона Кинга.

Авто-взгляд.

Сказочный город — Диснейленд.

Наталья ИВАНОВА

ЕСЛИ ОБРАТИТЬСЯ К НАШЕМУ ВЕЧНОМУ КОНСУЛЬТАНТУ ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ ДАЛЮ, ТО СЛОВО «ПУБЛИЦИСТ» В ЕГО СЛОВАРЕ ПОЯСНИТСЯ ТАК: «ПИСАТЕЛЬ, БОЛЕЕ ГАЗЕТНЫЙ, ЖУРНАЛЬНЫЙ, ПО СОВРЕМЕННЫМ, ОБЩИМ ВОПРОСАМ, ПО НАРОДНОМУ ПРАВУ».

ОТ «ВРАГОВ НАРОДА» — К «ВРАГАМ НАЦИИ»?

Именно народным правом озабочена сегодня публицистика. Впрочем, слово «народ» нелегко обнаружить, скажем, в статьях Юрия Черниченко. Как правило, разговор им ведется чисто конкретный — о человеке, о его проблемах. Или — о картошке. Или — о комбайне. Отнюдь не о народе «вообще».

Обратимся к одной из последних «правдинских» его публикаций, напечатанной прямо перед открытием XIX партконференции,— «Анна на шее» (27 июня 1988 года). Речь здесь идет об Иване Рассохе (ставшем, кстати, одним из героев публицистической ленты «На путях перестройки») и о колхозном главбухе, соседке Ивана, Анне Иосифовне. Как прямо формулирует позицию сам автор, «в споре Рассохи с Анной Иосифовной держаться стороны действия, а не красивых речей».

Б. Пастернак, не единожды отлучаемый от народа официозными «критиками», присваивавшими право «клеймить» от лица народа, замечал: «Разве кто-нибудь из нас так туп и нескромен, чтобы сидеть и думать, с народом он или не с народом? Только такие фразеры и бесстыдники могут употреблять везде это страшное и большое слово».

ИВАН И АННА, ИЛИ КТО ВИНОВАТ?

Герой Юрия Черниченко — не народ «вообще», не нация «в принципе», а отдельный инициативный человек. Личность. Творческая личность. Антигерой Черниченко — не какие-то «темные силы» инородческого происхождения, с тайной разрушительной целью внедренные в русскую жизнь. Нет, главбух колхоза — своя в доску, «гарна жинка». «У Рассохи всей бухгалтерии — блокнотный листок: взял — сдал — причитается. У **нее** выход на Госбанк и право подписи, без ее воли ни один волос не упадет, монополия на знание всего законного и тайна касательно не очень законного. У **того** только вилы, трава да «Мартыны». Иван для бухгалтерии, что ни говори, все-таки нужен, а бухгалтерия Ивану — в диктаторско-учащем варианте — совсем нет.

Плетень между усадьбами стал разделять мировоззрения».

Но от конкретности современной Черниченко идет вглубь — в историю. Прекрасно он понимает, что для борьбы за Ивана, в поддержку ему необходимо сегодня четкое историческое знание. Как говорил Гриша Ребров в трифоновском «Долгом прощании»: «Моя почва — ...все то, чем Россия перестрадала». Близок этой заповеди и Черниченко. Поэтому от рассказа об Иване Рассохе и Анне Иосифовне он переходит к краткому, газетному, но анализу историческому, экспресс-анализу исторически сложившейся ситуации. И не только сталинщиной и ее последствиями озабочен публицист. Вот какой документ он приводит: «...Мною было приказано объявить обязательный засев полностью всей площади озимых полей боевой государственной задачей всех органов власти, особенно волостных и сельских, и губпродкомиссару лично вменено в обязанность 15 октября донести о выполнении приказа».

«27 октября 1920 года. Подписано: **Ленин.** Не веришь глазам, не принимает душа, но ведь в самом же деле: **Ленин!**»

Вот из какого исторического далека идет та проблема, которую до сих пор не может разрешить государство. Да, то было время военного коммунизма, да, переходили потом от продразверстки к продналогу,— но какой ценой достался нам потом откат на прежние позиции...

На конкретные факты — в том числе и исторические — опирается Черниченко в своей концепции, которая может быть сформулирована более чем кратко: не мешать крестьянину работать. На конкретных фактах строит свою историко-экономическую концепцию и В. Селюнин («Истоки» — «Новый мир» № 5, 1988).

Анализируя публицистику последних «застойных» лет, все тех же глубоко мною уважаемых авторов — Черниченко, Стреляного, Нежного и других,— я не могла не увидеть, что они, постоянно, видимо, сталкиваясь с трудностями прямого публицистического высказывания, стали постепенно переходить к чему-то среднему между публицистикой и беллетристикой. К беллетризованной публицистике. Растянутой, сюжетной, с длинным и малоубедительным психологическим портретированием... Как, однако, быстро все изменилось! Вернулись, слава тебе господи, к своему прямому делу. И как их нарасхват читают сегодня, как горячо обсуждают.

Итак, для понимания проблем современности производится необходимый исторический анализ — иначе диагноз будет поставлен неверно, только по внешним симптомам. Но начали эту нелегкую работу не публицисты, а прозаики. Именно они в период цветущего застоя работали над романами и повестями о недавнем нашем историческом прошлом. И их работа была тоже ответом на современность, тревожным поиском причин. И «копали» они очень глубоко: один только Юрий Трифонов для понимания истоков современного конформизма вел «раскопки» и в 30-х годах, и в 1919—1920-х, и в революции, и даже в 70—80-х годах прошлого века.

Безыллюзорно и ответственно исследовал историческую специфику крестьянского вопроса Федор Абрамов.

Не случайно все глубже и глубже спускался в шахту истории Василь Быков.

В фильме «Зеркало для героя» (Свердловская киностудия, режиссер В. Хотиненко) два наших с вами современника «попадают» в 1949 год. Такой фантастический сдвиг. И вот они на своей шкуре начинают познавать те времена. Да еще и времена-то словно заело, как пластинку: никак им не выбраться из одного дня. И только ценой колоссальных человеческих усилий время, словно нехотя, сдвигается с места...

Вот и мы все сегодня словно попали в те времена — большей частью благодаря прозе и кино,— чтобы осмыслить наше время, наши возможности.

Публицистика в этом движении сначала чуть запоздала — проза и кино вышли первыми. Но сегодня именно она, публицистика, активно занялась делом — фактами, документами, осознанием причинно-следственных связей. Именно этим и ценна сегодня ее работа. Так, в статье «Истоки» В. Селюнину удалось, на мой взгляд, вскрыть действительные корни многих сегодняшних бед нашей экономики. Могут сказать: ну и что? Вот у нас беды, да еще и корни; зачем нам все это, лучше скажите — как лечить?

В. Селюнин, публицист-экономист, не может не апеллировать к истории. Он не просто, скажем, указывает на «уникальный по численности и немощи аппарат» управления — он показывает, как этот аппарат исторически складывался. Он не только констатирует наши неудачи в сельском хозяйстве или в производстве средств потребления — он доискивается до Указов Ивана Грозного и Петра...

Селюнин легко предугадывает вопрос оппонентов, благо у них позиция давно отработанная: «Зачем ворошить былое? Ученые люди объясняют: это враги втягивают нас в дискуссию о прошлом, чтобы отвлечь. Враг, само собой, хитер, этого у него не отнимешь. Только как учиться у истории, если опять станем закрывать ее строчки пальчиком: это читайте, а вот этого никак нельзя? А главное, все ли из пережитого принадлежит истории?»

...Говоря «история», «белые пятна истории», мы в основном за прошедшие два года концентрировали свое внимание на Сталине и сталинизме. Это и понятно. Во-первых, структурные порождения сталинизма до сих пор не изменены — и в нашей экономической, и в нашей политической, общественной, гражданской жизни. До сих пор тайна, мраком покрытая, скажем, работа КГБ, неподконтрольная обществу. Полностью эта структура сложилась в эпоху сталинщины.

Но уже заслугой шестидесятых годов была выработка сознания, что просто фигурой Сталина здесь не обойтись. Что нужно добираться до истоков сталинизма.

ИНВАРИАНТ ИСТОРИИ?

Выше я уже говорила о «прорыве» в историю вопроса у Черниченко. Прежде чем вернуться к статье В. Селюнина, хочу обратить внимание читателя на, может быть, оставленное без внимания предисловие доктора философских наук И. Мочалова к публикации записей В. И. Вернадского («Новый мир» № 3, 1988). Вот на какие серьезные размышления навел его дневник Вернадского: «...в нашей, „домашней" истории в глаза бросается одно обстоятельство: начиная по крайней мере с эпохи петровских реформ, если не ранее, и до наших дней при всех больших или малых, прямых или косвенных, удачных или неудачных, глубинных или верхушечных, мирных или насильственных социальных преобразованиях просматривается общая закономерность: ни одно из этих преобразований не смогло не то что разрушить, но даже сколько-нибудь основательно расшатать некую социальную сверхструктуру, некую авторитарную, элитарно-бюрократическую по своей природе суперсистему, словно гигантским обручем стягивающую общество. На протяжении столетий Россия была лишена способности к самоорганизации и саморазвитию в силу полного или почти полного отсутствия эффективно функционирующей системы обратных связей, вследствие чего малоподвижное, консервативное «целое» буквально расплющивало «маленького человека». Прони-

кающая во все поры общества, эта суперсистема играла и играет роль своего рода инварианта российской истории...». Роль и задачу перестройки И. Мочалов как раз и видит в сокрушении этого инварианта.

Инвариант этот и подвергается всестороннему осмыслению В. Селюниным. При этом отношение публициста к истории и ее инварианту глубоко личностное — это так же свойственно для «Истоков», как и для черниченковских статей. И так же апеллирует он не к народу вообще, а к конкретной личности — к матери своей. Она — и адресат статьи («Правда, сынок, правда, так и было»), и судья, первый критик («тут для меня приговор»), и движущая сила истории («Ее поколение проволокло на себе по рытвинам и ухабам самое Историю...»), и ее жертва («...человек, венец творения, явил собою лишь материал, ресурс для социальных экспериментов, назем, напитавший почву под предполагаемое всеобщее благоденствие»), и вечная укоризна («как же так вышло?..»). Этот зачин статьи определяет истинную меру всего того, о чем пойдет речь,— судьбу человека, реальной личности, даже если и не втоптанной в грязь, не зацепленной кровавым колесом истории, но все равно пострадавшей. Слишком хорошо на себе самом в детстве В. Селюнин узнал цену высокомерным словам, произнесенным карточным шулером в горьковской пьесе (и неожиданно ставшим лозунгом государства: «Человек выше сытости»). «Такую дурь,— комментирует Селюнин,— мог сморозить тот, кто голода не знал».

Главная мысль, которую пытается разрешить Селюнин,— это мысль о труде рабском и труде свободном. Внеэкономическое принуждение крестьянства, пишет Селюнин, применялось в первые послереволюционные годы чрезвычайно широко. А еще до того, сразу после революции, с крестьянством велась самая настоящая война,— пора нам уже осмыслить, что сведение ее к противоборству красных и белых приблизительно. Главный удар пришелся по крестьянскому повстанческому движению. Несмотря на то, что в борьбе против помещика интересы крестьянства совпадали с интересами новой власти, после разгрома белой армии штыки были повернуты против крестьянства. Селюнин приводит и цитату из дореволюционных работ Ленина, обосновывающую такую политику, вызвавшую крестьянские войны («все взрослое мужское население — Тамбовской губернии.— **Н. И.**— ушло в армию Антонова»): «Мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации,— крестьянина вообще против помещика, а потом (и даже не потом, а в то же самое время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянина вообще» (т. 11, стр. 222). Селюнин показывает, как «инвариант» российской истории, покачнувшийся во время нэпа, опять возвращался на круги своя, только в еще более опасном и бесчеловечном виде. Но Селюнин не оставляет никаких иллюзий по поводу исторического происхождения сталинского плана развития экономики за счет разорения крестьянства, а также всей сталинской системы в принципе.

Уже 31 января 1918 года правительство Советской республики предписало «принять меры к увеличению числа мест заключений». Через небольшой отрезок времени, в 1919 году, были организованы первые концентрационные лагеря, в которых, по предложению Дзержинского, стали использовать труд заключенных — для решения «чисто хозяйственных задач». Троцкий же и вовсе предложил всю страну превратить в один концентрационный лагерь, и, несмотря на то, что нынешние историки уверяют, что IX съезд отклонил военно-бюрократическую линию Троцкого, обращение Селюнина к основной резолюции съезда доказывает, что в стране вводилась милиционная экономика. Революционные изменения произошли «сверху буквально в считанные месяцы». Но уже с 1923 года нэпу «противостояла грозная оппозиция», которая в конце концов и победила. А затем восторжествовала «классическая форма насилия — работа подконвойных», где заключенного использовали всего две недели, а затем отправляли догнивать в лагерь: «Ими освоены Колыма и Полярное Приуралье, Сибирь и Казахстан, воздвигнуты Норильск, Воркута, Магадан, построены каналы, проложены северные дороги — всего не перечислишь».

Селюнин ищет корни «военного коммунизма» в отечественной истории — начиная с XVI века, с эпохи столь любезного Сталину Ивана Грозного (на этом поворотном пункте нашей истории произошло огосударствление производительных сил, торможение капиталистического способа производства) и безусловно положительно оцениваемого, столь любезного сердцу многих наших соотечественников Петра. «Именно при Петре,— замечает Селюнин,— достигнута высшая точка огосударствления производительных сил». Петра Селюнин иронически называет «достойным продолжателем» дела царя Ивана. А аппарат надсмотрщиков, восемнадцатимиллионная армия которого сегодня сидит на шее у производителя, исторически формировался столетиями.

ПРОГУЛКА ПО АЛЛЕЯМ РИТОРИЧЕСКОГО САДА, ИЛИ КОЕ-ЧТО О ДУШЕПРИКАЗЧИКЕ

Чего не делает Селюнин — не употребляет всуе слова «народ», не вещает от лица народа.

В отличие от публицистов, ведущих конкретный разговор, прозаики, тоже ныне активно выступающие с публицистическими статьями, часто апеллируют именно к народу, говорят от лица народа. Так, В. Распутин в своем выступлении в «Правде» 24 июня 1988 года — «Знать себя патриотом» (в основу которого положена телевизионная передача) употребляет это слово много раз. «Патриотизм как сознание народа», «мы хотим поддержать у своего народа самоуважение», «гордость за свое происхождение в любом народе», «народ не может явиться случайно», «народ, который обрел память» — это отнюдь не полный перечень.

Второе понятие, к которому постоянно апеллирует Распутин,— это нация, подъем национального самосознания. Нельзя не согласиться с прозаиком, когда он с болью говорит об уничтожении сибирских лесов, обмелении рек и озер, потере драгоценных памятников культуры. Но от этой печальной констатации необходимо идти вглубь, доискиваться до настоящих причин происшедших — да еще и происходящих — драматических событий. Однако Распутин, желая того или нет, словно отделяет народ от полноты ответственности при ответе на поставленный вопрос «кто виноват?». По логике писателя получается, что уж никак не сам народ. «На свидание с прошлым своей Родины пойдут вслед за первыми тысячами миллионы и миллионы, и, прозревшие, наставленные национальной судьбой, они, очевидно, разберутся, что такое патриотизм»,— отвечает Распутин тем, кто считает употребление слова «патриот» по отношению к самому себе, от первого лица неловким. По Распутину, выходит, что и в экологических бедах, и в оскудении певческой культуры, фольклора виноват кто-то извне, а народ — только великий страдалец. Прежде всего хочу заметить, что в своем перечне драм и трагедий народа Распутин почему-то охотно говорит о потерях памятников или лесов — и ничего о миллионных потерях людей. Самого народа. Что же касается вопроса ответственности, то здесь от проблемы народа тоже не уйти. Ведь Распутин, я думаю, вряд ли хочет представить русский народ эдаким младенцем, навеки инфантильным существом, с которым делают что хотят (да и кто делает?).

В. Белов в статье, опубликованной в июньской книжке журнала «Новый мир», пытается дать ответ на вопрос «кто виноват?» следующей выпиской из «Занимательной зоологии»: «Появление жучка ломехуза в муравейнике нарушает все связи в этой дружной семье. Жучки поедают муравьев и откладывают свои яйца в муравьиные куколки. Личинки жука очень прожорливы и поедают "муравьиные яйца", но муравьи их терпят, т. к. ломехуза поднимает задние лапки и подставляет влажные волоски, которые муравьи с жадностью облизывают. Жидкость на волосках содержит наркотик, и, привыкая, муравьи обрекают на гибель и себя и свой муравейник. Они забывают о работе, и для них теперь не существует ничего, кроме влажных волосков. Вскоре большинство муравьев уже не в состоянии передвигаться даже внутри муравейника; из плохо накормленных личинок выходят муравьи-уроды, и все население муравейника постепенно вымирает».

Сильная метафора. Согласимся с уподоблением своего народа «муравьям», на которых направлена внешняя, паразитическая сила? Но не оскорбительно ли это уподобление для народа, радетелем за судьбу которого выступает В. Белов? Логика этого уподобления, кстати, продолжает и развивает опорную концепцию романа «Все впереди»: там тоже некие темные силы, олицетворенные в персонажах нерусского происхождения («жучки»), разлагают изнутри русское общество. Такое противопоставление и поиск виноватых на стороне опять уводят народ от самокритики, от ответственности за свое настоящее. Опять народ нам хотят представить либо инфантильным, либо обладающим низкой «роевой» организацией. Есть, кстати, в этих — во многом правдивых и точных — заметках В. Белова «Ремесло отчуждения» и прямая неправда. Он пишет: «Почему о расстрелах тридцать седьмого года говорят все от мала до велика, а о расстрелах, начавшихся в конце двадцать девятого года, молчат?» Могу сказать, что о трагедии 29-го года повествуют и «Мужики и бабы» Б. Можаева, и «Овраги» С. Антонова, и записки И. Твардовского, и поэма А. Твардовского «По праву памяти». В статье «Возобновление истории» Л. Баткин* пишет: «Нужно... говорить не о бедах насильственной коллективизации, а о том, что она означала с точки зрения социально-исторической, то есть об уничтожении крестьянства как класса, об его прикреплении к земле, о третьем издании крепостничества в России...». Ю. Афанасьев (статья «Перестройка и историческое знание») ** отмечает: «коллективизация... стала первым наиболее крупномасштабным преступлением сталинского режима. В ходе коллективизации были впервые осуществлены массовые репрессии. Голод в 1932 г., вызванный этой акцией, унес миллионы человеческих жизней». Академик А. Сахаров: «Насильственная коллективизация и раскулачивание, разорение крестьянства ради темпов индустриализации. Голод с чудовищной изоляцией обреченных на смерть районов. Практически никакой помощи умирающим с голоду. Именно в это время вывоз хлеба и леса на Запад достигает максимального уровня» («Неизбежность перестройки»)***. Да, все это появилось на страницах печати в последние годы,— но и о трагедии 37-го года заговорили открыто одновременно. Я в принципе не понимаю, зачем противопоставлять одно черное дело другому. Одни жертвы — другим (чем, кстати, постоянно занимается и В. Кожинов). Выиграет ли национальное самосознание от упорно навязываемого сегодня антагонизма в осмыслении трагического прошлого?

* Сборник «Иного не дано». Издательство «Прогресс». Москва, 1988.
** Там же.
*** Там же.

И В. Белов, и В. Распутин апеллируют к истории, но прилагают по отношению к прошлому прежде всего слово «гордость». В то же время конкретное, скрупулезное историческое осмысление прошлого, предпринятое В. Селюниным, ни разу слова «гордость» и «патриотизм» не употребившего, принесет, на мой взгляд, больше пользы русскому национальному самосознанию. Если даже на мгновение встать на точку зрения В. Белова, то как сам народ мог терпеть это инородческое паразитирование? О каких духовных силах народа такая ситуация свидетельствовала бы?

Раньше искали «врагов народа».

Теперь ищем «врагов нации»?

Никто не станет спорить с Распутиным о том, что «человечество расцвечено, разобщено нациями, чтобы учиться друг у друга, любоваться и удивляться друг другу, друг к другу тянуться с жаждой красоты и познания», о том, что «многонациональность земли — это радужность, музыкальность, чувственность и полнота мира». Никто не спорит. Но даже Распутин искусственно конструирует себе оппонента-современника, который якобы хочет сегодня «исчезновения наций, языков», «оскудения традиций и обычаев». Однако продолжим мысль Распутина до конца: кто-то хочет, предостерегает он, «сжечь и пустить по ветру идеалы неразумных отцов». Вот здесь, как мне кажется, писатель неточен. «Идеалы отцов» — это что? Христианство или язычество? Или, может быть, крепостнические? Или социалистические идеалы, за которые погиб, в частности, и мой родной дед Владимир Нилович Иванов на Перекопе в свои тридцать два года? Или идеалы тех, кого, как одного из моих прадедов, поляка, выслали на Север в 1863 году? Или идеалы другого моего прадеда, русского человека, погибшего на Соловках в 1932-м? Чьи идеалы конкретно? «Идеалы» сталинизма (у него тоже были свои «идеалы» и «принципы») или идеалы Вавилова и Чаянова? Как объединять все это в формулу «идеалы отцов»? Если же речь идет в принципе о «национальных идеалах», то надо сначала понять, определить их.

«Гордость за свое происхождение в любом народе правомерна уже одним происхождением» — еще один тезис Распутина. Но, может быть, нормальное человеческое мироощущение не должно все-таки начинаться с гордости — только потому, что ты родился, предположим, светловолосым и с голубыми глазами, а не брюнетом с карими? Уж слишком как-то унизительно легко такая «гордость» будет добыта — да и не добыта, а присвоена, как орден, при рождении!

Семьдесят лет мы только и делали, что гордились. Вот Распутин пишет, что «после 20-х годов... патриотизм как сознание народа был заклеймен и втоптан в грязь». Но дела обстояли не совсем так, вернее, совсем не так. Именно лозунгами «патриотизма» и «гордости» размахивали на партийных форумах; в «непатриотизме» (и «антипатриотизме») обвинялись «космополиты» и «космополитствующие». И Шостакович, и Зощенко, и Ахматова противопоставлялись народу. Все та же печальная история: за народ решали, от его лица выступали, им (и патриотизмом своим) клялись, только до реального положения этого же самого конкретного народа, до его прав (и его ответственности) как-то не доходили... Однако когда слово берет действительно **народный** писатель и заступник, Федор Абрамов, то у него совсем иная концепция: «Каждение народу, беспрерывное славословие в его адрес — важнейшее зло».

Всегда апеллирует к народу в своих публицистических выступлениях и Юрий Бондарев.

Что вызывает активнейшее неприятие Бондарева? По его мнению, сегодня произошла «подмена долгожданной демократии вседозволенностью "фальшивомонетчиков" искусства». Да-да,

именно сегодня. Бьет в колокола Бондарев. Сегодня, говорил он на XIX Всесоюзной партконференции, идет «размывание критериев, моральных опор, травля и шельмование крупнейших писателей, режиссеров, художников...» Сегодня — когда, наконец, восстановлены в правах, возвращены на Родину крупнейшие произведения Ахматовой, Булгакова, Платонова, Твардовского, когда напечатаны многострадальные романы Бека, Гроссмана, Дудинцева; когда читатель наконец смог прочесть прозу Набокова, когда восстанавливается справедливость (но не до конца еще!) в отношении Зощенко... Помилуйте! Не перепутал ли Ю. Бондарев наше время с болотом «застоя», когда читателю внушали, что истинным-то героем (а то и дважды) да классиком является Г. Марков или Ан. Иванов?

Но Ю. Бондарев в запале риторики идет и дальше: оказывается, сегодня наша печать «сваливает в отхожие ямы прожитое и прошлое, ...стирает из сознания людей память». Это сегодня, когда к народу трудно, но возвращается память — благодаря «Колымским рассказам» В. Шаламова, книгам О. Волкова и А. Жигулина, Л. Разгона и И. Твардовского, Б. Можаева и С. Антонова... В «аллеях риторического сада» Ю. Бондарев приходит к закономерной для него мысли и о том, что, оказывается, «один грамм веры дороже порой всякого опыта мудреца». Да разве народ за «грамм веры» не расплатился миллионами жертв? Но история, которой клянется Бондарев, поистине учит тому, что ничему не учит,— опять противопоставляем «веру» опыту мудреца, то есть правде... По Бондареву, восстановление «белых пятен» истории подрывает «доверие к истории», а правда о прошлом может «разрушать веру (опять! — **Н. И.**) молодежи в святость не напрасно прожитой военной биографии старшего поколения, не всегда одерживавшего победы» (разрядка моя.— **Н. И.**). Никто не забывает и о подвиге этого поколения, как и других, воевавших с ним рядом. И потом — вымолвить о своем поколении «святость» — не забыть ли и о поднятых при голосовании руках, и о яростных речах на собрании, и о позорном молчании, и о конформизме, которого пока еще не миновало ни одно поколение?

Как же определяет сегодня задачу литературы Ю. Бондарев?

«Главное,— пишет он,— быть душеприказчиком своего народа».

Но если он уверен, что наш народ уже покойник (по Далю: душеприказчик — «исполнитель последней воли покойника»), то многие в этом, я думаю, сомневаются. Да и как можно русскому писателю объявлять «покойным» народ, который пробуждается от апатии, приходит к новым решениям, рождает новое мышление, народ, который спорит, критикует, предлагает?

Так что же, сначала апеллируем к народу, потом говорим от его лица, как от лица дитяти неразумного, потом уподобим свой народ муравьям и будем искать «врагов нации», а затем объявим его покойником? Или слово «душеприказчик», «по Бондареву», имеет иное значение?

Вот и Ан. Иванов, если составить частотный словарь, то станет видно, что в своей беседе с первым заместителем главного редактора журнала «Наш современник» (№ 5, 1988) В. Свининниковым чаще всего употребляет слова «народ» и «народный». «Они народом приняты», «глубины народного духа», «народной психологии», «приобщиться к народной судьбе», «просвещение народа», «я говорю о писателях, которых волнуют судьбы именно народа»... А отношение к гранинскому «Зубру» Ан. Иванов (видимо, сам того не желая) выразил фразой, уж вовсе пародийно звучащей: «страшно далеки подобные книги от раздумий о судьбах народных».

Не успел еще по-настоящему развернуться в обществе процесс демократизации, а Ан. Иванов уже пугает: «упускает партия из рук управление подобными процессами (возвращение в нашу литературу несправедливо обойденного.— **Н. И.**), и буйствует стихия разрушения». Удивительными «заединщиками», почти дословно повторяющими друг друга, предстают Ан. Иванов и Ю. Бондарев (назвавший Ан. Иванова в своем выступлении на XIX партконференции «замечательным талантом» и «крупнейшим писателем»).

Интервью в «Нашем современнике» поражает воображение льстивой интонацией вопрошающего, заместителя главного редактора журнала, В. Свининникова. О книгах своего собеседника: «известны поистине всенародно», о телесериалах: «впечатляющие». Но главное, к чему стремится Свининников,— создать впечатление, что Ан. Иванов — страдалец эпохи «застоя». Сделать это, скажем прямо, нынче затруднительно, и поэтому интервьюер идет на прямой подлог. По его утверждению (с чем Ан. Иванов благосклонно соглашается), Ан. Ивановым поведано «одним из первых... о культе и его жертвах». Это в 1970-то году (когда был напечатан «Вечный зов», первая книга)! Десятилетие до того писатели (особенно в журнале «Новый мир») прямо говорили о «культе» и его жертвах. И вот когда все затихло, когда был заткнут рот «Новому миру», тут и появился Ан. Иванов с его «трудными» судьбами. Видно, такая проза устраивала «пропускные органы», если они, столь яростно препятствовавшие А. Твардовскому, А. Солженицыну, В. Гроссману, оказали благосклонное доброжелательство Ан. Иванову.

А как было не оказать? Если мышление его даже сегодня, несмотря на колоссальные изменения в общественной жизни, остается прежним? Цитирую «Наш современник»: зачем, жалуется Иванов, упрощать «такую сложную личность, как Сталин», личность «шекспировского накала страстей и масштаба действий». В восхищении «заслугами» вождя Ан. Иванова перекрыл пока только А. Ланщиков. «Конечно, Сталин был **великим** государственным деятелем,— утверждает он перед лицом миллионных жертв,— и лично я стою на той точке зрения, что именно **благодаря** Сталину наша страна в очень короткий срок превратилась в могучую индустриальную державу и сыграла решающую роль в победе над фашизмом...» (подчеркнуто мною.— **Н. И.**, «Наш современник» № 7, 1988).

Прилив гражданского гнева вызывает у Иванова разговор о «новинках» (да-да, именно в кавычках!). Пугает нас Ан. Иванов, что благодаря публикациям последних двух лет угаснет интерес к... классике. Помилуйте, это к кому? К Пушкину? Достоевскому? Нет, ищите ближе: именно по итогам анкеты 1987 года, результаты которой напечатаны «Книжным обозрением», сильно упал интерес к сочинениям... Ан. Иванова.

Но старательно накладываемый грим «страдальца» в застойный период и борца за торжество «народной» оценки искусства тут же исчезает, как только речь заходит об... обострении классовой борьбы. Да-да, читатель, вы не ослышались! Любовно журя и порицая Сталина («сложную личность»), Ан. Иванов практически повторяет излюбленный сталинский тезис: «свергнутые классы всегда пытаются взять реванш». В 1988 году Ан. Иванов утверждает то, что Иосиф Виссарионович насаждал в 1929-м. И за что народ поплатился национальной катастрофой. Более того, наш современник и юбиляр (все эти материалы печатаются к его 60-летию) и сегодня твердит, что те, кто не сгинул в огне гражданской войны, «проникали во все поры общественного организма», и «при любой ошибке в беспрецедентно трудном строительстве» им было «достаточно подтолкнуть энтузиастов — под хорошими лозунгами — к использованию дорогого оборудования с запредельными нагрузками», то есть... к вредительству. Так возрождается образ «врагов народа».

НЕПРИДУМАННОЕ, ИЛИ НОВАЯ ПРОЗА

И стихи, и проза, и публицистика прошлого и нынешнего годов возвращают обществу живой, непосредственный, конкретный исторический опыт. Не патетическими заклинаниями, не прогулками по «аллеям риторики» он добывается. Обогащают сумму знаний общества о своей истории не общие словеса и предостережения по начальству, а насыщенные реалиями публикации «новой» (эпитет В. Шаламова) прозы, являющейся в то же время подлинным человеческим документом («Колымские рассказы» В. Шаламова, «Непридуманное» Л. Разгона). Даже рецензия на книгу (нелагерную!) способна вырасти в поразительный человеческий документ, каким стала, на мой взгляд, рецензия Чабуа Амирэджиби на «Избранное» Олега Волкова и предисловие к этой книге Марлена Кораллова («Литературная газета», 13 июля 1988 года). А сколько еще устных свидетельств, которые должны быть записаны! Как не вспомнить опыт «Блокадной книги» Адамовича и Гранина, повествование Светланы Алексиевич — кому, как не ей, скажем, начать записывать подлинно народную книгу о жертвах сталинщины?

«Историческая память складывается из памяти каждого отдельного человека,— пишет во вступлении к «Непридуманному» Л. Разгон.— В этом смысле рассказы мои — малая толика исторической памяти народа». Его слова перекликаются с мыслью В. Шаламова о том, что «потребность в такого рода документах чрезвычайно велика. Ведь в каждой семье, и в деревне и в городе, среди интеллигенции, рабочих и крестьян, были люди, или родственники, или знакомые, которые погибли в заключении. Это и есть тот русский читатель — да и не только русский,— который ждет от нас ответа».

Кстати, к разговору о «святости». В. Шаламов пишет: «КР»* — это судьба мучеников, не бывших, не умевших и не ставших героями». В. Шаламов не хочет, отказывается рисовать нимб «святости» над людьми, перенесшими такие страдания, которые способны были бы сделать их в наших глазах святыми. Не в этом его цель и как свидетеля эпохи, участника событий. Шаламов отвергает роль «Орфея, спускающегося в ад»,— по его мысли, лагерная тема не тема для писательского «туризма». «Писатель не наблюдатель, не зритель, а участник драмы жизни, участник не в писательском обличье, не в писательской роли... Выстраданное собственной кровью выходит на бумагу как документ души, преображенное и освещенное огнем таланта».

Напрочь отвергают такой прозой все ухищрения, любая «литература». Не информация, нет, «сердечная рана» есть то, что возникает в прозе. И вопросы, которые ставит писатель в такой прозе, носят глобальный характер. Вот как сам В. Шаламов излагает проблематику «Колымских рассказов»: «Вопрос встречи человека и мира, борьба человека с государственной машиной, правда этой борьбы, борьба за себя, внутри себя — и вне себя. Возможно ли активное влияние на свою судьбу, перемалываемую зубьями государственной машины, зубьями зла. Иллюзорность и тяжесть надежды. Возможность опереться на другие силы, чем надежда».

Мы еще вчера с радостью и удивлением находили параллели между десталинизацией общества в 60-е годы и в наши дни. Сегодня мы уже шагнули явно дальше 60-х, когда общественная мысль запнулась после «языческого акта» вынесения тела Сталина из Мавзолея. Или всенародного откровения о том, что «сажали». Вот как буднично пишет об этом Л. Разгон, за плечами которого семнадцать лет лагерей: «убивали, сажали, ссылали — это дело обыкновенное». Сталин и лагеря были всепартийно осуждены, но сталинизм благополучно дожил до наших дней в тихой «застойной» обертке. Структура оказалась незатронутой могучими, бурными «ниспровержениями» шестидесятников. «Легче было сказать в докладе XX съезду... далеко не полную правду о кровавом тиране,— замечает историк Л. Баткин,— и выпустить уцелевших жертв из лагерей, и разрешить напечатать «Теркина на том свете» и «Один день Ивана Денисовича», легче было Хрущеву — при всей исторической громадности этого шага — отменить террор, чем сейчас довести десталинизацию до конца, то есть демократизировать саму систему, убрав бюрократически-сталинские ее элементы, схемы, обыкновения. Не умаляя оттепели 60-х, мы все понимаем, что Хрущев удалил вершки, и это не воспрепятствовало неосталинистской реакции. Ну, а теперь дело идет о «корешках» (статья «Возобновление истории»). В историческом же плане этот новый проблемный уровень означает переход к причинно-следственному осмыслению сталинизма и его «корешков» в нашей истории. Ю. Афанасьев в статье «Перестройка и историческое знание» отмечает: «...мы, конечно же, не сможем продвинуться вперед, если вместо ползучих, постепенно и как бы совершаемых тайно, на брежневский манер, попыток реабилитировать Сталина, а вместе с тем реанимировать и сталинизм, будем сейчас, как некоторые это пытаются сделать, возлагать всю ответственность за наше общенародное горе только на одного Сталина... многие хотели бы пожертвовать Сталиным во имя спасения сталинизма». Общество сегодня уже не может останавливаться на фигурах Сталина и прочих «вождей». Сталинизм как структура, не изжитая до сих пор и складывавшаяся во многом еще до «отца народов», должен быть осмыслен во всей его совокупности и полноте. И в рассказах В. Шаламова, повествованиях Л. Разгона, Е. Гнедина это глубинное осмысление идет на принципиально новом уровне. Размышления Л. Разгона о том, как формировался «рабский страх перед Сталиным», соседствуют с его же свидетельствами о том, как сами «старболы» уничтожали людей, еще до «воцарения» Сталина. Замечательно, что сегодня реабилитируются Бухарин, Зиновьев, Каменев и другие крупные деятели, но нельзя в нашей «эйфории» забывать о том, кстати, что в 1919 году, как пишет Л. Разгон, Зиновьев и приехавший в Петроград Сталин «приказали расстрелять всех офицеров, зарегистрировавшихся, согласно приказу... А также много сотен бывших политических деятелей, адвокатов и капиталистов, не успевших спрятаться».

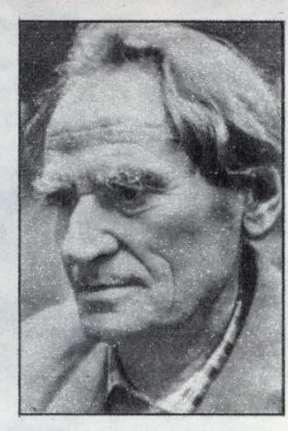
Фальсификация истории, «систематическое стирание коллективной памяти», подмена памяти мифотворчеством, чем занималась официальная пропаганда и литература официоза, вытесняется сегодня подлинным историческим знанием. Но это «стирание памяти», манкуртизация не прошли для общества бесследно: сегодня оно испытывает, по словам Ю. Афанасьева, «кризис идентичности», не имеет пока абсолютно точного, адекватного представления о себе самом: «Мы смотримся в зеркало и не можем узнать себя. Изображение разбивается на отдельные осколки». Добывается цельность изображения с трудом и усилиями многих.

Может быть, сегодня история дала нам последний шанс для того, чтобы осознать свой путь, понять, над какой бездной мы стоим, найти в себе силы признаться в трагических последствиях грандиозного исторического эксперимента, твердо повернуть к новому. И наша публицистика, конкретная, реалистичная, концептуальная; проза, мемуаристика снимают с глаз общества катаракту. И делает это — вспомним еще раз с благодарностью датчанина по происхождению Владимира Ивановича Даля — по народному праву.

* «Колымские рассказы» (аббревиатура В. Шаламова).

Борис ЧИЧИБАБИН

У ПРАВДЫ — СКРОМНОЕ ЖИЛЬЕ

*Хорошо,
что истинные поэты
такие разные, только бездарные
одинаково безлики.
Хорошо,
что поэзия «существует —
и ни в зуб ногой» вопреки законам
формальной логики,
привычным причинно-следственным
связям и — о чудо! —
иногда
даже вопреки самим
канонам ремесла...
Обо всем этом думаешь, читая
стихи Бориса Чичибабина —
порой совершенно
не причесанные, а порой вообще
написанные так,
как будто до него стихов
никто и никогда не писал.
Быть может, поэтому столь
достоверны переживания,
выраженные в них,
столь
заразительно настроение.
Во всяком случае,
чем больше читаешь Чичибабина
(или даже перечитываешь
какое-то одно его стихотворение),
тем яснее становится,
что есть на земле поэзии
его собственная территория.
Завоевывал ее
Борис Чичибабин
долгие годы, несмотря
на все тяготы,
которые выпали
на его долю,
с удивительной российской
щедростью.*

ЭЛЕГИЯ
ФЕВРАЛЬСКОГО СНЕГА

Не куем, не сеем и не пашем,
но и нас от тяжеб и обид
кличет Вечность голосом лебяжьим,
лебединым светом серебрит.

Вышел срок метелицам полночным,
и к заре, блистая и пыля,
детски чистым, райски непорочным,
снежным снегом устлана земля.

Не цветок, не музыка, не воздух,
но из той же выси, что и сны,
эти дни о шлейфах звездохвостых
в обновимом чуде белизны.

Этот лес пришел к нам вместе
с лешим,
опустилась свыше кисея,
чтоб до боли тих и незаслежен,
белый свет девически сиял.

Этот мир, увиденный впервые,
детских снов рождественская вязь.
Эта сказка утренней Марии,
что из этой пены родилась...

Падай, снег, на волосы и губы,
холодком за шиворот теки.
Хорошо нам в этаком снегу бы
скоротать остатние деньки.

В сердце горько пахнет
можжевельник,
и, когда за сто земель и вод
откочует брат мой Саша Верник,
как он там без снегу проживет?

Кто мы есть без племени, без рода
и за что нас в этакий мороз,
как родных, приветствует природа
духовыми ветками берез?

Знать, и нам виденья не случайны
и на миг забрезжит благодать,
знать, и мы достойны нежной
тайны,
что вовек живым не разгадать...

Скоро мы в луга отворим двери,
задрожим от журавлиных стай.
Пусть весна вершится в полной
мере,
только ты, пожалуйста, не тай.
Сыпься с неба, тихий и желанный,
и огню, и Вечности родня,
холоди немеркнущие раны
и холмы с оврагами ровняй.

Скоро канешь, горний, станешь,
свежий,
мерзлой кашей, талою водой.
Но ведь чудо было не во сне же.
И во мраке, сложенном с бедой,
помоги нам выжить, святый снеже,
падай, белый, падай, золотой.

* * *

Одолевали одолюбы.
У них — не скрипка, не рожок.
Они до хрипа дули в трубы,
где помолчать бы хорошо.

Одолевали водоливы.
Им лист печатный маловат.
Еще туда-сюда вдали бы,
а то под ухом норовят.

А правда не была криклива,
у правды — скромное жилье,
но вся земля ее прикрыла,
и все услышали ее.

* * *

Жизнь — кому сито, кому решето,—
всех не помилуешь.
В осыпь всеобщую Вас-то за что,
Осип Эмильевич?..

НА ЛЫЖАХ

Земля в снегу — как небо
в облаках.
Замри, метель, не мни и
не колышь их.
Что горевать о грозах, о врагах?
Идем на лыжах.
. . . .
Мы вчетвером вползаем
в зимний лес.
Как он велик! Как низко я зимую.
Как свеж покров, наброшенный
с небес
на пестрый сор и черноту земную.

Вела дорога в царство лебедей.
А мы-то все трясемся и цыганим,
но весь наш мир бездушней и
бедней
в соседстве с этим блеском
и дыханьем.

И пусть неважный лыжник из меня,
а все ж и мне, сутулому, навстречу
бегут осины, ветками звеня,
дубы плывут — и я им не перечу.

И я, как воздух, вечен и крылат,
но свет еще добрей и беззаботней.
О, как у лыжниц личики горят!
Как светел дух под ласкою
господней.

* * *

Цветы лежали на снегу,
твое лицо тускнело рядом,—
и лишь дыханием и взглядом
я простонать про то смогу.

Был воздух зимний и густой,
как дар за годы зла и мрака,
была могила Пастернака
и профиль с каменной слезой.

О счастье, что ни с кем другим
не шел ни разу без тебя я,
на строчки бережно ступая,
по тем заснежьям дорогим.

Как после неуместен был
обед в полупарадном стиле,
когда еще мы не остыли
от пастернаковской судьбы...

Звучи, поэзия, звучи,
как Маяковский на Таганке!
О три сосны, как три цыганки,
как три языческих свечи...

Когда нам станет тяжело,
ты приходи сюда погреться,
где человеческое сердце
и под землей не зажило.

Чужую пыль с надгробий смой,
приникни ртом к опальной ране,
где я под вещими ветрами
шумлю четвертою сосной.

Дмитрий СУХАРЕВ

ВСПОМНИТЕ, РЕБЯТА...

Дмитрий Сухарев — представитель поколения шестидесятников. В его стихах слышны мотивы надежд и споров времени «оттепели». Сама его судьба — как бы аргумент в известном споре 60-х о «физиках и лириках»: будучи признанным лириком, он продолжал успешно работать в науке, защитил докторскую диссертацию по биологии.

От того времени осталась у Сухарева и приверженность к авторской песне. Многие его стихи исполняются под гитару, их знают и поют в любом клубе самодеятельной песни.

Если с магнитофонной ленты, по радио или просто от юного уличного гитариста вы услышите:
Вспомните, ребята, вспомните,
ребята,
Это даже мы видали с вами:
Как они стояли у военкомата
С бритыми навечно головами...
или —
Видишь, карточка помята,
В лыжных курточках щенята,
Смерти ни одной...—
знайте, что строки эти написал Дмитрий Сухарев.

ПОСЛЕ ИСПЫТАНИЙ

Не бегай, мальчик, под дождем,
Да ну его совсем.
Мы дома дождик переждем,
А мокнуть нам зачем?
Дожди не те теперь, сынок.
Не нужно, чтобы мальчик мок.
И молока поменьше пей,
Не пей, сынок, до дна.
Ведь молоко не то теперь,
Хвороба в нем одна.
Какой-то стронций, мальчик, в нем.
А мы и так свой хлеб умнем.

Почаще, мальчик, нам, отцам,
Спасибо говори,
Мы потрудились, видишь сам,
Живем, как короли:
Полно лесов, полно степей,
Большая жизнь, большой огонь.

Вот только молока не пей,
Да и воды не тронь.

1962

* * *

Все-таки Родина знает свои имена.
Помните, как хоронила она
Шукшина?
Как мы его хоронили,
Сколечко слез уронили,
Сколечко писем горючих послали
вдове,
Как горевали по бедной его
голове.

Кажется, некуда деться от дутых
имен.
Кажется, нечего делать до лучших
времен.
Все-таки дело найдется,
Все-таки думать придется,
Все-таки вольная песня в России
жива,
Все-таки каждый второй понимает
слова.

1975

* * *

Когда по безналичному расчету
Расчетливую делаешь работу,—
Уловленную душу измочаль,
Пиши: звезда горит, душа трепещет,
И бездна, бездна, бездна в берег
плещет,
И со свечою мается печаль.

Твори безбедно и небесполезно,
Звезда, свеча, душа, печаль
и бездна —
Отборная оснастка для стихов,
Которые не слишком даже плохи
И как-никак, а документ эпохи,
И ловят души на манер силков.

Но выгляну в окно, там ночь немая,
Там город спит, себя не понимая —
Юдоль непонимания и лжи,
Там бездны мрак бензином в берег
плещет,
Душа дрожит и на ветру трепещет,
И как все это выразить, скажи?

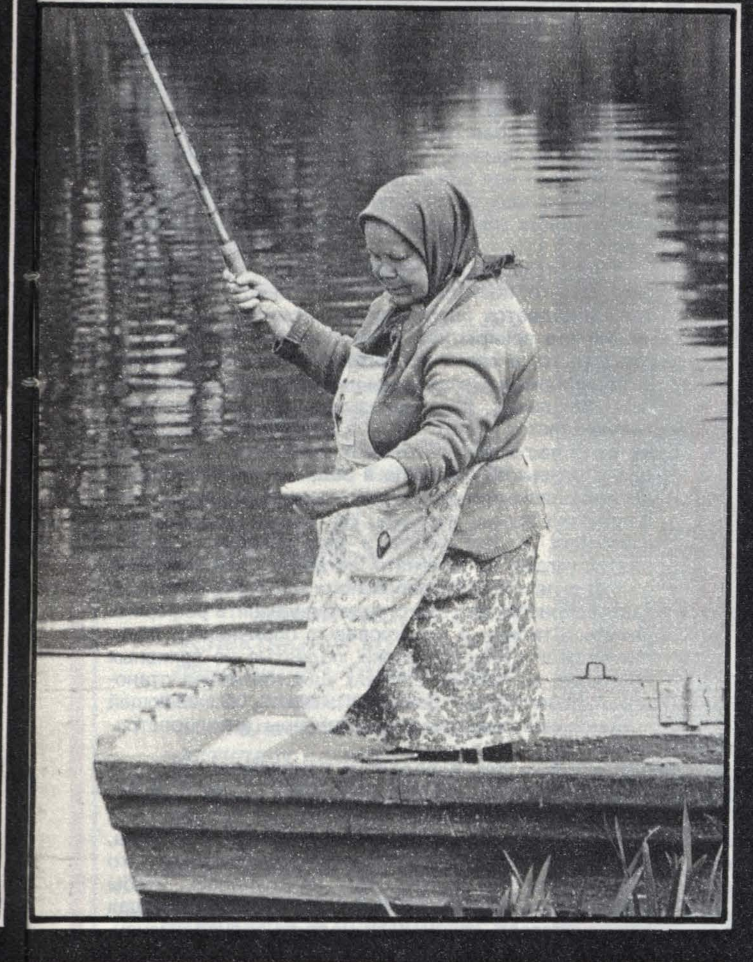
1984

Ромуальдас РАКАУСКАС
Вильнюс.

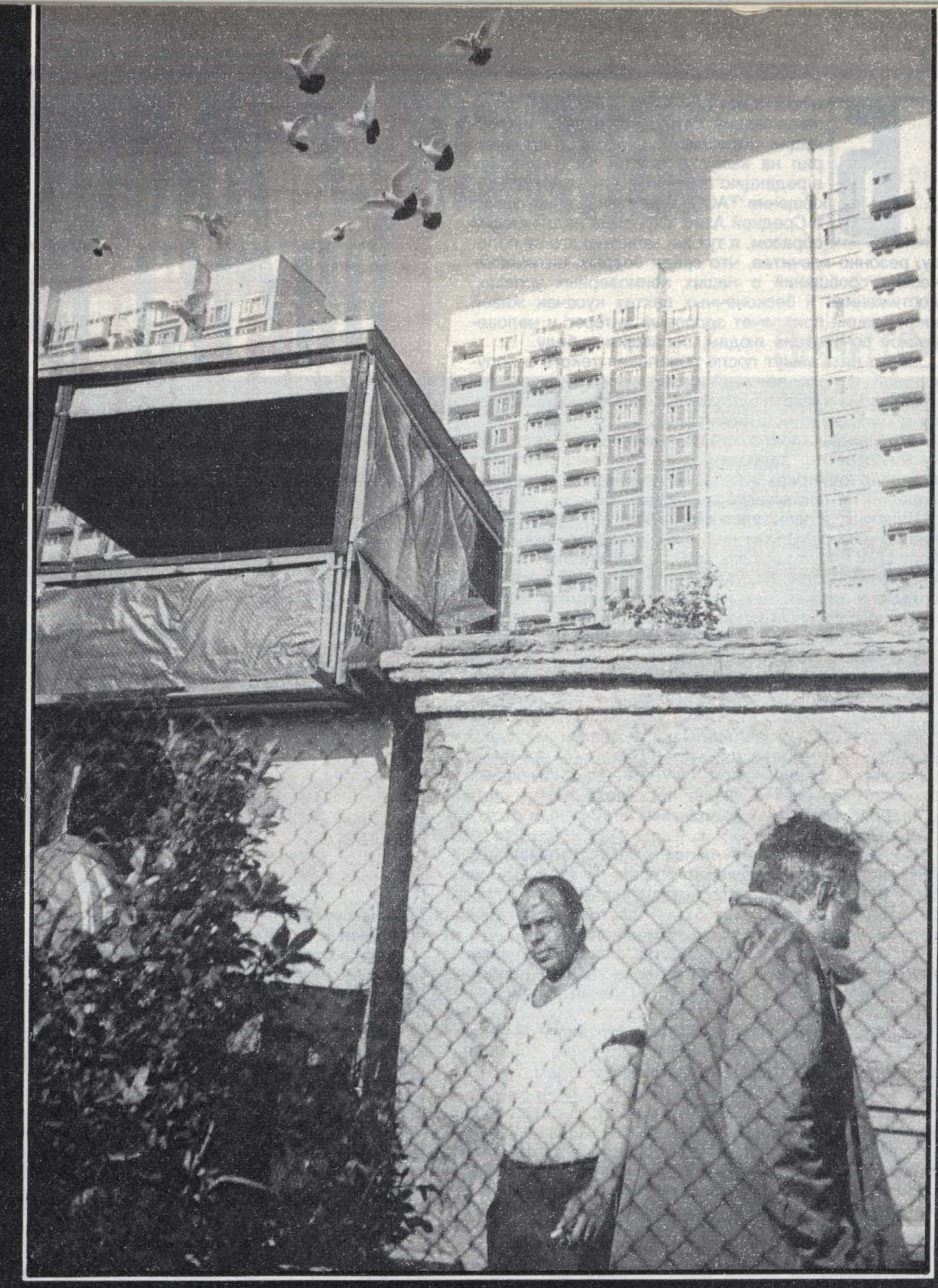
Николай ЧЕСНОКОВ.
Архангельск.

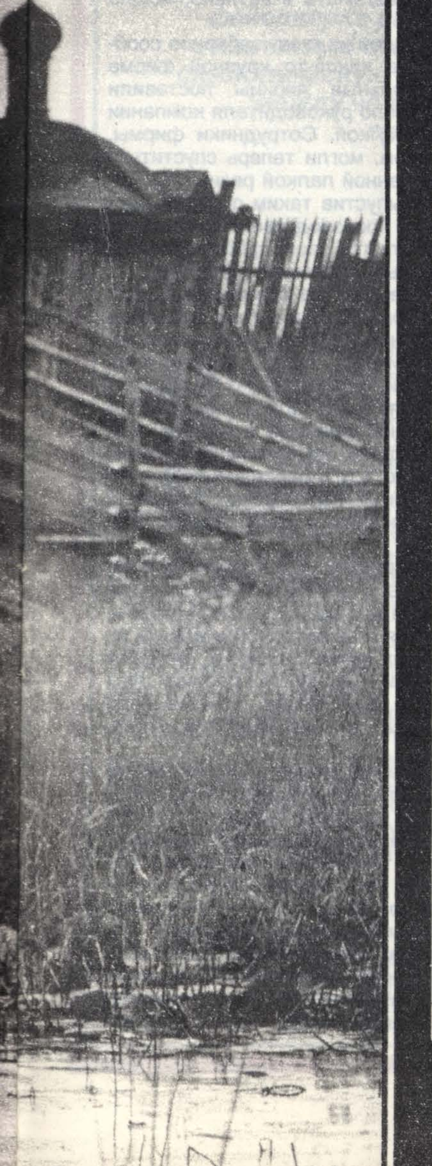

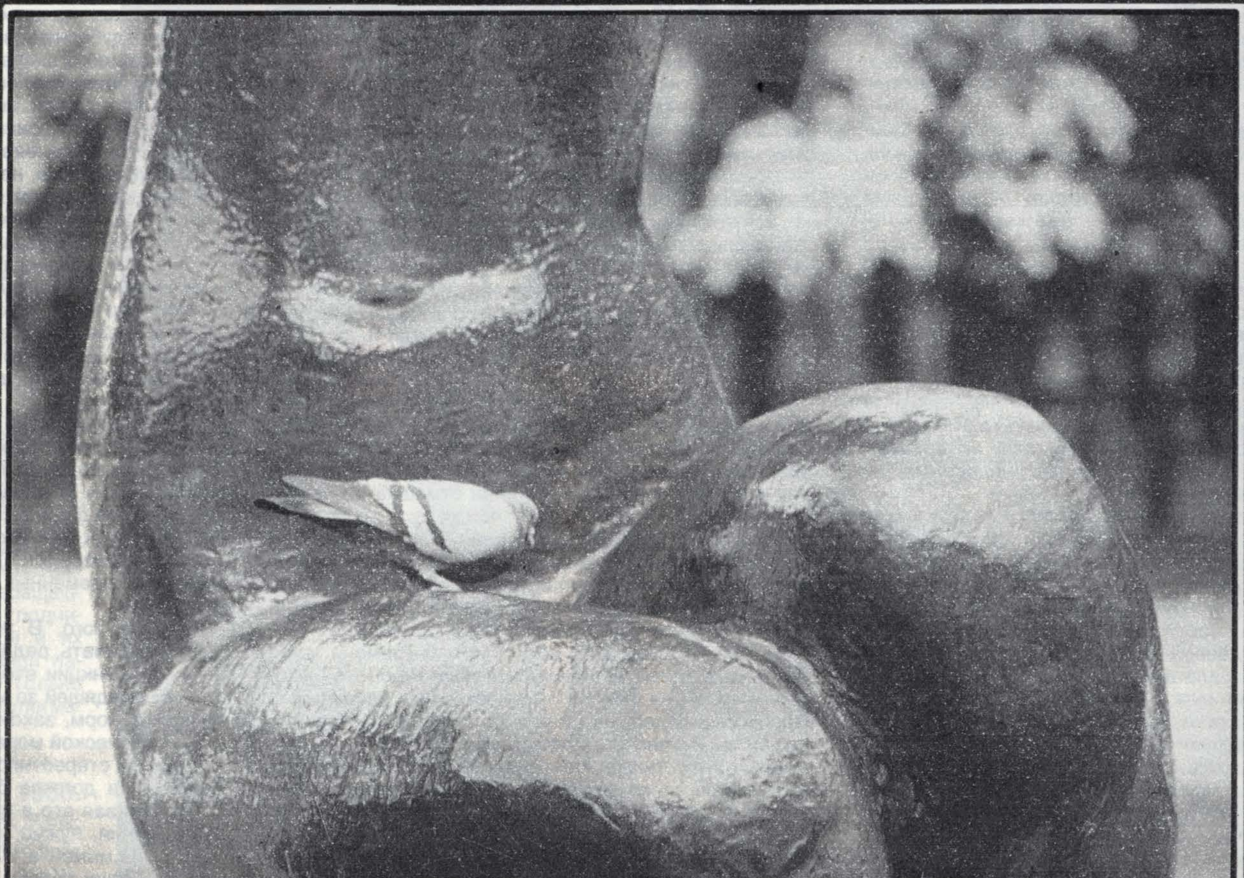

Сергей ЧЕБОТАРЕВ.
Белгород.

Алексей ЗАЙЦЕВ.
Москва.

Игорь ЯКОВЛЕВ.
Москва.

ПРОШУ СЛОВА!

МОМЕНТ ИСТИНЫ И ИСТИНА МОМЕНТА

Константин СМИРНОВ

Было это лет двенадцать назад. Я, тогда начинающий сотрудник отдела информации «Комсомолки», в тот вечер дежурил на выпуске газеты. По телетайпу в редакцию поступило среди прочих сообщение ТАСС о землетрясении где-то в Средней Азии. Оформив надлежащим образом, я тут же запихнул его на полосу, резонно посчитав, что среди бодрых, оптимистических сообщений о наших неимоверных успехах, достижениях и бесконечных вахтах кусочек живой информации привлечет здоровый интерес и человеческое сочувствие людям, попавшим в беду.

Через пять минут после появления текста в полуготовой полосе ведущий редактор снял мое землетрясение с газетной страницы. Я робко осведомился о причине такой немилости.

— Народу надоело, что страну трясет,— категорически отрезал ведущий, словно только что ему в подвал типографии позвонил лично народ и пожаловался на постоянную дрожь в коленках.

Наивный, я попытался объяснить, что землетрясение не есть результат происков империализма, заговора ЦРУ или, пуще того, ФБР, но лишь волеизъявление сил Природы. Ведущий обратил на мой щебет не больше внимания, чем на стрекот линотипов, полностью поглощенный сочинением аншлага в газетную шапку вроде «Ударной вахте — ударный ритм!». А кто-то из коллег поопытней отвел меня в сторону.

— Чего ты лезешь? — выразительно постучав пальцем по лбу, он покачал головой.— Кто главней, тот и умней.

Номер вышел с оригинальным аншлагом «Ударной вахте...», с обычным снимком «В момент вручения награды...», с важнейшими проблемами, требующими безотлагательного решения последние десять лет, с леденящими душу «их нравами» и с полным отсутствием информации...

В мире чистогана тонули пароходы и сталкивались поезда, тайфуны и цунами стирали с лица земли целые города, террористы похищали самолеты и грабили банки, и только на одной шестой части суши царили «тишь да гладь, да божья благодать», что и констатировали наши средства массовой информации, ежеутренне и ежевечерне являя народу «чувство глубокого и полного» таким порядком вещей.

«— Ах, товарищи родные,— сказал вдруг Мадьяров,— вы представляете себе, что такое свобода печати? Вот вы мирным послевоенным утром открываете газету, и вместо ликующей передовой, вместо письма трудящихся великому Сталину, вместо сообщений о том, что бригада сталеваров вышла на вахту в честь выборов в Верховный Совет, и о том, что трудящиеся в Соединенных Штатах встретили Новый год в обстановке уныния, растущей безработицы и нищеты,— вы находите в газете, знаете, что? Информацию! Представляете себе такую газету? Газету, которая дает информацию!

...В общем, вы знаете все, что происходит в стране: урожай и недороды; энтузиазм и кражи со взломом; пуск шахты и катастрофу на шахте; разногласия между Молотовым и Маленковым... Вы знаете, почему нет гречневой крупы, а не только то, что из Ташкента в Москву была доставлена самолетом первая клубника... и при этом вы целиком и полностью остаетесь советским человеком...»

Этот процитированный монолог одного из действующих лиц романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» поразил меня своим абсолютным созвучием собственным мыслям. Сегодня он на первый взгляд поражает воображение еще сильнее — многие из этих невероятных совсем недавно прожектов стали реальностью наших «масс медиа». Впрочем, по зрелом размышлении понимаешь, что не так уж зорко смотрел автор — роман писался на исходе пятидесятых, когда все это, казалось, так и случится. Не вина писателя в замедлении времени...

Но вот оно пришло, это время: информация не просто стала скупо просачиваться на газетные и журнальные страницы — мы прямо-таки утопаем в ее бурном потоке, не имея ни сил, ни времени «переварить» эту лавину относительно свежих (по нашим понятиям) новостей.

И действительно, открывая газету, мы узнаем, сколько было грабежей и краж, что творится в колониях особого режима, министры стыдливо объясняют, почему нет зубной пасты и сахара, почему поезд сошел с рельсов, утонул пароход или упал самолет. Мы узнаем, что проститутка берет 100 долларов за сеанс не на Бродвее, а на улице Горького, что группа наркоманов ограбила аптеку не в Париже, а в Туле. И о разногласиях между Молотовым и Маленковым мы уже тоже читаем, хотя не хотелось бы записывать это в новейшие достижения...

Словом, пользуясь терминологией военных контрразведчиков, мы переживаем «момент истины» — то есть момент получения информации, причем не только контрразведчиками, но широчайшими слоями общества. И при этом, как справедливо заметил Василий Гроссман, мы остаемся советскими людьми. Во всяком случае, о себе могу сказать это с полным основанием.

Однако будем смотреть правде в глаза, информационный бум принес с собой некоторые неожиданные нюансы, которые, собственно, и стали поводом для этого разговора.

Недавно случилось мне присутствовать в весьма показательном обществе. Народ собрался в основном пожилого возраста, но вполне крепкий, словом, те, чей период расцвета пришелся на период упадка, иначе говоря, свежеиспеченные пенсионеры. Впрочем, были люди и помоложе, что и дает мне основание сделать некоторое обобщение. Повод к этому собранию был простейший: у нас объявили капитальный ремонт дома, и жэк или дэз готовился в соответствии с современными демократическими требованиями дать отчет жильцам о предстоящем «светопреставлении». Кто-то из начальства опаздывал, начало дебатов откладывалось, мужчины вышли во двор кто подышать, кто покурить. А поскольку нынче ни одно событие, собирающее больше одного человека, не обходится без разговоров о перестройке и гласности, соседи мои воздали должное животрепещущей теме.

— А что перестройка? — устало сказал один из пожилых, оглядев нас обиженными глазами, в ответ на панегирик кого-то из молодых происходящим переменам.— Страну-то как в лихорадке трясет. Газету откроешь утром — жить страшно!.. Катастрофы, понимаешь, кражи-грабежи. Наркоманы, проститутки, взяточники. Татары демонстрируют, евреи уезжают, армяне-азербайджане друг дружку режут, в Литве шоферня бастует, попы золотишко у народа обратно забирают! «Разгул демократии...» А о чем это говорит? Что перестройка эта всю муть со дна подняла, гласность ваша хваленая. И власть со всей этой дрянью справиться не может. Не может, и все тут!...

Горячие возражения более молодой части собрания о том, что все «прелести» были в нашем богоспасаемом отечестве и раньше и, мало того, в более зловещих масштабах и видах, не встретили понимания у нашего оппонента — вялая отмашка была нам ответом...

Будь такое мнение единственным, я бы не стал и разговора здесь заводить: в конце концов здоровый плюрализм предполагает и такую точку зрения. Можно было бы списать такое отношение к перестройке и на личную обиду — по-соседски мне известно, что человек этот до недавнего времени занимал пост в одном из внешнеторговых ведомств, находясь теперь на пенсии «по состоянию здоровья»... Однако же подобный взгляд на сегодняшние реалии нашей жизни весьма и весьма распространен. Бесполезно в этих случаях объяснять, что для того, чтобы успешно бороться со злом, его нужно обнажить, изучить его причины и «лики» — у нас, к сожалению, слишком низка культура цивилизованного спора. Но вдвойне обидно другое: в течение десятилетий наши средства массовой информации, с завидной настойчивостью скрывая ее от людей, начисто лишили их культуры потребления правдивой информации! Мы попросту не знаем, что нам делать с правдой о нас самих!

Десятки лет мы вели себя, как Король из «Обыкновенного чуда», не желавший знать правды, чтоб не пугаться, а государство его тем временем разваливалось. Да, правда иной раз печальна, более того, страшна, но только она способна излечить болезнь без риска рецидива. Давайте же учиться потреблению правды, учиться цивилизованному отношению к факту, к информации, умению не только разобрать буквы, которыми она написана, но и разобраться в ее сути.

И тут не могу не привести еще одной точки зрения. Исходила она на том же перекуре от человека помоложе, моего ровесника.

— Между прочим,— с некоторой враждебностью сказал он,— вся возня со Сталиным, Берией и иже с ними, на мой взгляд, просто уловка начальства, чтобы увести народ в сторону от сегодняшних проблем.

Позиция жесткая и, нужно признать, небеспочвенная. «Кто-то, кое-где у нас порой» действительно не только надеется благополучно пережить перестройку, но под прикрытием перестроечной фразеологии где скрыто, а где и открыто пытается препятствовать реформам. Сегодня мы имеем немало примеров, увы, печальных, ясно доказывающих, что бюрократия не сдастся просто так, что для многих перестройка из области умозрительных призывов, к которым давно привыкли, перешла в область реальной социальной опасности, прямо угрожающей власти и благополучию врагов перемен. Но органы массовой информации, в том числе и центральные, нередко предпочитают не замечать, оставлять без внимания проявления этого своеобразного заговора, покрывая таким образом тех, кто старается удушить реформы. Фигуры Сталина и его кровавых опричников, документы этой страшной эпохи, поднятые из архивных подвалов, во многих случаях действительно становятся своего рода дымовой завесой, скрывающей сегодняшние, сиюминутные маневры антиперестроечных сил.

И все-таки эта информация необходима. Мы должны до конца, до последней точки в самом затерянном документе разобраться в нашей истории. Как сказал американский философ Джордж Сантаяна, «те, кто не помнит прошлого, осуждены пережить его вновь». Для того чтобы этого не случилось, чтобы никогда больше не замаячила над народом зловещая тень диктатора, каждому от мала до велика жизненно необходимо узнать всю правду. Только пора, наверное, переходить от истории к историзму, учиться различать мрачные черты прошлого в дне сегодняшнем, завтрашнем, различать и активно, мощно противостоять им.

Помню, я вычитал в одной из газет забавное сообщение из Японии, где в какой-то крупной фирме «иезуитски» изобретательные японцы поставили в подвале резиновое чучело руководителя компании с подвешенной рядом палкой. Сотрудники фирмы, недовольные начальством, могли теперь спуститься вниз и отдубасить означенной палкой резиновую копию постылого шефа. Выпустив таким образом эмоции, они возвращались к производственной деятельности, продолжая выполнять свои профессиональные функции с привычным японским усердием...

Тем, кто открывает сегодня на страницах печати сталинские тайны, не стоит, на мой взгляд, забывать об этой остроумной японской уловке некоторых начальников... И если мы читаем в газетах о «разногласиях между Молотовым и Маленковым», то пора бы прочесть и о разногласиях секретаря обкома (райкома) имярек с центральной властью и с теми, кто ходит «под ним». Не стыдливо замалчивать, но точно и прямо называть всякого, кто, преследуя свои эгоистические цели, противится перестройке, называть с указанием имени, должности и, грубо говоря, почтового адреса!

Пусть поймут меня правильно: я призываю не к новой волне репрессий, не к мести. Каждый, кто не может или не хочет понять судьбы огромной страны, должен уйти, устраниться от возможности влиять на ход истории даже в самых малых районных, сельских масштабах (к счастью или к несчастью, рабочих мест у нас переизбыток...). В этом, думаю, одна из важнейших современных задач органов массовой информации.

Больше того. В условиях нашей однопартийной системы печать, радио и телевидение могли бы взять на себя функции второй, альтернативной силы, неустанно следящей за малейшим нарушением демократических норм, законов, требований гласности и общечеловеческой морали. Информации нужно освободиться от стереотипов, от привычной инерции мышления, она должна быть предельно правдивой.

Переживая это в целом радостное состояние выздоровления, нужно и важно, по-моему, не забывать об истине момента. А она, думаю, проста и очевидна: правду, одну только правду, ничего, кроме правды!

СВОБОДНЫЙ ХУДОЖНИК СЕРГЕЙ БАРХИН

...Огромная, до самого неба стеклянная стена, за ней — прекрасный южный остров, редкие животные, гуляющие среди экзотической растительности, синее море, безмятежно спокойное или волнующееся. Для людей XX века этот нетронутый кусок природы — своеобразный живой театральный «спектакль», который им дано видеть только через стекло, сидя в амфитеатре зрительских мест. Но вот наступает конец столетия, и ровно в полночь, когда бой часов возвещает о наступлении XXI века, в небе появляется вертолет и находящиеся в нем самые популярные знаменитости минувшего столетия серебряными молоточками под вспышки грандиозного фейерверка разбивают стеклянную стену — эту символическую преграду между человеком и природой...

Идея подобного проекта могла родиться только у архитектора с яркой театральной фантазией или у театрального художника с архитектурным мышлением. Таким и является ее автор — Сергей Бархин, органично сочетающий в себе оба эти качества. С архитектуры начался его реальный путь в искусстве. Вот как рассказывает об этом сам художник:

«В 1962 году я окончил наш незабвенный архитектурный институт. Но в это время в проектной практике вырабатывалась невиданная ранее жесткая система «производства» и утверждения проектов, превращающая архитектора в чиновника, подчиненного множеству начальников и их начальников, диктующих «от лица народа» палочную архитектуру. Только самые сильные сангвиники и флегма-

С. М. БАРХИН. Род. 1938.
«КЕНТЕРБЕРИЙСКИЕ РАССКАЗЫ»
Д. ЧОСЕРА. 1980.

тики могли не пасть духом и десятилетиями «тащить» проект, выискивая смысл и какую-то художественную логику в своей службе. Время для нас остановилось.

Я так не смог и, промаявшись три вынужденных года в «конторе», вышел, как говорили раньше, в отставку. Я делал проспекты, обложки, рекламки, макеты журналов, декорации и костюмы к спектаклям, декорации к фильмам, рисовал иллюстрации, пробовал делать мультфильм, иногда участвовал в архитектурных конкурсах (пока они были). Работал даже золотоискателем в Сибири. Словом, делал все, работал, где и сколько мог».

Эта ситуация работы в самых разных сферах, будучи вынужденной, вместе с тем помогла самоопределению молодого художника. Она способствовала его внутреннему раскрепощению, раскрытию всех граней его таланта...

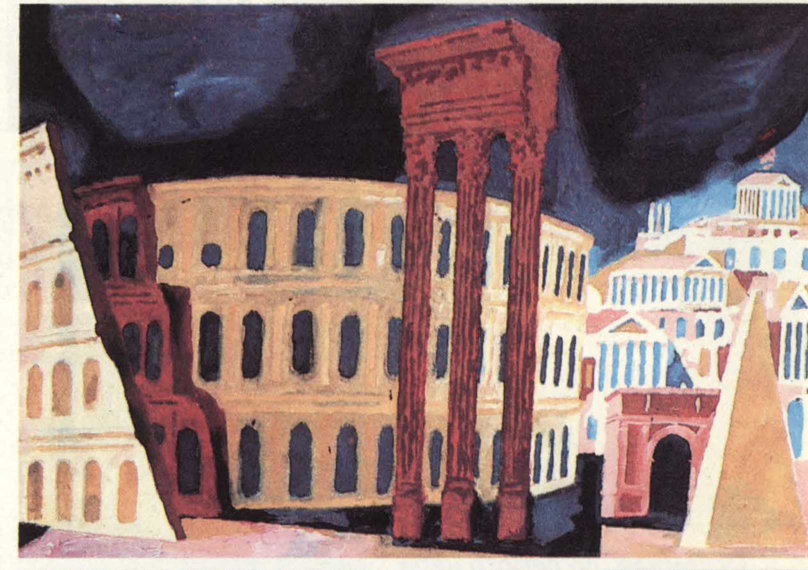
В реальную архитектуру Бархин так и не вернулся, во всяком случае пока. Сегодня он остается прежде всего художником сцены. И привносит свои театральные идеи в другие сферы деятельности — в архитектурные проекты, в иллюстрируемые книги, которые оформляет как своеобразные «спектакли».

Как художник сцены, он, на мой взгляд, уникален. Для него не существует недоступных изобразительных, пластических, театральных стилей, форм, приемов, средств выразительности. Он не склонен чему-либо отдавать предпочтение.

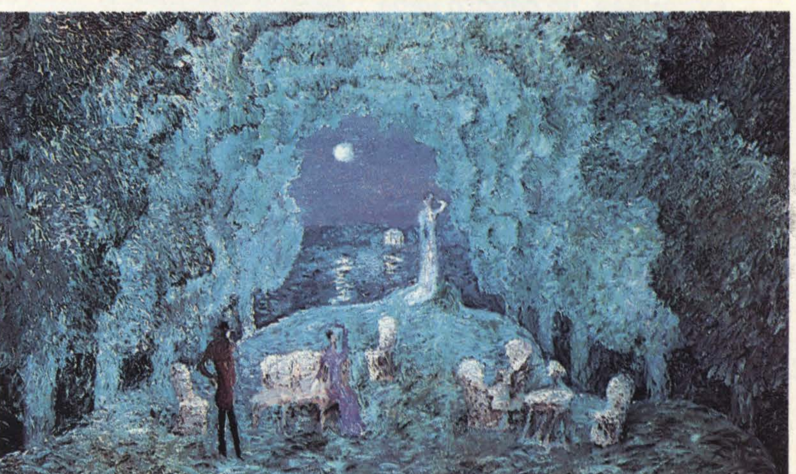
Какая бы пьеса ни оказывалась в его руках, он всегда стремился сделать ее «остро, заметно, неожиданно, своевольно, по возможности» — не оглядываясь ни на уже существующий опыт ее постановок, даже самых выдающихся, ни на устоявшееся представление о том, как тот или иной классик должен выглядеть на сцене. Поэтому не раз и не два ему приходилось выслушивать упреки «знатоков»: «это не Чехов», «не Шекспир», «не Островский», «не Верди», «не Олби». Он же все равно делал по-своему, потому что более всего ему чужда «наша любовь бегать в одну сторону». И в результате рождались уникальные «Бархинские сюиты» — на тему пьес Шекспира, Островского, Чехова...

За двадцать лет сценической работы Сергей Бархин осуществил более ста спектаклей в таких крупнейших театрах, как МХАТ, Малый театр, «Современник», Театр на Таганке, театры имени Моссовета, на Малой Бронной, имени Маяковского, и многих других. На этом поприще, как, впрочем, и в книжной иллюстрации, его художническая личность раскрылась необычайно ярко. Его авторитет как одного из ведущих художников нашего театра бесспорен. Своим искусством и своей личностью он как бы предвосхитил ситуацию подлинного художественного плюрализма, в направлении которого наше искусство и сегодня еще только начинает двигаться.

Виктор БЕРЕЗКИН

«СПАРТАК» А. ХАЧАТУРЯНА. 1984.

«ЧАЙКА» А. ЧЕХОВА. 1979.

«КОШКА, КОТОРАЯ ГУЛЯЛА САМА ПО СЕБЕ» Р. Киплинга. 1983.

Напомним читателю: в нашем журнале (№ 19) был опубликован материал А. Терехова «Страх перед морозом», в котором ставился ряд нравственных вопросов, касающихся жизни вообще и армейской в частности. 21 июня сего года газета «Красная звезда» напечатала «Открытое письмо студенту МГУ рядовому запаса А. Терехову», под названием «Посмотри нам в глаза», в котором автор очерка был подвергнут острой критике. Письмо подписали его бывшие сослуживцы — сержант запаса, а ныне мастер-взрывник Калиновского шахтоуправления И. Романенко и младший сержант запаса, а ныне токарь машиностроительного завода «Салют», кандидат в члены КПСС А. Чернавцев. Оба хорошо помнили и знали А. Терехова по совместной армейской службе, резко возразили против его публикации в «Огоньке» по сути и, кроме того, перешли, что называется, на личность, обвинив Терехова в солдатской нерадивости, в отвиливании от тягот солдатской службы, в замкнутости, в отсутствии духа товарищества и прочих человеческих недостатках. Мы попросили писателя М. Галлая, отдавшего много лет своей жизни службе в Советской Армии, высказать собственное мнение, которое и предложим читателю.

Предварим, однако, комментарий М. Галлая несколькими словами, напрямую связанными с двумя публикациями. «Открытое письмо» А. Терехову заканчивалось так: «От тебя нам нужна была самая малость: чтобы ты посмотрел нам в глаза...» А. Терехов не уклонился от просьбы бывших сослуживцев: едва сдав экзамены за второй курс университета, он не только посмотрел в глаза одного из авторов «Открытого письма» А. Чернавцева, живущего в Москве, но имел с ним подробную двухчасовую беседу. Разговор, надо сказать, шел под магнитофонную запись, на что оба беседующих предварительно дали свое согласие. Уже в редакции мы внимательно прослушали пленку и сделали некоторые открытия, с которыми, полагаем, необходимо ознакомить читателя.

Прежде всего выяснилась малосущественная, но достаточно красноречивая деталь: «токарь завода «Салют», кандидат в члены КПСС» Чернавцев, во-первых, не токарь, а оператор и, во-вторых, не кандидат в члены партии. Ошибка получилась потому, что свое собственное «Открытое письмо» автор А. Чернавцев в окончательном виде даже не прочитал, а на вопрос корреспондента «Красной звезды», который готовил письмо к публикации, является ли он членом партии, ответил, что работает в комсомольско-молодежной бригаде и, возможно, когда-нибудь подаст заявление в партию. Деталь, повторяем, малосущественная, а потому не будем на ней задерживаться. Куда важнее то, что в ходе беседы, глядя в глаза автору очерка в «Огоньке» Александру Терехову, его бывший товарищ по армейской службе Андрей Чернавцев пункт за пунктом практически снимал свои претензии к Терехову и как к солдату, и как к человеку. «Я этого корреспонденту не говорил», «я этого вообще не помню», «этого не знаю», «а это говорил не так грубо и не такими словами»... Не станем конкретизировать, ибо понимаем, что даже опровержение, публикуемое в журнале с «давай подробности!», не доставит большого удовольствия молодому студенту МГУ А. Терехову, искренне переживающему случившееся. Достаточно привести только одну цитату из А. Чернавцева: «Я объяснял корреспонденту, что Саша Терехов мне очень нравился, с ним и поспорить можно было обо всем, и вообще он все понимал и чувствовал, а потом, когда я прочитал в газете свое «Открытое письмо», подумал: неужели корреспондент и про меня может так написать?»

Ситуация кажется нам ясной. И последнее, прежде чем мы предоставим слово М. Галлаю. Коль скоро речь зашла о личности А. Терехова, ответственная ее оценка содержится в комсомольской характеристике, которую он, как и всякий демобилизующийся воин, получил от воинской части, где прослужил последние 15 месяцев, то есть большую часть своей армейской жизни, а затем представил в МГУ. В этой характеристике, в частности, говорится, что А. М. Терехов «проявил себя дисциплинированным, активным, грамотным комсомольцем», «воинский долг выполнял достойно, в строгом соответствии с требованиями присяги и уставов», «за высокие показатели в боевой и политической подготовке награжден знаком «Отличник ВВС», «в строевом отношении аккуратен, подтянут, вежлив, тактичен», «среди товарищей пользуется авторитетом». Возникает вопрос: если все эти слова не соответствуют действительности, что скажут по этому поводу товарищи, подписавшие характеристику, своему руководству и главному редактору «Красной звезды»? А если все это правда, что скажет журналист-организатор, готовивший «Открытое письмо» для публикации в газете, студенту факультета журналистики МГУ Александру Терехову? Найдет ли в себе мужество публично извиниться перед будущим коллегой и вчерашним солдатом?

Наконец, самое главное: статья «Посмотри нам в глаза», к сожалению, уже напечатана в «Красной звезде», хотя, как нам кажется, чем в гляделки играть с автором «Огонька» А. Тереховым, не лучше ли было уважаемой и серьезной армейской газете глянуть в корень наболевших и жизненно важных проблем, поднятых очерком «Страх перед морозом» и в некоторой своей части касающихся жизни современной Советской Армии?

ЕСЛИ СМОТРЕТЬ, ТО В КОРЕНЬ!

Теперь передаем слово Герою Советского Союза, заслуженному летчику-испытателю СССР, полковнику в отставке М. Л. ГАЛЛАЮ:

Передо мной лежат две публикации: очерк А. Терехова «Страх перед морозом» и «Открытое письмо» И. Романенко и А. Чернавцева «Посмотри нам в глаза».

Должен признаться, что, читая их, я ни ту, ни другую не смог принять безоговорочно.

В очерке А. Терехова понимание и согласие вызывает то, что он пишет о настоятельной необходимости преодолеть такие еще существующие в нашем обществе явления, как равнодушие к чужим бедам и страданиям, как агрессивный стиль обязательного «сокрушения чего-нибудь» ради продвижения к любой, пусть самой благородной цели, как казенный формализм, даже там, где он особенно противопоказан (прием в комсомол, выборы в Советы), как — обращаясь к жизни наших Вооруженных Сил — отвратительное явление «дедовщины». Вообще говоря, Терехов не первооткрыватель: обо всем этом не раз говорилось со многих трибун, в том числе и с самых высоких. Но в устах совсем еще молодого человека да к тому же окрашенные личной эмоциональной интонацией, эти высказывания звучат особенно веско. Главное же, что привлекает внимание в очерке Терехова и вызывает согласие с ним, это обращение к **чувству собственного достоинства** каждого человека. Чувству, которое равно не позволяет ни унижаться самому, ни унижать другого.

Но, принимая эту стержневую идею очерка, не могу не сказать, что отрицательные реалии армейской жизни представляются мне в изложении Терехова во многом преувеличенными. Взять хотя бы мытарства, которые он претерпел за шесть суток пребывания на гауптвахте: тут и бессмысленно жестокие садисты-часовые, тут и повар, отвечающий на каждый вопрос наряженного на кухню солдата пощечиной, и даже бритье ста человек одним станком (что вряд ли осуществимо хотя бы по расчету времени, отпущенного распорядком дня этим ста солдатам на личный туалет). Если даже представить себе, что подобный букет издевательств над арестованными где-то, на какой-то гауптвахте имел место, то, наверное, давно должен был бы стать предметом рассмотрения военной прокуратуры, поскольку трудно предположить, чтобы никто из подвергавшихся таким издевательствам солдат, отсидев положенное число суток на гауптвахте и выйдя из нее, не пожаловался бы. А так как жалобщик был бы не один и не два, то при всем желании положить эту жалобу под сукно если и удалось бы, то на очень недолгое время.

Вызвала у меня удивление и нарисованная Тереховым сцена в столовой: «...всей толпой набрасывались на котелок с мясом. Кто первый, тому хватит...» Кормят воинов в наших Вооруженных Силах хоть и без особых разносолов, но уж никак не впроголодь. Чтобы составить себе мнение об этом, нет необходимости прорываться в солдатскую столовую; достаточно на улице посмотреть в любой выходной день на уволенных в город солдат — изможденными их лица никак не назовешь.

Словом, повторяю, не все в очерке А. Терехова, при всей его общей верной направленности, показалось мне вполне достоверным в частностях.

Впрочем, и точка зрения его оппонентов — авторов «Открытого письма» И. Романенко и А. Чернавцева — по основным проблемам, поднятым в очерке «Страх перед морозом», близка к точке зрения А. Терехова. Они тоже считают, что «самое страшное, когда у человека «заморожены» чувства, достоинство, честь», а обращаясь к внутриармейским проблемам, признают: «Да, в армии немало недостатков. Судя по нашим впечатлениям, это видят все — от солдата до маршала. Разрушающая ржа застойного времени не могла не коснуться и Вооруженных Сил». Не вдаваясь в предположения, откуда у сержанта и младшего сержанта запаса могли появиться личные «впечатления» о точке зрения маршала, с приведенными утверждениями нельзя не согласиться.

Но основное содержание «Открытого письма» посвящено не обсуждению этих действительно первостепенно важных проблем, а доказательствам того, что Терехов был плохим солдатом, не совершенствовался в своей воинской специальности и т. д. Мне кажется, что этот вопрос — хорошим или плохим солдатом был Терехов — вряд ли заслуживает обсуждения на страницах газеты «Красная звезда» и журнала «Огонек».

Хотя, если уж заниматься этим вопросом, нельзя не заметить, что и воин-

ская характеристика, полученная А. Тереховым при увольнении в запас, и личные высказывания одного из соавторов «Открытого письма» — А. Чернавцева свидетельствуют по крайней мере о существовании на сей счет разных точек зрения.

Однако, **главное — в другом!**

Главное в том, что нельзя в наше время закрывать глаза на отрицательные, в перспективе даже прямо опасные явления в нашей жизни — во всех ее сферах, в том числе и в Вооруженных Силах. Лечение любой болезни невозможно без того, чтобы для начала не констатировать факт ее существования. На недавней встрече московских писателей с министром обороны СССР генералом армии Д. Т. Язовым верно сказал доктор философии генерал-полковник Д. А. Волкогонов: «Не следует ожидать, что проблемы исчезнут от того, что мы не будем говорить о них». Наивно поэтому было бы рассчитывать, что о той же, например, «дедовщине», если не говорить о ней во всеуслышание, никто вне стен казармы ничего не узнает. Ожидать этого — означало бы не видеть реальных живых связей между воинами, проходящими службу, и демобилизованными, и их родными, друзьями, знакомыми. Тот же А. Чернавцев в беседе прямо сказал: «Я все время говорю: дедовщина есть, есть дедовщина... Я ее видел, я сам». Да и многие из нас, давно вышедшие из солдатского возраста, не исключая автора этих строк, **лично знают** подобные факты, с которыми, к сожалению, столкнулись, проходя срочную службу, их дети, внуки, племянники.

В самое последнее время получила хождение новая, с позволения сказать, «концепция». Ее сторонники, признавая скрепя сердце факт существования «дедовщины», трактуют ее как своего рода «шефство» старослужащих над молодыми воинами, чуть ли не как некую школу воинского мастерства. Вряд ли такая трактовка кого-то обманет: ничего себе «школа», в которой один солдат унижает человеческое достоинство другого!

Правы Чернавцев и Романенко: «Разрушающая ржа застойного времени не могла не коснуться и Вооруженных Сил». Хотя справедливости ради заметим, что в данном случае у застойного времени были предшественники. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать «Очерки бурсы» Н. Помяловского или те страницы книги «50 лет в строю» А. А. Игнатьева, где описываются нравы привилегированного военно-учебного заведения царской России — Пажеского корпуса. Но, видно, не случайно, что такое более чем сомнительное наследие всплыло на поверхность жизни нашей армии не когда-нибудь, а именно в годы, которые мы сейчас называем застойными. «Во время войны ничего подобного не было, да и много лет после ее окончания ни о какой «дедовщине» не могло быть и речи»,— говорит дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации В. И. Попков.— Это позорное явление появилось значительно позже и явилось одним из симптомов застойного периода. Сейчас эта проблема больше не замалчивается...»

Можно ли было задавить «дедовщину» в зародыше, при первых признаках ее распространения? Убежден, что можно! При том лишь обязательном условии, если бы немалую энергию, направлявшуюся на то, чтобы это явление спрятать, убедить всех (и, наверно, себя в том числе), что его не существует, чтобы эту энергию направить на его преодоление. К сожалению, в действительности чаще всего получалось иначе.

Примером тому могут послужить хотя бы споры вокруг талантливой, а главное, справедливой по содержанию и честной по своей гражданской направленности повести писателя Ю. Полякова «Сто дней до приказа». Непрост был путь этой повести к публикации, немало препятствий пришлось преодолеть и автору, и редакции журнала «Юность»: немало ярлыков («очернительство», «клевета на армию») пытались к этой повести приклеить. Даже на упоминавшейся встрече писателей с Д. Т. Язовым кто-то из выступавших отнес «Сто дней до приказа» к произведениям литературы, «вызывающим у нашей молодежи нежелание служить в армии»,— снова проявилась наивная вера в то, что если не написать в газете или журнале, то никто ничего и не узнает.

Хотелось бы, чтобы меня поняли правильно. Я далек от того, чтобы предполагать расцвет «дедовщины» в каждой нашей воинской части, в каждой казарме, каждом кубрике. Там, где **по-настоящему,** не формально, действуют командиры (прежде всего сержанты и старшины), политработники, комсомольская организация, места для «дедовщины» не остается.

Но и относить ее к так называемым отдельным, нетипичным случаям сегодня уже поздно. Слова известной песни «...кто-то кое-где у нас порой» тут не подходят. Речь идет, к сожалению, **о явлении.** И, наверное, нужно не спорить о степени его распространения — высчитывать проценты зараженных «дедовщиной» частей и подразделений: 20, 40 или 60,— а объявить этому явлению войну, планомерную и решительную.

Почему я из всего содержания очерка А. Терехова и возникших вокруг него споров выделил тему «дедовщины»?

Прежде всего потому, что всем нам — служившим и неслужившим, воевавшим и невоевавшим, связанным с Вооруженными Силами и не связанным сегодня с ними — одинаково небезразличны существующие в наших Вооруженных Силах порядки, традиции, нравственная атмосфера. В своем отношении к этому мы все не противники, не оппоненты, а прочные союзники. Не можем мы не учитывать и того, что срочная военная служба — действительно большая школа для молодого человека. Школа не только боевого мастерства, но и жизненная. Именно за годы пребывания в армии он превращается (во всяком случае, должен превратиться) из юноши в мужчину. И сформировавшиеся в нем за это время моральные нормы, с которыми он, демобилизовавшись, выйдет в жизнь, обществу далеко не безразличны. Жестокость, преклонение перед культом силы, вкус к тому, чтобы подавить чувство собственного достоинства другого человека и почти всегда сопутствующее этому умение «когда надо» подавить чувство собственного достоинства в себе,— все это вредно и для коллектива, где предстоит работать или учиться вчерашнему воину, и для общества в целом, и в конечном счете для самого обладателя таких личностных свойств.

Не считаю себя вправе становиться в позу наставника и высказывать какие-то конкретные рекомендации по затронутым мною вопросам. Думаю, что это должно стать предметом активной поисковой работы армейских политработников и комсомольских организаций, а также хорошо бы ученых в области психологии, философии, педагогики. Но мириться с явлениями типа «дедовщины» нельзя. Даже если бы речь шла об «отдельных случаях». И уж тем более, когда таких случаев набирается, скажем мягко, достаточно.

Вот главное, что мне хотелось сказать, комментируя очерк А. Терехова и «Открытое письмо» И. Романенко и А. Чернавцева: наверное, в подобных ситуациях вообще полезнее не препираться, а открыто, признав обнаружившиеся отрицательные явления в нашей жизни (независимо от ведомства, в котором они проявились), общими усилиями расставаться с ними.

АВАНСЦЕНА

Что может менеджер?

Театральный администратор всемогущ. Он может в самый разгар сезона достать билет на самолет, отлетающий в южном направлении, гостиницу в Сочи и многие другие, гораздо более дефицитные вещи. Это входит в его профессию. «Для администратора нет слова «не могу» — аксиома. Уметь достать «из-под земли», организовать в считанные часы то, что обычный человек не добудет за всю жизнь,— без этих качеств он профнепригоден. Поэтому быть всемогущим каждый администратор просто обязан.

А что если объединить вместе много администраторов? Даже представить трудно...

Однако в Московском театре имени Ленинского комсомола представили. Подумали. И...

— Наш театр выступил с инициативой создания в Москве ассоциации театральных менеджеров,— рассказывает заместитель директора Театра имени Ленинского комсомола Сергей Данильян.— В инициативную группу вошла администрация нашего театра, в частности мой коллега Сергей Сосновский, а также выпускники отделения планирования и организации ГИТИСа, мои сокурсники, уже работающие в театрах. Марк Анатольевич Захаров нашу идею поддержал. Членами АСТЕМ — так мы думаем назвать нашу ассоциацию — могут стать административные работники московских театров, организаторы театрального дела.

Зачем это нужно? Какие цели мы преследуем?

Мы все очень разобщены. Каждый «варится» в своем театре, и если и разговариваем друг с другом, то в основном по телефону. Нужен свой клуб, именно свой, чтобы там можно было за чашкой кофе обсудить разное. В этой связи родилась идея о создании в помещении Учебного театра ГИТИСа своеобразного центра молодежи. Это прекрасное театральное здание с давней историей может выполнять гораздо более существенные функции, нежели сейчас.

Мы пришли к новому ректору ГИТИСа Сергею Исаеву, изложили свою программу и, надо отдать ему должное, письмо в поддержку полу-

Что теперь думать о менеджерах?

Марк ЗАХАРОВ, художественный руководитель Московского театра имени Ленинского комсомола

«Менеджеры (англ., ед. ч. manager — управляющий), социальная прослойка в совр. капиталистич. об-ве, наемные проф. управляющие. Роль М. усилилась в условиях гос.- монополистич. капитализма...»
Советский энциклопедический словарь, 1986 г.

Быстро летит время. По прошествии трех лет хочется не только думать, но даже говорить о менеджерах иначе.

Если мы всерьез решили примкнуть к мировому сообществу, основанному на современной динамике товарно-денежных отношений,— а похоже, что это наше серьезное намерение,— то, сказавши «а», придется рано или поздно сказать «б». Иными словами, пусть не сегодня, но завтра нам предстоит решить очень непростой для наших стандартных представлений вопрос: допустимы ли в нашем Отечестве стимулы и возможности для расширенного воспроизводства в масштабах и темпах, свойственных индустриально развитым странам?

По мере наших перестроечных успехов (я принадлежу к оптимистам), к началу будущего столетия нам откроется еще одна недоступная прежде истина — экономическое развитие на своих высших уровнях основано вовсе не на одной примитивно понятой и нехитро организованной материальной заинтересованности. На высшем витке мирового экономического созидания в дело вступают новые и сильно действующие стимулы культурного, морального, мировоззренческого характера. Немалую роль может сыграть религия, точнее, следование национальным религиозным традициям.

Человек в современном индустриально развитом обществе, зарабатывающий в год крупную сумму, стремится в следующем году заработать вдвое больше не потому, что он подлец, не ради лишних кроссовок, еще одного креп-жоржетового платья для супруги или золотого унитаза. Товарно-денежное созидание, миновав раннюю («первобытную», «звериную») стадию своего развития, обретает сначала черты, а потом все более устойчивый характер **творческого процесса,** своеобразной человеческой **игры.**

Преуспевающий художник играет красками, композитор — семью известными нотами, режиссер — своей судьбой. Творческая личность, полу-

чили в течение часа. ГИТИС согласился выступить как соучредитель АСТЕМ.

Собственно, речь идет о реорганизации Учебного театра. Кстати, вопрос этот сейчас решается в Министерстве культуры РСФСР.

Каким будет Учебный театр? Вернее, московский молодежный театр-студия «Лицей»?

Теперь здесь будут играться не только традиционные дипломные спектакли выпускников. Помню, сколько на моих глазах рождалось интересных работ в ГИТИСе, например, замечательные постановки Сергея Арцибашева и Юрия Иоффе. К сожалению, они так и остались практически никому не известны. Теперь подобные спектакли получат доступ к широкому зрителю. Традиционным будет фестиваль лучших молодежных дипломных спектаклей театральных вузов страны. Откроем в «Лицее» постоянную выставку работ молодых художников «Перспектива». Это будет сменная экспозиция, в том числе эскизов декораций, костюмов. Режиссеры смогут лучше узнать предложение, может быть, выбрать из художников того, кто ближе, интереснее, с кем вместе хочется работать.

Будет и свое издание — рекламно-информационный бюллетень «Контакт». Он наконец сделает реальностью то, о чем давно все мечтаем,— рецензии будут выходить наутро после премьеры.

Разумеется, во всей деятельности центра под нашим руководством будут активно участвовать студенты ГИТИСа, разных факультетов и курсов. (Ребята знают о нашей идее давно.) Они же будут работать в кооперативе «Центр-88» при ГИТИСе. Это будет коммерческая организация, в сферу деятельности которой будет входить множество вещей — начиная от буфета и заканчивая видеоцентром, где будут записываться спектакли, создаваться архив, учебные пособия, чтобы при необходимости можно было увидеть, например, знаменитые спектакли.

Все это, мы убеждены, плюс местоположение Учебного театра в самом центре Москвы сделает часто пустовавшее здание действительно подлинным культурным центром. А ассоциация получит свой клуб.

— Состояние Учебного театра — общая боль, и ваша программа представляется очень интересной. Но, как я понимаю, цель создания ассоциации не только заманчивые преобразования в Учебном театре?

— Конечно. Ассоциация необходима нам чисто профессионально. Очень важный здесь момент — профучеба. Ведь профессии, по правде, продолжаешь учиться всю жизнь. И мы могли бы приглашать специалистов, необходимых нам, своих и зарубежных, и непосредственно от них получать интересующую нас информацию. Мы учимся хозяйствовать, и знаний нужно много. Ассоциация могла бы координировать и обмен кадрами. Бывает, например, что в театре создается нездоровая обстановка и администратор просто не знает, куда уйти. Так было недавно с одним нашим товарищем, мы очень переживали это, а помочь никак не могли. А в ассоциации, например, мы могли бы дать ему временную работу по договору, обеспечить материально, пока он ищет место. Мы хотим взять на себя и защиту профессиональных прав административных работников. На нас часто жалуются, и хорошо, если руководство театра оценивает ситуацию объективно. А ведь бывает и так, что «провинившийся» отдается на откуп тому, кто жалобу составляет. Кстати, в числе наших организаций-соучредителей согласился выступить объединенный комитет театров горкома профсоюза работников культуры.

А вот еще одна, очень дорогая для нас идея. Оказание организационной поддержки экспериментальным начинаниям творческих работников в процессе деятельности мобильных творческих образований — так обозначили ее мы в проекте положения. Смысл в том, чтобы дать возможность раскрыть свои способности молодым, неустроенным, поддержать режиссеров, актеров. Это обязаны делать именно театральные менеджеры. А происходить это, мы полагали, будет так. Создадим экспертную комиссию, куда войдут критики, социологи и члены ассоциации. (Без режиссеров, актеров и драматургов, чтобы не было субъективизма, ориентации на собственные творческие убеждения.) И если режиссер хочет поставить спектакль, он может показать экспертной комиссии свою экспликацию. В случае, если комиссия решает, что это интересно, мы его «покупаем» — даем деньги, возможность набрать актеров и прокатываем этот спектакль. Это только один из вариантов. Есть давняя идея театральных гала-концертов и многое другое...

— А кто будет все это осуществлять?

— Мы считаем, что, не отрываясь от основной работы, два часа в день можно потратить на работу в ассоциации. Мы — это молодежь. Много желающих включиться среди студентов ГИТИСа. Некоторые наши старшие товарищи говорят, что их больше привлекает клубная деятельность ассоциации, работы им на работе хватает. Что же, мы готовы создать им все условия для отдыха.

Работать, повторяю, есть кому. Главное, чтобы нас поскорее учредили, дали юридический статус.

За этим мы обратились в Союз театральных деятелей РСФСР, в совет театральных руководителей при комиссии по вопросам совершенствования театрального дела. Там сначала удивились, что профессионалы объединяются как любители по положению «О любительских объединениях». Но, к сожалению, моделей, по которым можно сегодня создавать предприятия, крайне мало, а там есть пункт про творческую интеллигенцию... Затем мы сделали поправки, привели все в соответствие с уставом Союза. И тогда нам предложили образоваться в профессиональную творческую секцию, и в этом варианте утвердили, предложили к сентябрьскому заседанию секретариата подготовить документы. Но, кажется, мы опять вступили в какое-то противоречие, потому что по уставу СТД секции создаются для членов Союза, а многие будущие члены секции таковыми не являются. Затем — право учреждать кооперативы есть. Но зачем кооперативу как гарант Союз? И как быть с расчетным счетом? Перечислять деньги в бухгалтерию СТД? Но нужна ли ей лишняя нагрузка? В общем, все пока ужасно запутано. Но — будем надеяться...

Да, выходит, что и администраторы могут не совсем все... Но — будем надеяться. Кажется, в Ленкоме затеяли очень хорошее и нужное дело.

Беседу вела
Мария ДЕМЕНТЬЕВА.

чившая возможность творить, творит, каждый раз вступая с обществом в сложные, отчасти эмоциональные взаимоотношения, добиваясь нового, трудно заработанного и потому счастливого контакта.

Опасаюсь вульгарных аналогий, но думаю, что похожие стимулы и настроения посещают и «цивилизованных кооператоров» (выражение В. И. Ленина). Преуспевающий руководитель, равно как и лицо, взявшее на себя ответственность за средства производства, играет (творит) уже не нотами и красками, а сгустками человеческого труда (необязательно своего собственного).

Когда я с артистами ставлю новый спектакль, у нас не существует «фатального» исхода, связанного с обязательными творческими и финансовыми радостями. Новый спектакль может завоевать свое престижное место в сложной, постоянно меняющейся иерархии театральных достижений, но может и оказаться лишним на театральном рынке. Парадоксально, но риск — обязательное условие подлинного творчества.

Лично я полагаю, что выход нового советского предпринимателя на рынок потребительских и общественных интересов во многом напоминает игровой поиск в театральном мире и вообще в сфере искусства.

Но можно ли сравнивать искусство и спорт, поэзию и производство? Может быть, и нельзя, но полезно. В нашем все усложняющемся мире утилитарные и эстетические механизмы феноменальным образом сближаются и даже синтезируются, особенно под воздействием бурного расцвета дизайнерского искусства.

Похоже, нам не нужны больше бескрылые исполнители поступающих сверху команд — нам потребны свободные, дерзкие и одухотворенные творцы.

Относительно «одухотворенности» («цивилизованности») нас предупреждали и предупреждают многие, в том числе весьма любопытная личность в современной экономике США — Джордж Гилдер:

«...Случайность — это основа перемен и сосуд божественного. Принцип лотереи — это первостепенный факт человеческой жизни, начиная с момента его биологического зачатия от одного из миллионов сперматозоидов. Все мы вступаем в жизнь — как победители в тотализаторе, в котором приняло участие астрономическое число игроков... Случайность не только образует центральную ось человеческой судьбы, но еще и является глубочайшим источником разума и нравственности. Для того, чтобы сделать первый шаг в эволюции, нужно поставить мысли в такие ситуации, в которых они могли бы свободно играть...»

Мы так редко цитируем ученых-немарксистов, да еще с такими подозрительными суждениями, что хочется привести еще несколько слов человека, ратующего за перестройку экономики в США:

«...Планы — это в большей степени мифы извечного рационалистического мира, суеверные обряды, с помощью которых правительства, предприниматели или мыслители завоевывают доверие людей для совершения искупительных актов... Интуиция и вера — это первые фазы в продвижении идей... Успех всегда непредсказуем,— и поэтому он всегда является результатом веры и свободы»*.

Я привел эти цитаты, чтобы мое выступление о менеджерах было спорным, дискуссионным и, возможно, ошибочным. Если всю жизнь ошибаешься, не стоит искушать судьбу и изрекать бесспорные истины. Скучно.

Что мне нравится в менеджерах или по крайней мере в тех людях, которые хотят так называться?

Они, как поэты и художники, не назначаются министерством, а приходят неизвестно откуда и заявляют о себе сами. Театральные менеджеры, возомнившиеся основать АСТЕМ, вызывают во мне особое доверие, поскольку я необъективен к работникам Московского театра имени Ленинского комсомола и еще потому, что объективно театральная среда в России всегда отличалась особой дееспособностью, добротной взрывоопасностью и редким контактом с общественным подсознанием.

О недостатках этой профессии.

Доморощенные менеджеры — субстанция хрупкая. Для того чтобы окреп менеджерский корпус в нашей державе, необходимо создать ему особые условия. Менеджеры должны верить своему государству, не бояться его вероломных акций, законоположений, инструкций и прочих торпедирующих ударов, которыми так изобиловали даже и недавние годы.

От менеджеров можно ждать неприятностей. Они могут быстро осмелеть, не вписаться в пятилетнее планирование и втайне иронизировать по итогам социалистического соревнования. Их ирония — предупреждаю заранее — может подняться даже до переходящих красных знамен, которыми награждаются передовые парикмахерские и продовольственные магазины, добившиеся звания образцовых. Если менеджеров не одергивать, они могут позволить себе также бестактные выкрики вроде: «Планирование есть господство прошлого над настоящим».

Еще хуже другое. Если в некоторых безмятежных селах отдельных безмятежных односельчан раздражают семейные подряды и их руки как бы сами по себе тянутся к бензину и спичкам, менеджеры (в особенности преуспевающие) могут вызвать в народе еще большую решимость. К тому же — очень нерусское слово. Это тоже проблема.

В нашей истории были менеджеры, которые назывались по-другому. Однако придать менеджерам русское наименование — значит протянуть ниточку и даже вызвать возможные ностальгические воспоминания о российских управляющих, предпринимателях, торговцах, купцах, фабрикантах и прочих эксплуататорах начала столетия. Не хочется этого признавать, однако наши дельцы в 1913 году не просто успешно конкурировали со своими западноевропейскими коллегами, но в ряде случаев демонстрировали «игровое преимущество». Об этом очень хорошо рассказал недавно В. Селюнин в своих «Истоках» («Новый мир» № 5, 1988).

Я не собираюсь умиляться российскими капиталистами, не хочу идеализировать даже фабриканта К. С. Станиславского, но признать их объективные заслуги, очевидно, настало время. Славу нашей державе приносили не только великие писатели и артисты, но и выдающиеся творцы материальных благ. Одаренные предприниматели в проклятом прошлом чутко ощущали бурный взлет российского искусства девятисотых годов, его мировое лидерство, и посему, плотно связанные с общенародными интересами, многие из них вносили свой неоценимый вклад в поддержание художников, литераторов, артистов. Вообще, русский деловой человек на рубеже столетий удивительным образом форсировал космический взлет национальной экономики и, более того, зачастую финансировал революционное движение. И не по глупости, как думают некоторые, а в силу своего особого «сверхчувственного контакта» с передовыми общественными устремлениями...

Так, может быть, предпринимательский талант не подлое свойство души, как мы думали в течение многих десятилетий, но редкое и особо ценное достояние народа?..

Таланты (в ограниченных количествах) могут появляться повсюду, не только на театральной сцене, но и особенно — за кулисами. Вот почему не стоит отмахиваться от нового поколения театральных антрепренеров и управляющих, несмотря на то, что они хотят называться менеджерами. Пусть себе называются. На здоровье.

Да здравствует АСТЕМ, даже если ей суждено погибнуть в неравной борьбе!

* Из книги Д. Гилдера «Богатство и бедность». В основе взглядов Гилдера лежит убеждение в том что экономисты живут в мире цифр, а реальный мир — это мир, в котором воля, вера и воображение играют гораздо более важную роль, чем цифры.

АЗБУКА ГЛАСНОСТИ

ДО И ПОСЛЕ ОВАЦИЙ

Лев ОВРУЦКИЙ

Мысль Ленина о том, что год революционных преобразований равен десятилетиям сонной, застойной жизни, находит себе подтверждение все чаще. За три прошедших года мы значительно продвинулись в понимании диалектического единства «верхов» и «низов». Все далее в прошлое уходит полупатриархальный, полуфельдфебельский расклад, согласно которому партия безапелляционно указывала «Надо!», а народ мгновенно становился во фрунт: «Есть!» Необходимое в политике единство действий сегодня органично дополняется тем, что некоторые хотели бы если не вычеркнуть, то подзабыть,— свободой мнений. Она сегодня распространена столь широко, что даже с давнего лозунга «Дело партии — дело народа!» опадает риторическая шелуха.

Съезды партии — вехи ее истории и моментальные рентгеновские просвечивания. Читая стенографические отчеты, переходишь из эпохи в эпоху: ленинская, сталинская, хрущевская, брежневская.

Я нарочно беру VIII и XXVI съезды — две крайние точки развития партии. Что собой представляла партия в 1919 году? Она скромна и демократична. Члена ЦК не отличить от рядового делегата, а доклад Ленина критикуется так непринужденно, будто это председатель профкома отчитывается о выполнении коллективного договора.

Партия деловита и работоспособна. Съезд создал организационную, аграрную и военную секции, где подробно рассматривались соответствующие вопросы. Затем эти же вопросы обсуждались на пленуме съезда, и по каждому создавались комиссии для выработки резолюций. Проекты резолюций (их было 13) зачитывались пункт за пунктом и пункт за пунктом же обсуждались. Вносились поправки, проекты после обмена мнениями ставились на голосование и либо принимались, либо отвергались. Точно так же шла работа над проектом Программы партии: сначала доклады Ленина и Бухарина, затем 12 выступлений в прениях, работа программной комиссии, зачтение параграфа за параграфом с подробным изложением мнения комиссии по каждому из них, поправки, голосования.

Это было великолепной работой. Живых трансляторов демократических традиций тех времен уже нет, но остались документы, к чтению которых и приглашаю.

Прошу прощения, буду цитировать подробно, ибо замечаю, как крепнет иллюзия, будто в ленинской партии пребывала исключительно ленинская гвардия. Иллюзия эта идет от потребности в нравственной опоре, когда спускаешься в сталинскую преисподнюю. Но, откуда бы она ни шла, нужно от нее отказаться и видеть правду такой, какая она есть. Партия — ленинская, но не потому, что в ней нет примазавшихся, а потому, что о них говорят во весь голос и изгоняют прочь.

Ногин: «...Пора все-таки на этом съезде сказать еще другую истину: что наша партия опустилась, что работники на местах и в центре ведут себя так, что позорят имя партии... В нашей комиссии при ЦК по строительству партии... мы получили такое бесконечное количество ужасающих фактов о пьянстве, разгуле, взяточничестве, разбое и безрассудных действиях со стороны многих работников, что просто волосы становились дыбом... Мы слишком поздно стали вскрывать «маленькие недостатки механизма» в наших партийных рядах... И великим преступлением будет, если съезд честно не признает и не примет мер к устранению тех зол, о которых я говорил...»

Сосновский: «...Когда мы спрашивали т. Ленина, каким образом сделать так, чтобы средний крестьянин был на нашей стороне, что мы можем ему дать, т. Ленин сказал: «Накормить мы его не можем, мануфактуры дать не можем, дать такую программу, которая удовлетворяла бы его собственнические интересы, не можем, но можем перестать безобразничать и вести башибузукскую политику, которую ведут провинциальные товарищи, начиная от уезда и кончая губернией...»

Осинский: «...В настоящее время старые партийные товарищи создали целый чиновничий аппарат, построенный, в сущности говоря, по старому образцу. У нас создалась чиновничья иерархия... Этим в значительной степени объясняются безобразия, которые производят «люди с мандатами», на этой почве и развивается произвол...»

Зиновьев: «...Действительно, нельзя скрывать на съезде того факта, что местами слово «комиссар» стало бранным, ненавистным словом. Человек в кожаной куртке, как говорили в Перми, в народе стал ненавистным. Скрывать это было бы смешно, надо смотреть правде в лицо... В некоторых уездах исполкомы запретили колокольный звон. Они этим помогают попам и религии, как никто. Они добьются того, что мужики, которые наполовину были против попов и против колокольного звона, будут ждать колокольного звона как благовеста... Разве вы не читали в елизаветградских газетах, что на другой день после того, как в этом городе Советы взяли власть от петлюровцев, в Совете в течение четырех с половиною часов высказывались 17 ораторов; обсуждали вопрос: бить или не бить «жидов», не больше и не меньше. И большинством голосов решили, что лучше пока не бить. Подробно обсуждался вопрос о том, допускать или не допускать евреев на ответственные посты в Советы, и большинством голосов решили, что бывают и из евреев приличные люди».

Что ж, и в партийной семье не без урода. Даже не без многих. Важно только не вгонять подонков в номенклатурную «обойму», не живописать их в профиль, когда выясняется, что анфас ущербен.

Театр начинается с вешалки, партийный съезд — с регламента. С него и начну сравнение. Регламент VIII съезда РКП(б) включал в себя 12 пунктов, некоторые из них звучат, как «преданья старины глубокой». Например:

«1. Президиум съезда избирается в количестве 7 человек и 3 секретарей.

...4. Каждая группа делегатов с решающим голосом, насчитывающая 40 человек, может выставить своего докладчика.

...6. Внеочередные запросы и заявления за подписью не менее 20 делегатов оглашаются немедленно, никакие прения по запросам и заявлениям не допускаются.

...10. По мотивам голосования дается 3 минуты после голосования.

11. ...По требованию 15 товарищей с решающими голосами должно быть произведено поименное голосование.

12. Президиуму предоставляется право образовать секции по отдельным пунктам порядка дня или по отдельным детальным вопросам партийной работы...»

Регламент XXVI съезда ограничен всего тремя пунктами: о времени заседаний, о 15 минутах для участвующих в прениях (в прениях — ?!!) и о том, что замечания и предложения должно вносить в секретариат в письменном виде (надо ли говорить, что стенографический отчет не содержит ни малейших следов каких-либо замечаний и предложений). Работа в секциях, выставление содокладчика, выступления по мотивам голосования, внеочередные запросы, именные голосования — каждый ли нынешний член партии с многолетним стажем знает, что это, собственно, такое? Зачем в самом деле содокладчик, если докладчик непререкаем? Какие такие могут быть мотивы у завсегда единогласного голосования? К чему внеочередные запросы, когда все решается в «рабочем порядке»?

XXVI — это съезд оваций. Они начались, едва куранты на Спасской башне пробили десять. Избрание президиума (124 чел.) было встречено бурными аплодисментами, приглашение избранным в него занять свои места отозвалось в душах делегатов менее бурно, зато более устойчиво: стенографист зафиксировал «продолжительные аплодисменты». И «аплодисменты» — когда сформировался секретариат съезда. (29 чел.). 80-страничный доклад Л. И. Брежнева прерывался аплодисментами 78 раз, продолжительными аплодисментами — 40, бурными, продолжительными аплодисментами — 8.

Структура выступлений была примерно такова: 30—40 процентов — ритуальные поклоны, половина — самоотчет (республики, области, края, района, колхоза или больницы — в зависимости от должности оратора). Иногда в одном абзаце содержалось деликатное предложение, адресованное Госплану, Госснабу и т. п. ведомству «обратить внимание», «глубже вникнуть», «оказать помощь». В заключение следовал блок, заклинающий Центральный Комитет и «лично...», что трудящиеся (республики, области, края, района, колхоза или больницы) «не пожалеют сил» либо, напротив, «приложат все силы».

Ритуальные поклоны отвешивались по крайней мере в трех направлениях. Во-первых, фимиам курился перед монументальной фигурой лично Леонида Ильича, что доставляло некоторое неудобство престарелому лидеру. Телевизионные камеры с умилением фиксировали, как время от времени он смахивал с уголков глаз набегавшую раз за разом скупую мужскую слезу.

Выписывая эпитеты, которых многажды удостаивался Генеральный секретарь и которых ни разу не слыхивал первый председатель Совнаркома, я полагал, что несколько десятков выступающих непременно начнут повторяться. Ничуть не бывало. Русский язык вполне оправдал свою репутацию великого и могучего, он точно выразил мельчайшие оттенки чувств, обуревающих ораторов. Всего 6 раз Брежнев был назван "верным продолжателем бессмертного дела Ленина", трижды — «выдающимся политическим и государственным деятелем» и "пламенным борцом за мир и коммунизм", дважды — "верным марксистом-ленинцем". Остальные характеристики были неповторимы, тут надо отдать должное безымянным редакторам, правящим тексты выступлений. Отмечались «страстность и проницательность», «глубокая отзывчивость и внимание к людям труда», «постоянная забота о благе народа», "могучий ум, беспокойное сердце", а также "горячее сердце и выдающийся ум". К этим личностным характеристикам присовокуплялись на первый взгляд не вмещающиеся в одного человека деловые качества, именно: «государственная мудрость и прозорливость», «неиссякаемая творческая энергия», «богатейшие теоретические знания», «мудрый теоретик», «неиссякаемый талант дальновидного и гибкого политика», «наш мудрый руководитель», "громадный политический и организаторский талант" и просто «талантливый организатор». Последнее, по-видимому, граничило с известной недооценкой.

«Достойный сын рабочего класса» и «всенародно признанный лидер» тянулся к Ленину, как мальчик к елочным игрушкам. И точно так, не умея до них возвыситься, принижал их до себя: «руководитель подлинно ленинского типа», «ленинская принципиальность и человечность», «великий революционер-ленинец», «ленинская мудрость», «выдающиеся качества революционера ленинского типа», «ленинский стиль работы», «по-ленински глубоко, с гениальной ясностью», «в фундаментальных трудах раскрыты диалектические

закономерности развитого социализма» и т. д. и т. п.

Второй иконой, перед которой надлежало лбы разбивать, был Отчетный доклад Центрального Комитета. Во времена Ленина, когда слова выражали лишь то, что они выражали, Отчетный доклад ЦК означал доклад, в котором ЦК отчитывался перед партией о своей деятельности. И в прениях по докладу ЦК обсуждалась и критиковалась деятельность ЦК, а тот, кто находил ее удовлетворительной, попросту не выступал. Большевикам показалась бы вздорной мысль, будто может делегат взойти на трибуну единственно, чтобы похвалить доклад. И уж вовсе невероятным и абсурдным, чтобы член ЦК распевал дифирамбы докладу ...ЦК. Между тем на XXVI съезде из 40 выступавших в прениях по докладу ЦК 36 человек были членами ЦК.

И как они выступали!

В докладе были отмечены достижения «в развитии творческой активности производственных коллективов и коммунистического воспитания трудящихся» Московской партогранизации. В. В. Гришин ответствовал: «Доклад... произвел сильное, незабываемое впечатление, вызвал чувство гордости за нашу партию и страну, ее великие достижения... Это выдающийся документ творческого марксизма-ленинизма. Он вооружает партию новыми теоретическими выводами и обобщениями, вдохновляет советских людей на дальнейшие трудовые свершения».

А в это время великий город задыхался в тисках сотен проблем, цвело то, что называлось потом рыбным делом, елисеевским делом, щелоковским, чурбановским...

В докладе было сказано о «крупных достижениях хлеборобов Казахстана». Последовала адекватная реакция Д. А. Кунаева: «Этот беспримерно емкий документ, вобравший в себя коллективную волю и мудрость Центрального Комитета, подводит итоги гигантской целеустремленной работы партии и народа, вносит большой вклад в теорию и практику коммунистического строительства, служит боевым руководством буквально по всем позициям... Можно без преувеличения сказать, что значение Отчетного доклада ЦК всемирно».

А в это время на Атбасарском кладбище возводился монументальный памятник белогвардейцу Ялымову — тестю Кунаева, катастрофически пустели полки магазинов, под промышленной мышцей республики вздувались капилляры родоплеменного родства.

Докладчик по касательной прошелся насчет «почина партийных организаций Кубани». С. Ф. Медунов не заставил себя ждать: «В чеканных и мудрых положениях Отчетного доклада Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев по-ленински глубоко, с гениальной ясностью раскрыл богатый практический опыт нашей партии, дал научный анализ ее внутренней и внешней политики в стремительно меняющихся острых ситуациях современности, наметил захватывающие перспективы дальнейшего восхождения к вершинам коммунистического общества».

А в это время сочинско-краснодарская мафия была в расцвете самонадеянной силы, и заместитель Генерального прокурора СССР предостерегал Аркадия Ваксберга от поездки на тихий Дон...

Доклад увязывал успехи «тружеников хлопковых полей Узбекистана» с «усилением работы партогранизации». Шараф Рашидович был на месте: «Всеохватывающий доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева содержит марксистско-ленинский анализ положения в мире, яркую картину итогов деятельности партии, общества развитого социализма по выполнению решений XXV съезда КПСС. Проникнутый заботой о благе народа, о прочном мире, неиссякаемой верой в правоту и победу нашего великого дела, Отчетный доклад вооружает партию, всех советских людей научно обоснованной программой действий на восьмидесятые годы. В нем сконцентрирован огромный, поистине бесценный опыт коммунистического созидания. Разработанные в докладе важнейшие теоретические обобщения и выводы имеют огромное значение для исторических судеб всего человечества».

А в это время хлопковые миллиарды расходились по рукам, бешеные деньги задавали работу следователю Гдляну на многие годы, и советская милиция стерегла шлагбаумы, отгораживающие ханство Адылова от внешнего мира.

Наконец, в-третьих, предметом восхищения служила предприимчивость Леонида Ильича, его бесконечная инициативность. Большой, надо сказать, был затейник. Мало того, что по его задумке разрабатывались Продовольственная программа, комплексные программы развития транспорта и Нечерноземья, так он еще выдвинул «задачу рационального использования трудовых ресурсов», «историческую инициативу о создании отечественного рисосеяния», ему Дальневосточный регион обязан «ускоренным комплексным развитием», с его именем связано «создание и успешное развитие» электронной промышленности, при его «активной и самой непосредственной поддержке» развивался Южно-Таджикский территориально-производственный комплекс.

Если Сталин был скромным корифеем наук, то Брежнев приобрел статус и супервыдающегося литератора[1]. Так, первый секретарь Правления Союза писателей СССР отметил огромное воздействие на все виды и жанры искусства книг «Малая земля», «Возрождение», «Целина»: «Эти подлинно народные книги обогатили духовную жизнь советского общества, показали высокий образец партийного мышления, побудили художников всех поколений на более объемные и глубокие исследования современности, на более весомые художественные обобщения».

Как водится, была образована комиссия для подготовки проектов резолюций, в нее вошли 123 человека. Магия цифр завораживает: почему 123? А не 120 или 125? С холодком в груди чувствую здесь проявление высшего, отнюдь не гегелевского разума. Резолюция, предложенная ста двадцатью тремя, состояла из четырех абзацев, а собственно резолютивная часть из двух (41 слово, включая союзы и предлоги):

«1. Целиком и полностью одобрить ленинский курс и практическую деятельность Центрального Комитета партии.

2. Одобрить Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС и предложить всем партийным организациям руководствоваться в своей работе положениями и задачами в области внутренней и внешней политики, выдвинутыми в докладе товарищем Л. И. Брежневым».

Как палеонтолог по единой косточке (скорее всего собачьей) воссоздает динозавра, так я, читая текст резолюции, пытаюсь вообразить ее первоначальный, не тронутый 123 редакторскими карандашами вид. И охотно признаюсь в дремучем текстологическом невежестве.

Над кем, однако, смеемся? Холуйская это повадка — валить на покойное «начальство» все неудачи. Оборотная сторона культа. Только слабые, заметил Фадеев, ищут виновных вокруг себя. И подтвердил это собственной смертью.

А где были мы, коммунисты? Не мы ли создавали у верхов иллюзию всеведения и всемогущества, являя собой все одобряющий мелкий партийный народец? Не ко времени и жалок лепет оправдания: «А что я мог поделать?» Его в жесткий упор следовало задавать себе, когда писали под копирку: «Прошу принять... Хочу быть в первых рядах... С Программой и Уставом...»

Между тем в Уставе обозначен длинный перечень обязанностей членов партии. «Выступать активным поборником всего нового, прогрессивного...» Выступали? Поборником? Нового? Прогрессивного? Отчего же страна находилась в перманентном технологическом отступлении, а новаторы, движители прогресса,— в загоне?

«Служить образцом исполнения гражданского долга...» В чем же состоял наш гражданский долг? В частом и синхронном сокращении локтевого сустава, равнодушном взирании на язвы Отечества, упоительном повышении собственноличного «жизненного уровня народа»?

«Строго соблюдать нормы коммунистической морали»... Когда говорят о коммунистической морали, представляю себе Ленина, получающего по разнарядке штаны и башмаки и жалующегося Бончу, что в накладной указана подозрительно низкая цена. Воображаю этику Самуила Воскова. К нему пришел в гости Альберт Рис Вильямс, знакомец по американской эмиграции. Сохранился рассказ Вильямса, как дочь Воскова наябедничала на брата, что он бабочек кушал. С голодухи. А служил тогда Восков комиссаром продовольствия Северной Коммуны, распоряжаясь вагонами и эшелонами хлеба. Не знаю, поймет ли, о чем речь, читатель мой — директор гастронома. А ведь все они, кажется, у нас при партбилетах...

«Овладевать марксистско-ленинской теорией»... Если и овладевали, то насилием, как девкой, превращая вечнозеленое древо теории в обрубок. Из марксизма-ленинизма извлекался безжизненный экстракт, цитатник. И на нем восседали мы таким обширным седалищем, что коричневое и синее многотомье даже краешков своих не казало.

«Развивать критику и самокритику, смело вскрывать недостатки и добиваться их устранения, бороться против парадности, зазнайства, самоуспокоенности, очковтирательства, давать решительный отпор всяким попыткам зажима критики, выступать против бюрократизма, местничества, ведомственности»...

Развивали? Вскрывали? Боролись? Давали отпор? Отчего же торжествовали показуха и рапортомания? И «Монетный двор» не успевал штамповать ордена и медали? И критика не зажималась, а просто искоренялась? И бюрократизм, подобно Воланду, правил бал? И партийность повсюду побиваема была ведомственностью?

Мы не исполнили уставных требований. Мы оказались плохими членами партии. Нас становилось все больше, а социализма все меньше. Это так — поднимем глаза к правде. Еще и еще раз заглянем за грань кризиса, к которой мы, коммунисты, и никто другой, подвели страну.

В январе 1921 года Ленин пишет работу «Кризис партии». В ней слова: «Надо иметь мужество смотреть прямо в лицо горькой истине. Партия больна. Партию треплет лихорадка». Сегодня категорическим императивом выступает наша обязанность спросить себя: партия выздоравливает? Но, чтобы говорить о выздоровлении, следует взвесить тяжесть недавней и еще не прошедшей болезни. И отказаться от прекраснодушного представления, будто общество было в застое и предкризисе, а партия неизменно динамична и на подъеме.

Еще и сегодня при слове «инициатива» некоторые партийцы вздрагивают и хватаются за «вертушку». Нас не поймут! — сокрушаются. Кто не поймет? Народ! Но очи возводят — горе. Точнее, холмушке, где покоятся директивные офисы. Низ-з-зя-я, говорят они, воспользуюсь словцом Маяковского, «голосом ожившего лампадного масла».

Они мыслят классическими образами: почин бывает великим, когда в депо Москва-Сортировочная ремонтируют паровоз. А всякий иной подозрителен и должен быть одобрен — сами знаете кем.

Папа Карло брал деревяшку, удалял лишнее, получался живой человечек. Они же берут человечка, удаляют живое, получается деревяшка. И ее кладут в поленницу, взор ласкающую строгостью и соразмерностью.

Им давали шанс перестроиться — и не один. Но, подобно французским роялистам, они ничему не научились и в отличие от них все забыли.

Не могу не упомянуть о тезисе Ф. Бурлацкого («ЛГ», 15 июня, 1988). По его мнению, внутрипартийный плюрализм призван учитывать две главные традиции: ленинскую, демократическую, и сталинскую, автократическую. И внутрипартийная борьба этих традиций будет, как думает автор, содействовать революционным преобразованиям в обществе.

С этим невозможно согласиться. Партия — политический авангард общества, а не его точная модель. Ф. Бурлацкий исходит из действительного, полагая, что оно разумно. Мы говорим «партия», подразумеваем — Ленин и Сталин? Ситуация, когда коммунистическая партия, превращаясь в дискуссионный клуб, числит в своих рядах исповедующих авторитаризм, представляется мне алогичной. Если часть авангарда плетется в арьергарде, путаются стратегические карты перестройки и существует опасность, что они будут биты.

Партия — это сплошная Гора, ее структура равно отторгает Жиронду и Болото. Оздоровление партии — пионерный процесс. Сначала — партия, затем — все общество. По-иному перестройка не делается.

* * *

Это было написано за несколько дней до XIX Всесоюзной партконференции. Анализ, принятых на ней резолюций — предмет отдельного разговора. Но уже сейчас очевидно: рубикон, разделяющий застойный авторитаризм и социалистическую демократию, окончательно перейден. В застой возврата не будет.

Скептику предлагаю вспомнить, что сорок всего не лет, а месяцев назад тезис о неотъемлемом праве каждого гражданина на получение по любому вопросу общественной жизни полной и достоверной информации и об ответ-

[1] Пролью немного бальзама на истомленную душу сталиниста. Похоже, Брежнев стал писателем, не написав ни строчки, в то время, как Сталин был поэтом, никогда и нигде об этом не упоминая. Арсений Тарковский рассказывал мне, как в одну прекрасную ночь 1949 года за ним пришли. Жил он тогда в Варсонофьевском переулке, можно сказать, напротив Лубянки, и, естественно, ожидал, что повезут его на жительство напротив собственного дома. Но машина прошла вниз, к Большому театру. В Бутырки, решил Тарковский. Но и это предположение не оправдалось: обогнув Манеж, машина въехала в ... Кремль. Какими-то коридорами, лестницами, подъемами и спусками провели его в кабинет, там были двое. Маленков (его легко было узнать по портретам) и второй — плотный и лысый (потом выяснилось — Поскребышев). Опускаю подробности, у меня еще будет случай к ним вернуться, сообщаю главное: Арсению Александровичу было поручено перевести с грузинского юношеские стихи Иосифа Виссарионовича — приближалось 70-летие вождя, и друзья хотели преподнести ему сюрприз. Несколько недель провел он над этой работой, сколь интересной, столь и опасной. Закончилась она так же неожиданно, как началась. В другую прекрасную ночь его привезли в тот же кабинет, и Маленков сказал (передаю дословно): «Товарищ Сталин узнал о нашей затее и со свойственной ему большевистской скромностью попросил нас это не делать». Состоялся обмен портфеля с рукописями на портфель, в котором оказался гонорар, каковой, по скромному замечанию Арсения Александровича, был много выше обычного. Я спросил, о чем стихи. О горах, ответил Тарковский, о природе. Обычные юношеские стихи. А о любви были? Странно, только сейчас удивился Тарковский, о любви не было...

ственности за воспрепятствование реализации такого права трактовался как отравленный продукт диссидентства, порожденного вражескими радиоволнами.

Давно ли требование создания надежных гарантий против субъективизма, самоуправства, влияния личных и случайных обстоятельств на партийную политику трактовалось как очернительство? Сегодня оно подкреплено авторитетом партии.

Много ли воды утекло с тех пор, как бюрократизм перечислялся в ряду «отдельных недостатков», где-то между несунами и «другими нарушителями трудовой дисциплины»? Сегодня этому посвящена развернутая резолюция, и обычно сухой язык резолютивной прозы обогатился тропом: «социальная скверна бюрократизма». Борьба ей, говорит партия, и борьба бескомпромиссная.

Повторяю, систематический анализ — дело будущего. Я же черпаю наугад и заключаю: процесс выздоровления партии начался. Он идет и пойдет. К партии возвращается ушедшая было от нее на долгие десятилетия живая ленинская душа.

Дворец съездов построен относительно недавно, и прав М. С. Горбачев, заметивший, что такого разговора, какой состоялся на конференции, это почтенное сооружение не знало. Преодолевая наработанный десятилетиями свой (и многих) скептический рефлекс, еще раз соглашусь с Генеральным секретарем: атмосфера общепартийной дискуссии была остра, принципиальна и нелицеприятна. Когда у нас в самом деле случалось, чтобы кто-то из делегатов партийного форума открыто оппонировал Генсеку? На XIX Всесоюзной это было, и не раз. И ничего, завеса в храме не разорвалась надвое.

Партия продемонстрировала обретенный в перестройке навык вслушиваться, а не вздрагивать при произнесении разнящихся друг с другом суждений. Характерный тому пример — различие оценок, содержащихся в докладе М. С. Горбачева и выступлении Ю. В. Бондарева.

Доклад: «Возникла новая общественно-политическая атмосфера — открытости, свободы творчества и дискуссий, объективного, непредвзятого исследования, критики и самокритики. Идет подлинная революция сознания, без которой невозможно созидание новой жизни».

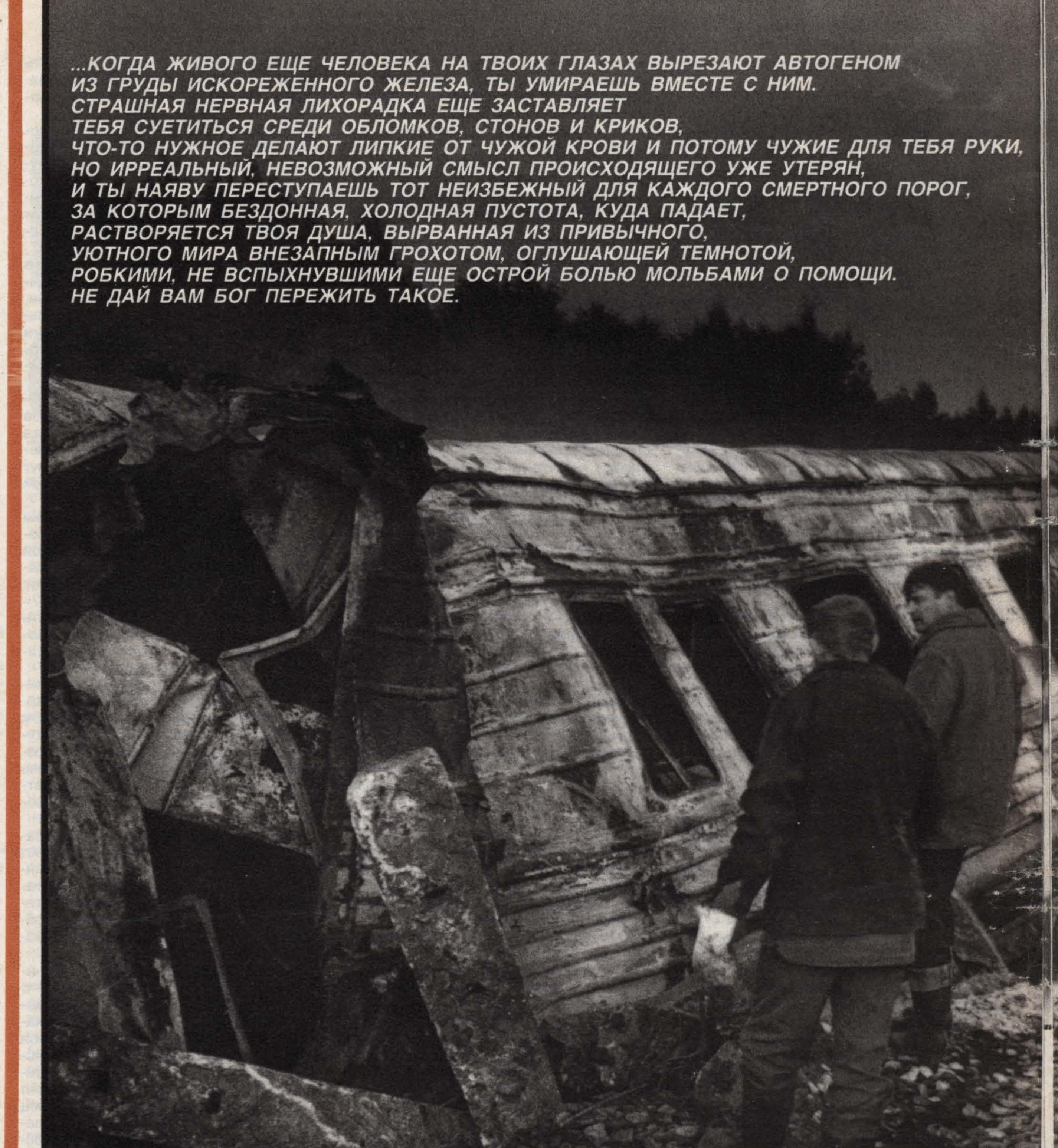
Ю. Бондарев: «Экстремистам немало удалось в их стратегии, родившейся, кстати, не из хаоса, а из тщательно продуманной заранее позиции. И теперь во многом подорвано доверие к истории, почти ко всему прошлому, к старшему поколению, к внутричеловеческой чести, что называется совестью, к справедливости, к объективной гласности...»

И ничего. Диаметрально противоположные оценки делегаты встретили равными по интенсивности и продолжительности вежливыми аплодисментами.

Ю. Бондарев завершил свое выступление упоминанием о древнем китайском понятии «шу», означающем «умение уважать и любить человека за то, что он есть на Земле; любить и беречь воду, ветер, небо, каждую травинку на краю обочины». Надеюсь, сфера действия снисходительного «шу», помимо ветра, трепетных былинок и пылинок, распространяется и на «рыцарей экстремизма», и на представителей «части нигилистической критики», шумящей, бранящейся, передергивающей и искажающей. Они ведь «есть на Земле». Что ж, приемлю китаизированные гуманизм и терпимость Ю. Бондарева, хотя мне, откровенно говоря, больше по душе авиаметафора Г. Бакланова.

Помните: пилоту надлежит сохранять хладнокровие, когда на вираже с английской королевой приключается мелкая неприятность. Разумею: не только с королевой. И не только с английской. Кое-кому надобно выпадать. Для продолжения полета...

...КОГДА ЖИВОГО ЕЩЕ ЧЕЛОВЕКА НА ТВОИХ ГЛАЗАХ ВЫРЕЗАЮТ АВТОГЕНОМ ИЗ ГРУДЫ ИСКОРЕЖЕННОГО ЖЕЛЕЗА, ТЫ УМИРАЕШЬ ВМЕСТЕ С НИМ. СТРАШНАЯ НЕРВНАЯ ЛИХОРАДКА ЕЩЕ ЗАСТАВЛЯЕТ ТЕБЯ СУЕТИТЬСЯ СРЕДИ ОБЛОМКОВ, СТОНОВ И КРИКОВ, ЧТО-ТО НУЖНОЕ ДЕЛАЮТ ЛИПКИЕ ОТ ЧУЖОЙ КРОВИ И ПОТОМУ ЧУЖИЕ ДЛЯ ТЕБЯ РУКИ, НО ИРРЕАЛЬНЫЙ, НЕВОЗМОЖНЫЙ СМЫСЛ ПРОИСХОДЯЩЕГО УЖЕ УТЕРЯН, И ТЫ НАЯВУ ПЕРЕСТУПАЕШЬ ТОТ НЕИЗБЕЖНЫЙ ДЛЯ КАЖДОГО СМЕРТНОГО ПОРОГ, ЗА КОТОРЫМ БЕЗДОННАЯ, ХОЛОДНАЯ ПУСТОТА, КУДА ПАДАЕТ, РАСТВОРЯЕТСЯ ТВОЯ ДУША, ВЫРВАННАЯ ИЗ ПРИВЫЧНОГО, УЮТНОГО МИРА ВНЕЗАПНЫМ ГРОХОТОМ, ОГЛУШАЮЩЕЙ ТЕМНОТОЙ, РОБКИМИ, НЕ ВСПЫХНУВШИМИ ЕЩЕ ОСТРОЙ БОЛЬЮ МОЛЬБАМИ О ПОМОЩИ. НЕ ДАЙ ВАМ БОГ ПЕРЕЖИТЬ ТАКОЕ.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДО

А если довелось, знаете, как долго и невозможно забыть об этом, ни волей, ни водкой не смыть мучительный кошмар воспоминаний, заклинивших память, словно перекошенные стальные двери вагонов, из пламени которых тянутся и не могут, не успевают выбраться беспомощные руки.

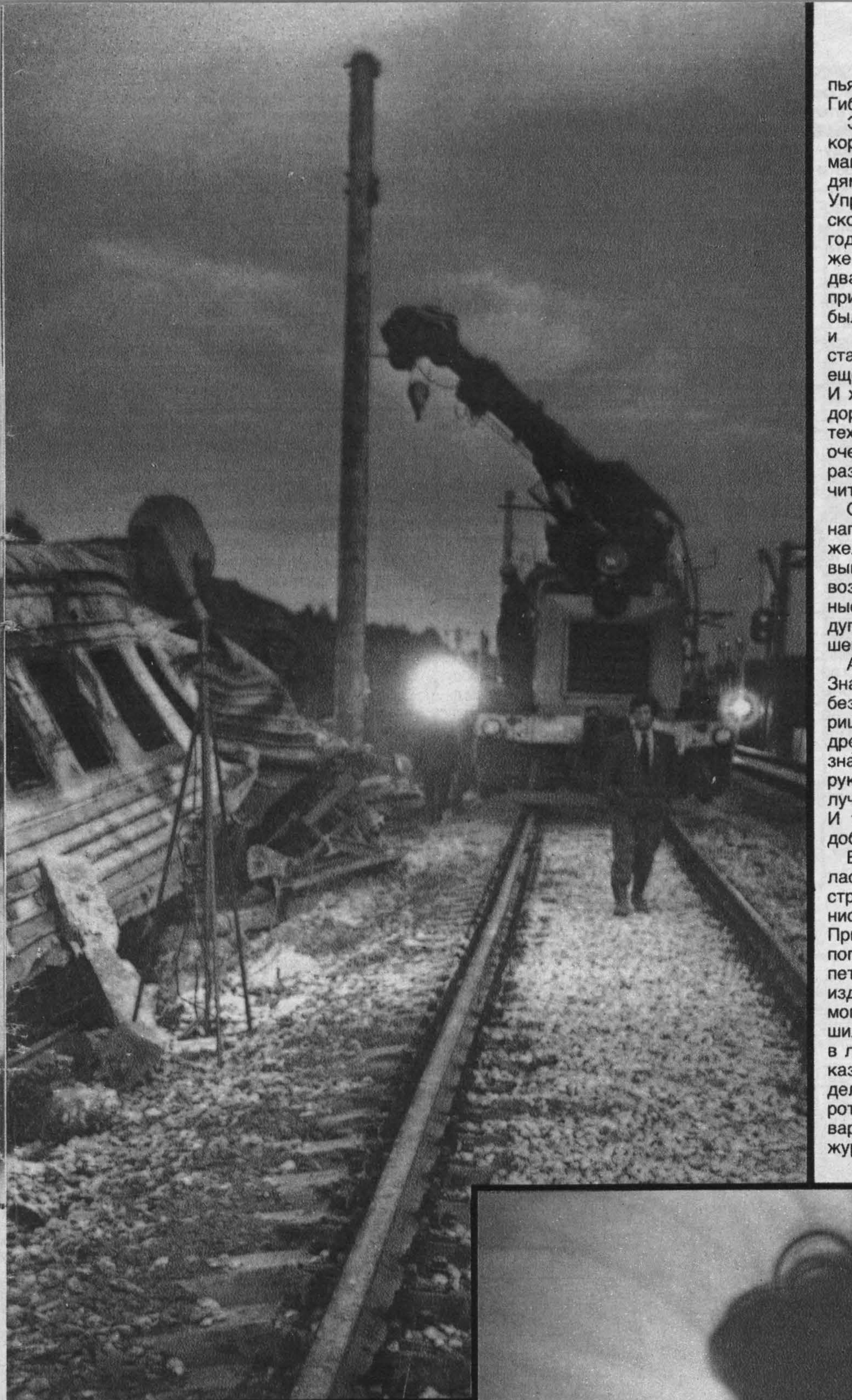
Потом это пройдет. Но зарубка останется навсегда. У каждого своя. Меня когда-то поразили птицы. Их равнодушное пение над братской могилой, еще минуты назад бывшей обычным пассажирским поездом.

За годы службы в железнодорожных войсках я навидался всякого. И давно простил неразумных пернатых. Что им до нашей скорби! Но вот кого ни понять, ни простить не могу, так это бравых генералов от МПС, сановников великой железнодорожной империи, автографы которых на бланках официальных ответов собираю уже лет десять, с тех пор, как впервые прикоснулся пером к болезненной для их самолюбия теме.

Прикоснулся робко, ровно настолько, насколько позволяла веревка, накинутая на горло журналиста в застойные годы, когда единственной, пожалуй, официально признанной болезнью нашего транспорта считалось хроническое недержание «честного слова» повысить культуру обслуживания пассажиров.

Внушительно выглядят официальные бланки ответственных ответов, решительно раздающих дисциплинарные щелчки провинившимся. Треску от тех щелчков вроде много, меры, если верить бумагам, принимались самые решительные, а вот результатов что-то не видать. Грязь, досаждавшая пассажирам в 1976 году, не истреблена поныне; простыни, протертые до дыр еще в те годы, обрели в дырявости бессмертие и продолжают службу; хамовитые проводники, меняя внешность и фамилии, тоже здравствуют благополучно.

Ситуация с пресловутым сервисом чем-то напоминает безнадежную попытку уложить ваньку-встаньку: не успеют пожурить виновных в Горьком, ан, глядь, уже надо принимать меры в Ташкенте. Управятся там, сигнал из Свердловска, разберутся с этим — нелады в Хабаровске. В общем, сказочка про белого бычка. И считалась она достаточно безобидной, пока речь шла о несвежем белье и опаздывающих электричках. Но вот позволили нам наконец услыхать и эхо взрывов, уносящих человеческие жизни. Что же генералы?

РОГА

«Курьянова подняли с постели на исходе ночи. Уже вбегая на станцию, заметил спешащего сюда же Беляева, секретаря парткома узла. Ворвался к дежурному по станции... ЧП!

Блуждающие взгляды, бессмысленные глаза, раскрасневшиеся лица, резкий водочный дух — разгоряченная компания: старший дежурный стрелочного поста Капустин, стрелочники Нетленов, Лукин, с ними помощник машиниста Зайцев. Лукин шарит по углам — ищет утерянный ключ от замка стрелочного перевода...

Ключ так и не нашли. И на три с половиной часа замерла, не работала одна сторона станции. Пока вызвали путейцев, а они заменяли замок...

Случилось это 25 января 1987 года на станции Сонково. На той самой, где два месяца назад — 25 ноября — из-за пьяниц горели пассажирские вагоны. Гибли люди...»

Это отрывок из очерка специального корреспондента газеты «Октябрьская магистраль» Ю. Андреева «Вернуть людям веру», опубликованного в органе Управления и Дорпрофсожа Октябрьской железной дороги 14 марта 1987 года. Читаешь — и волосы дыбом: кому же доверены наши жизни? Двадцать два человека, имевших, как правило, признаки хронического алкоголизма, были уволены здесь после крушения, и тем не менее новому начальнику станции А. Курьянову пришлось выгнать еще девять злостных нарушителей. И хоть трагедия заставила управление дороги оказать помощь станции новой техникой и новыми людьми, честный очерк коллеги не внушал оптимизма: разовой инъекцией внимания не вылечить давней, запущенной болезни.

О ней же в ноябре прошлого года напомнила начальнику Октябрьской железной дороги А. Зайцеву маневровый диспетчер станции Медведево (что возле Сонково) Л. Кузнецова. Тревожные факты, приведенные в письме, предупреждали: дело идет к новому крушению.

Автор письма знала, что говорила. Знала, как общественный инспектор по безопасности, как председатель товарищеского суда. Да, видать, подзабыла древнюю заповедь о том, что во многом знании много печали. Погладив местное руководство против шерсти, в итоге получила свое сполна: была уволена. И теперь пытается восстановить свое доброе имя через суд.

В феврале Лидия Яковлевна обратилась за помощью в «Октябрьскую магистраль», к заведующей отделом коммунистического воспитания Е. Мельник. Принципиальная позиция журналистки, попытавшейся защитить бывшего диспетчера, явно пришлась не по вкусу издателям газеты. Сильно укусить не могли, поэтому цапнули по-мелкому, лишили премии ко Дню печати. И сели в лужу: не сговариваясь, от премий отказалась и вся редакция, в связи с чем дело приняло неожиданно громкий оборот. Попытки власть предержащих товарищей воздействовать на строптивых журналистов успехом не увенчались: деньги (далеко не лишние в скромном бюджете коллег) не получены ими до сих пор.

Надеюсь, мы еще вернемся к этой истории, расскажем, чем закончился конфликт Л. Кузнецовой с местным начальством и управленцев с редакцией. Сейчас важно другое: и Сонково, и Медведево, и 308-й километр, где 16 августа случилась очередная трагедия,— это все звенья одной цепи, владения одного хозяина — Бологовского отделения дороги.

В какие же еще колокола надо было бить, чтобы очнулось, наконец, сообразило руководство Октябрьской железной дороги, что грубейшие просчеты в кадровой политике, многолетнее невнимание к социальным вопросам, откровенное пренебрежение человеком — будь то «посторонний» пассажир или «свой» путеец — не пройдут даром, обернутся бедой, способной повлиять и на их собственное благополучие?

— Легко упрекать,— взъярился один из чинов.— А вы сами пошли бы, например, в путейцы — в грязь, холод, мат, в немереные версты бесконечной работы? Причем труд в основном ручной, тяжелый. Видели, какие у нас бабы здоровые? И с жильем перспективы туманные.

В путейцы я бы не пошел, была уже такая строка в моей биографии. И, если честно, никому бы не посоветовал. Ведь не случайно в недавнем отчете расширенного заседания коллегии МПС и ЦК отраслевого профсоюза отмечалось, что сейчас на дорогах не хватает более трех тысяч монтеров пути и других работников путевого хозяйства.

«...Неукомплектованность должностей путейцев, а точнее, еще недавние их сокращение, привела к тому, что без надлежащего присмотра ежегодно остается по протяженности целая линия от Москвы аж до самого Владивостока. Тем самым оголяется рельсовая колея»,— пишет в «Правде» доцент Уральского электромеханического института железнодорожного транспорта В. Саблин.

Размышляя над сообщением Госкомстата СССР о том, что по сравнению с 1986 годом на путях увеличилось число крушений и аварий, автор обстоя-

что пассажирский поезд № 159 «Аврора» потерпел крушение «в результате неудовлетворительного содержания пути, необоснованной отмены предупреждения об ограничении скорости старшим дорожным мастером т. Гавриловым, действия которого не были своевременно пресечены начальником Бологовской дистанции пути т. Хрусталевым».

Безусловно, в каждом ЧП всегда виноват стрелочник. Найти его нетрудно. Найдя — осудить, осудив — посадить. Но кто же ответит за то, что стрелочников становится все больше?

Не секрет: люди работают хорошо, ответственно и надежно только там, где чувствуют уважение к своему труду, ощущают заботу о себе, своих семьях. Зарплата хоть и важное, но далеко не единственное мерило их взаимоотношений с работодателями. Прекрасно вроде бы оплачиваются машинистам сверхурочные, но отчего же стонут дюжие мужики, жалуются на здоровье, на то, что, прикованные к рукоятке контроллера приказами о сверхурочной работе, по сути, не видят своих семей, не ведают, как растут их дети. А станешь протестовать — вылетишь и правды нигде не найдешь, потому что ведомство еще со сталинских времен на особом счету, ограждено от внешнего мира собственным уставом, с которым обычному гражданскому суду не совладать.

километров, дальнейшая проверка — это самообман. Протяженность же осмотра участков с легкой руки белорусского метода достигла сейчас десяти и более километров, а на одного мастера удлинилась в ряде мест до 90 километров. Скорость пешего осмотра раз в месяц 30 километров в час! Мыслимо ли?»

Конечно же, мыслимо, если эту скорость как-нибудь разовьет на шпалах между Москвой и Ленинградом генералитет МПС, явив собой личный пример небывалой производительности. И вот когда разовьет, гарантируя при этих, не снившихся ни одному марафонцу нагрузках стопроцентную надежность пути, тогда и я в «Красной стреле» буду спать спокойно, уверенный, что она ни за что не свалится под откос.

Сейчас же этой уверенности нет. И быть не может, потому что слишком долго и громогласно заверяли нас, пассажиров, в отменном качестве главного хода Октябрьской магистрали, доказательством чего, в частности, должен был служить широко разрекламированный ЭР-200...

...16 ноября 1979 года в 12 часов 50 минут от перрона Московского вокзала плавно отошел серебристо-голубой состав, которому ближе к вечеру предстояло войти, а точнее, въехать в историю отечественного железнодорожного транспорта. Повод к тому имелся более чем основательный: в первый рейс с пассажирами отправлялся первый отечественный суперэкспресс ЭР-200.

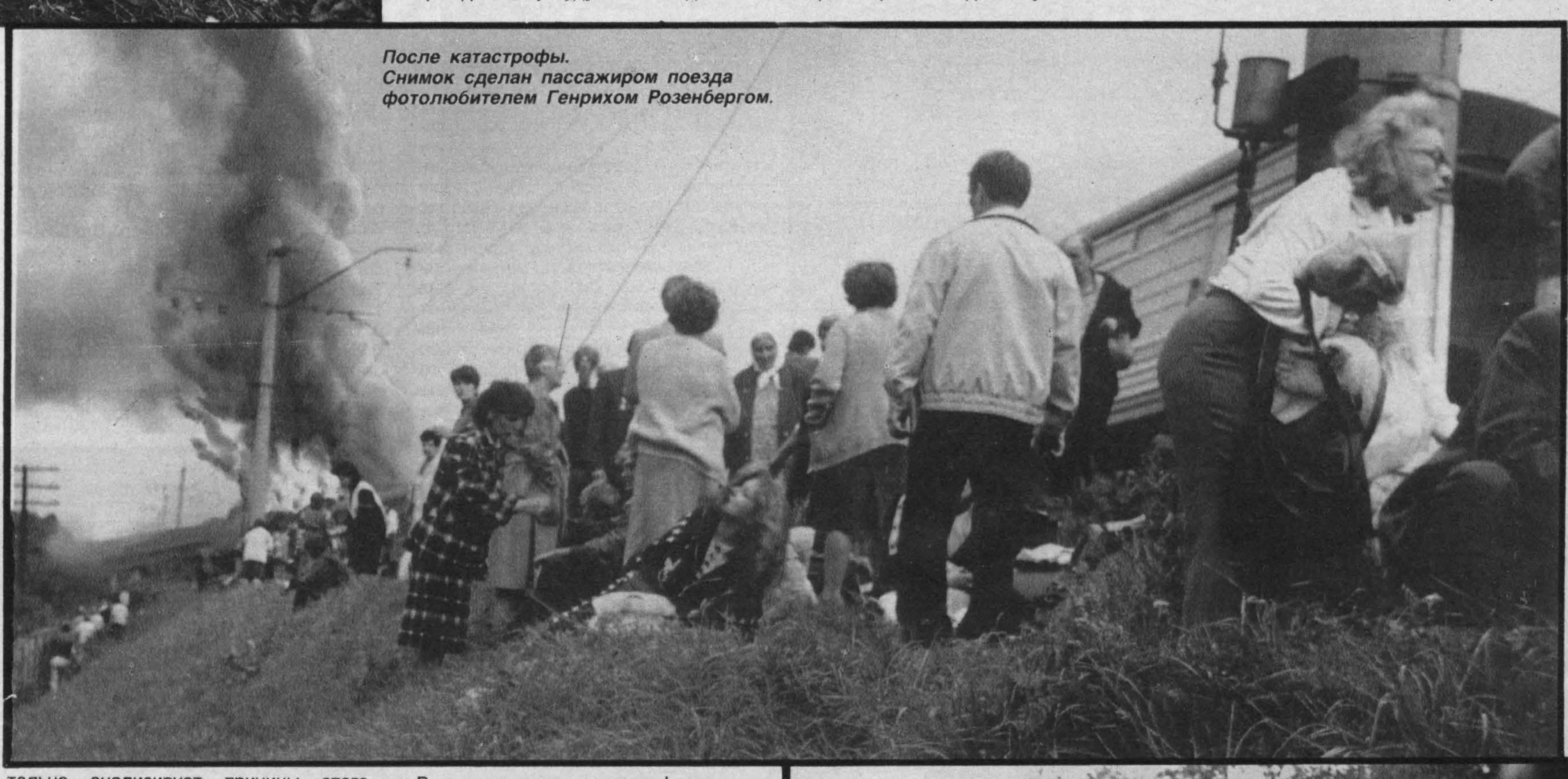
Слегка засидевшись на старте (рижские вагоностроители передали эксплуатационникам этот поезд еще в 1976 году), новичок, как бы нагоняя упущенное, на всех парах устремился к столице, развивая на отдельных участках скорость до 160 километров в час. Пассажиры, утопавшие в мягких, самолетного типа креслах, тихо ахали от восторга и полушутя обсуждали, какой же из московских аэропортов — Шереметьево или Домодедово — готовит им торжественную встречу. Но поезд остался верен рельсам и на взлет не пошел, предпочтя всем воздушным гаваням скромный причал Ленинградского вокзала, где и ошвартовался в полном соответствии с расписанием.

— Лиха беда начало,— пообещал журналистам один из ответственных работников МПС.— Освоим трассу как следует, будем добираться до Москвы не за семь часов, как сейчас, а за три часа пятьдесят минут!

Какой же русский не любит быстрой езды!

Какой же русский не доверяет словам ответственных работников!

И журналисты поспешили порадовать читателей этой действительно замечательной новостью. Признаюсь, и я однажды написал похвальный репортаж об

После катастрофы. Снимок сделан пассажиром поезда фотолюбителем Генрихом Розенбергом.

тельно анализирует причины этого явления. Содержание его статьи «Крушение: случай или система» (3 августа 1988 г.) не оставляет сомнений — участившиеся беды на железной дороге не следствие злого рока или козней империалистов, а неизбежность. Еще более укрепляют в этом выводе публикации «Гудка» «А вагоны сходят с рельсов...», «Догонит ли прогресс машиниста?» (8 июля 1988 г.) и многие другие материалы на ту же тему.

Складывается впечатление, что не просто отдельные составы, а вся железная дорога пошла вразнос; руководители ее в погоне за пресловутыми тонно-километрами на одного работника давно забыли о самом работнике и озабочены лишь тем, чтобы любой ценой доложить вышестоящему начальству о том, что их отрасль интенсифицируется не хуже других.

Любой ценой? Лично меня, как постоянного клиента МПС, подобная такса не устраивает. И потому не удовлетворяет распространенное ТАСС сообщение первого заместителя министра путей сообщения СССР В. Гинько о том,

Вот и падает престиж профессии, не спешат под этот пресс молодые, не желая заведомо гробить здоровье, будущую семью и, возможно, жизнь, поскольку, по статистике, первопричиной более половины проездов запрещающих сигналов является сон, вызванный глубочайшей, неистребимой усталостью, накапливающейся в результате сотен часов дополнительной, законом не нормированной работы.

А тут еще новая напасть — так называемый белорусский метод. Задумка-то сама по себе неплохая и теоретически никаких возражений не вызывает: кто же будет спорить, если МПС решило значительно улучшить свою работу, используя внутренние резервы? Мало ли в недрах этого ведомства всякого рода замов и помов. Вон и в Бологом, как мне говорили, у начальника отдела движения аж пять заместителей.

Увы, «лишних» людей стали искать опять-таки на путях. Позволю себе еще раз процитировать В. Саблина: «По самым жестким нормам, добросовестно и качественно бригадир пути может, как правило, осмотреть четыре—шесть

ЭР-200. Не зная многого из того, что стало известно сейчас.

Впрочем, нашлись уже тогда среди газетчиков скептики. И мрачно заявили: «Ни черта из этой затеи не выйдет. Для скоростных поездов надо строить новую трассу, а не приспосабливать старую. К тому же линия Москва — Ленинград и без того перегружена. Пустить по ней это супернедоразумение — значит выбить из расписания сразу несколько обычных поездов. Стоит ли овчинка выделки?»

Но кто же слушает скептиков в минуты всеобщего восторга...

Овчинку выделывали еще с год. Во всяком случае, до следующего сентября в газетах нет-нет да и мелькали сообщения о начале регулярных рейсов ЭР-200 и о том, что на «отдельных участках пути он развивает скорость до 200 километров в час».

Однако, когда в ноябре 1980 года мой коллега из «Советской России» попытался «развить» (при помощи данного экспресса) вышеуказанную скорость, он не выиграл во времени, а проиграл: прибыл в столицу с двухчасовым опозданием. Ибо как ни хорош ЭР-200, а прыгать через впереди ползущие поезда не обучен. Те же, в свою очередь, отнюдь не горели желанием уступать дорогу стремительному выскочке и неторопливо вершили свои обычные тяжеловесные дела. Машинисты усмехались: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань...»

«Лань» вообще оказалась капризной. И расписание ей потребовалось особенное, под стать темпераменту, и степень износа путей ее не устраивала, и т. д., и т. п. Ну, естественно, докапризничалась — надолго застряла в депо. И до сих пор выбирается оттуда лишь раз в неделю, сея тихую панику среди работников Октябрьской дороги, хорошо понимающих опасность сверхскоростей в сложившихся условиях.

Именно об ЭР-200 думал я в скорбной тишине 308-го километра, глядя на искореженные останки обгоревших вагонов.

На чьей же все-таки совести эти и многие аварии? Кому липового престижа ради была выгодна эта гонка со смертью? Жутко даже представить, в какую кровавую кашу мог превратиться здесь на скорости за 200 км/час единственный отечественный суперэкспресс!

А ведь мог, и первый серьезный сигнал об этом прозвучал еще вечером 31 августа 1983 года, когда на станции Любань «борт в борт» сошлись два поезда — скорый № 48, следовавший из Москвы в Ленинград со скоростью 100 км/час, и пригородная электричка, внезапно двинувшаяся в том же направлении на красный свет.

Только благодаря исключительной выдержке, мастерству машиниста скорого Валерия Александровича Григорьева и его помощника Алексея Владимировича Риста трагедии удалось избежать — при столкновении не пострадал ни один человек. Но даже предварительный анализ этого ЧП показал, сколь неудовлетворительны еще техническое состояние, уровень дисциплины обслуживающего персонала главного хода Октябрьской дороги. Отмечалась прямая вина МПС и в том, что реконструкция важнейшей магистрали, ее техническое перевооружение велись, как оказалось, крайне низкими темпами.

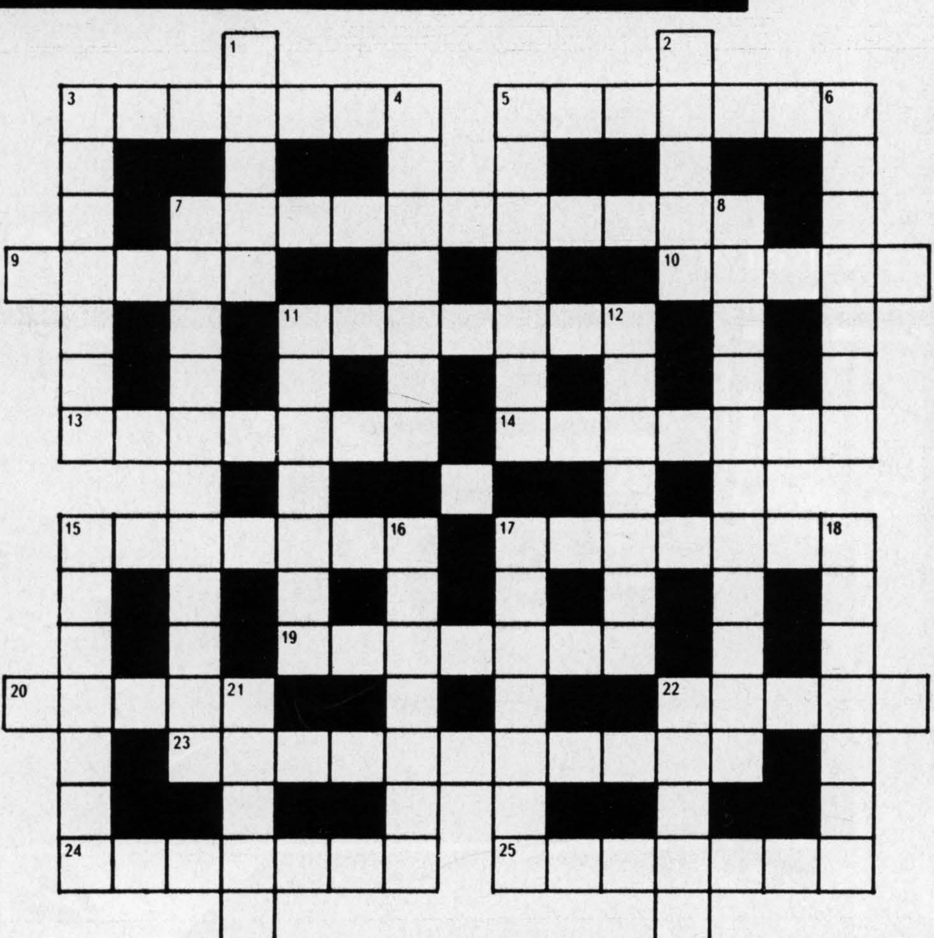
Это «как оказалось» явилось, пожалуй, самым печальным итогом любаньского ЧП. Потому что с первых минут появления на магистрали ЭР-200 только и было разговоров о неустанном ее совершенствовании, модернизации в соответствии с высокими требованиями времени.

Что же пообещают нам на сей раз? И чем еще придется расплачиваться за эти обещания?

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
соб. корр. «Огонька».

Фото Игоря ПОТЕМКИНА

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Бюро международного молодежного туризма. 5. Специалист по сверлению скважин в горной породе. 7. Город в Пермской области. 9. Легкоатлетический снаряд для метания. 10. Советский татарский писатель. 11. Самоходная машина для тяги сельскохозяйственных орудий. 13. Выборный представитель коллектива. 14. Советский химик-органик, академик. 15. Русский архитектор, представитель классицизма. 17. Разновидность бурового долота. 19. Помещение для содержания лабораторных животных. 20. Овощная культура. 22. Герой поэтической сказки А. С. Пушкина. 23. Совокупность передач в тракторах, автомобилях. 24. Инструмент, применяемый для подъема песка, жидкости из буровых скважин. 25. Положение, принимаемое без доказательств.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Начальный момент спортивных состязаний. 2. Разведывательная боевая операция. 3. Дирижер, народный артист СССР. 4. Согласованность, тесное общение в деле. 5. Курорт в Великобритании. 6. Маршал Советского Союза. 7. Механическое соединение разнородного. 8. Симфоническое сочинение М. И. Глинки, фантазия на темы двух русских песен. 11. Советский башкирский писатель. 12. Питомник, цветник. 15. Исследование горных пород в буровых скважинах. 16. Рассказ А. П. Чехова. 17. Остров в Средиземном море. 18. Вращающаяся линейка для отсчета углов в астрономических и геодезических инструментах. 21. Электронная лампа. 22. Приток Уссури.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Комбайн. 8. Слесарь. 9. Трек. 10. Тайга. 12. Акула. 14. Чеглок. 16. Косинус. 17. Сопрано. 18. Евстигнеев. 21. Роднина. 23. Сандино. 24. Арктур. 25. Флокс. 27. Домра. 28. Нура. 29. Скорина. 30. Лютеций.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Гончаров. 2. Шахта. 3. Интерес. 4. Эскимос. 5. «Весна». 6. Дриблинг. 11. «Гривенник». 13. Караваджо. 14. Чурсина. 15. «Кочегар». 19. Горловка. 20. Антрацит. 22. «Арсенал». 23. Суздаль. 26. Сирия. 27. Друть.

ЧУДЕСА

Есть в Балтасинском районе Татарии деревня Гондарево. Деревушка невелика, всего-то дворов тридцать пять да одна улица. А живут на ней чудеса. Иначе и не назвать то, что здесь увидел...

— Откуда эти краски, откуда красота? — поинтересовался я у одной из хозяек.

— Дак соседи напротив как-то расписали свои ворота, а мы решили не отставать. Да и другие потянулись за нами...

Вот так с легкой руки одного любителя живописи сказочно преобразилась вся деревушка.

Фарит ГУБАЕВ
(фото автора).

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663